Сын тихого Дона

Михаил Андриасов

МИХАИЛ АНДРИАСОВ

СЫН ТИХОГО ДОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА—1969

8 Р2
А 65

Автор книги «Сын тихого Дона» — Михаил Андреевич Андриасов — ростовский писатель. Уроженец донской земли, он обычно находит своих героев на юге Советской России и прежде всего на родных и близких сердцу его берегах тихого Дона.

Его перу принадлежат книги: «Подвиг пионера», «Сын Зангезура», «Автомат Юры Тарасова», «Господствующая высота», «Легенда о золотом коне», «Придонская быль», «Шесть дней» и другие.

В последние годы Михаил Андриасов плодотворно работает над книгами о жизни и творчестве своего выдающегося земляка Михаила Александровича Шолохова. Вышедшая несколько лет назад книжка «На шолоховской земле» нашла живейший отклик у читателей. М. Андриасов был составителем и одним из авторов широко известного юбилейного издания «Шолохов».

Предлагая вниманию читателей книгу Михаила Андриасова «Сын тихого Дона», издательство полагает, что поклонники замечательного певца земли русской найдут немало интересного и в этом новом произведении.

7—2—2
97—68

1

Дорогая, невозвратная пора юности!.. Сколько написано о тебе, сколько говорено. Кто из тех, от кого ты ушла навечно, не возвращался к тебе мысленно, с доброй улыбкой, со щемящей грустью?!.

Разные дороги уводили людей от тебя и разные выпадали испытания идущим. Радости перемежались с огорчениями. Нет, не все, далеко не все дни были солнечными. Да так и не бывает, даже у самых беззаботных. Часто небо заволакивали тучи. Но разве они могли остановить тех, у кого сердца горели и для кого дорога испытаний была самой жизнью?!

Конечно, есть люди, у которых солнца было больше, и есть люди, которых оно не очень жаловало. И все же спросите и тех и других, спросите у людей, уже прошедших большую часть своей дороги, спросите их, что они думают о тех далеких днях, когда впервые перешагнули свой первый «горизонт», впервые увидели большой мир, твердо стали на ноги. Спросите у них...

Да, многое сказано о тебе, юность, пора крылатая, пора ожиданий, пора надежд. Это о тебе написал поэт: «...И как бы в утешенье людям дан повторный мир живых воспоминаний». Так человек вспоминает тебя, когда ты далеко от него и он знает, что ты больше никогда не вернешься. Только тот, кто расстался с тобой, кто сам пережил это мысленное возвращение к «повторному миру живых воспоминаний»,— только

тот ищет для тебя и может найти проникновенные слова...

Я тоже иногда возвращаюсь к тем дням, когда босой бегал с ватагой таких же босоногих мальчишек по пропыленным и порыжевшим от солнца степным дорогам к маленькой куцей речушке с замысловатым названием Полячка. Кто-то объяснял нам, что так назвали речушку потому, что когда-то она принадлежала какой-то помещице, польке по национальности. Имение этой помещицы стояло на горе, прямо над речкой, в небольшой роще, тогда казавшейся мне дремучим лесом.

Мальчишки, мы, конечно, тянулись к разнообразию и временами, изменяя Полячке, бегали к привлекавшему нас, сплошь заросшему кустами дерна, небольшому взгорью. Там, внизу, под кустами, тоже протекала речушка, мутная, с обрывистыми глинянными берегами. Это место так у нас и называлось: «Под дернами». Мы любили тут купаться, нырять, часами гонялись друг за другом, а когда, посиневшие и дрожащие, с трудом выкарабкивались на берег, то едва узнавали себя — взбаламученная, грязная вода, вязкий черный ил основательно переделывали наши физиономии. Но на Полячке и «Под дернами» были и довольно глубокие места: на всю жизнь мне запомнилась трагедия, приключившаяся с тремя сестрами и их братом. Они пришли купаться. Кто-то стал тонуть. Спасая друг друга, все четверо погибли в Полячке...

Все это происходило в степи, в двух-трех верстах от Миллерова, где я жил в то время. Многое из отроческих лет неизгладимо врезалось в

память. Но когда я теперь вспоминаю этот тихий городок, из всех тех далеких впечатлений передо мной все чаще встает одна трепетная картина. Пелена почти четырех десятилетий покрывает ее, и порой то далекое мне кажется видением...

Стояло лето 1929 года. В один из августовских дней, в то послеобеденное время, когда зной уже уходит вместе с солнцем и небо дарит людям предвечернюю прохладу, по главной миллеровской улице в сторону небольшого городского сада шли трое мужчин. Одного из трех я сразу узнал, хотя и не был знаком с ним,— это был журналист из редакции миллеровской газеты «Донецкий хлебороб». Каждый раз, встречая молодого человека на улице или, что было чаще, в книжном магазине с огромной железной вывеской «Севкавкнига», я невольно робел перед ним и затаенно мечтал о том времени, когда и мне выпадет счастье работать в редакции. Тогда для меня, автора первых заметок и стихов в школьной стенгазете и в краевой детской «Ленинские внучата», литературный авторитет этого журналиста, естественно, был необычайно высок. Но, странное дело, на этот раз мой герой, обычно шагавший по миллеровским улицам с гордо поднятой головой, с «умными» очками на переносице, выглядел как-то по-иному. Голова его на сей раз не была столь гордо откинута назад, во взгляде не было его обычной независимости, а глаза, оказавшиеся в такой затяжной улыбке, какой я и не подозревал за ним, не стрывались от того, кто шел посредине. Человек, что шел посредине, привлек и наше внимание — мое и одноклассника Лешки Тарадина.

Молодой мужчина шел не спеша, легко ступая, негромко разговаривая с нашим журналистом. Невысокий, с огромным лбом, с очень острыми, светло-серыми глазами, он не мог не привлечь нашего внимания: такого человека мы в Миллерове не видели. Одет он был просто. На нем была белая косоворотка с подвернутыми по локоть рукавами. Полувоенное галифе заправлено в хорошо пригнанные тонкие сапоги.

Мы не знали этого человека, но в душе шевельнулись какие-то волнующие догадки. Какая-то неведомая сила влекла меня за этими тремя. Неожиданно в стороне я увидел знакомых ребят. Они тоже, сохраняя почтительное расстояние, шли за этим лобастым.

Стремглав кинулся я к моему товарищу Петьке Грузинскому. К нему у меня среди прочих друзей было самое доброе расположение. Ведь это Петя принес мне впервые «Трех мушкетеров». Не успел я приблизиться, как Грузинский, таинственно поднеся палец ко рту, прошептал:

— Знаешь кто это? Шолохов!..

Ему не надо было больше ничего говорить. Он сказал «Шолохов», а у меня в ушах звучало: «Тихий Дон», «Тихий Дон»...

Мы, старшеклассники, уже знали эту книгу.

Трое вошли в городской сад. Мы последовали за ними. Молодежь только собиралась. Редкие пары прохаживались по аллеям. Но в знакомой беседке уже восседал духовой оркестр завода, и полудремотные окрестные улочки уже оглашались звуками вальсов, которые духовой оркестр неизменно повторял здесь каждый вечер. Не

знаю, как назывались эти вальсы, но каждый из нас так часто их слышал, что мог с успехом подпевать музыкантам.

Мы на лодочке катались,
Ненаглядный, милый мой.
Не гребли, а целовались
И качали головой...

Если же это был другой вальс, то неизбежно вот этот:

Милый, купи ты мне дачу,
Душно мне в городе жить...
Если не купишь — заплачу
И перестану любить...

Тем временем стемнело. Зажглись редкие лампочки. Приличие требовало от нас прекратить «преследование».

Сколько дней потом мы говорили о встрече с автором «Тихого Дона», романа, который сразу, в небывало короткое время пробился к миллионам сердец. И как нам было радостно сознавать, что Шолохов — наш земляк, что он живет в Вёшенской — в одной из близких к нашему городу станиц. Конечно, разве мог я тогда, мальчишка, представить всю полноту могучего таланта, поднимавшегося над планетой с моей родной верхнедонской земли?! Одно запомнилось на всю жизнь — я был очень взволнован. Неясное смутное чувство чего-то очень большого будоражило и теснило мое ребячье сердце. Только потом, спустя годы, после того как я впервые увидел Михаила Александровича, узнал я, что и в ту памятную, далекую для меня, миллеровскую встречу этот двадцати-

четырехлетний обаятельный человек с необыкновенным лбом и необыкновенными глазами уже тогда был знаменитым писателем нашего времени.

2

Вёшенская... Старинная казачья станица. Она раскинулась у самого тихого Дона, на бескрайних степных просторах. Как близка и как знакома нам эта земля по бессмертным творениям Михаила Шолохова!

К Вёшенской приковано внимание всех, кому дорога литература, ее искрометное, вечное живое слово. К Вёшенской, к шолоховскому слову прислушиваются миллионы людей, живущие на всех материках.

В могучем русле русской дореволюционной и советской классической литературы немало изумительных художников слова, чьи имена написаны золотом на скрижалях мировой культуры. К большим мастерам, создавшим подлинные памятники литературного творчества, давно пришло всеобщее признание.

Народным писателем называют читатели и автора «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Судьбы человека», опубликованных глав романа «Они сражались за Родину», певца земли русской Михаила Александровича Шолохова.

...«Степь родимая! Горький ветер, оседающий на гривах косячных маток и жеребцов. На сухом конском храпе от ветра солоно, и конь, вдыхая горько-соленый запах, жует шелковисты-

ми губами и ржет, чувствуя на них привкус ветра и солнца. Родимая степь под низким донским небом! Вилюжины балок, суходолов, красноглинистых яров, ковыльный простор с затравевшим гнездоватым следом конского копыта, курганы, в мудром молчании берегущие зарытую казачью славу... Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, нержавеющей кровью политая степь!»

Кому принадлежат эти неповторимые краски, необычные и простые, как сама жизнь, образы, ключевой язык, эти кровью сердца написанные слова? Ну конечно же, Михаилу Александровичу Шолохову — выдающемуся сыну Дона, сыну столь изумительно описанных им донских степей.

...Когда-то, еще на заре литературной деятельности Шолохова, большой советский писатель, тоже сын тихого Дона, Александр Серафимович с отеческой любовью назвал его степным ореликом. Степной орелик давно стал могучим орлом и широко раскинул свои сильные крылья.

Полет орла виден всем людям планеты, и оттого гнездо его — благодатная донская земля — уже много лет приковывает к себе взоры всех, кто любит литературу, ее всегда новое, волшебное слово, добываемое из недр животворящего народного языка, то единственное слово, которое безошибочно находит путь к сердцу читателя.

В словах Михаила Александровича, обращенных к литераторам, мудрый и добрый совет, пример для тех, кто взялся пером и сердцем служить родному народу.

В апреле 1960 года «Литература и жизнь»

готовила специальный номер, посвященный творчеству донских писателей. Как корреспондент этой газеты я обратился к Михаилу Александровичу с просьбой сказать несколько слов своим собратьям. Шолохов откликнулся на просьбу и передал редакции такое короткое письмо:

«Можно только порадоваться тому, что время от времени страницы и целые номера газеты «Литература и жизнь» будут посвящены творчеству писателей областей, краев и автономных республик Российской Федерации.

Взглянем на литературную карту Советской России. Не только в Москве и Ленинграде — на Дальнем Востоке, на Урале, в Сибири, на Дону и Кубани, на Волге, на Тереке живут писатели, чьи книги известны читателям всей страны. Оружием правдивого художественного слова они служат партии, своему народу. И не по штампу прописки в паспорте оценивают читатели вклад того или иного писателя в литературу. Не может быть деления на писателей столичных и областных.

Пусть газета окидывает хозяйским взором творческое поле литературной России, не пропуская ни одной борозды. Пусть увидит и живые всходы, молодую поросль, не оставит без сурового внимания и авторов, допускающих огрехи.

Я, разумеется, не могу остаться равнодушным к тому, что сегодня газета отдает свои страницы донским писателям, моим землякам. Они заработали это право. В их книгах есть дыхание жизни. Донскую роту в нашей литературе можно узнать по хорошему мужественному шагу.

Но это же и обязывает. Мои земляки не обидятся на меня, если я напомню, что читатели ждут от писателей нового слова о современности. Не должны бы обидеться они на меня и за совет совершенствовать мастерство. Слово, добываемое писателем из недр могучего русского языка, каждый раз должно быть тем единственным словом, которое безошибочно находит путь к сердцу читателя.

Мой сердечный привет донским собратьям по перу!»

Слово Шолохова, доброе слово учителя донские писатели запомнили на всю жизнь.

3

Наверное, от большой, горячей любви народа к своему славному сыну из станицы Вёшенской мы теперь все чаще и чаще именуем степные просторы Дона шолоховскими. И это звучит так естественно, так убедительно, потому что в нашем представлении имя Шолохова поистине неотделимо от Дона.

Необозримы донские степи, воспетые писателем.

В июне 1960 года в печати было опубликовано открытое письмо Шолохова землякам-каргинцам. Он сообщал им, что целиком отдает Ленинскую премию на строительство новой школы в Каргинской, взамен той, «в которой когда-то давно я учился грамоте».

Базковское взгорье... Какая красивейшая панорама открывается отсюда! Прямо, километрах

в пяти, за сверкающим стременем Дона белеет в садах Вёшенская — станица, которую знает весь мир. Чуть правее, вниз по течению Дона, в утренней голубой дымке — хутор Лебяжий. В начале тридцатых годов здесь создавал первые колхозы матрос Андрей Плоткин. Еще правее, дальше на юг, виднеется хутор Андроповский, в котором жил двадцатипятитысячник, краснопутиловский слесарь Баюков. Дела Плоткина и Баюкова, их героическая борьба в трудные годы коллективизации послужили Шолохову материалом для создания образа Семена Давыдова.

В хуторе Грачи и сейчас стоит дом Титка Бородина. За ним, чуть в стороне,— хутор Кружилинский, где 24 мая 1905 года родился Михаил Александрович. Здесь и теперь вам покажут небольшой курень Александра Михайловича Шолохова — отца Михаила Александровича.

Мать писателя Анастасия Даниловна погибла в минувшую войну. Случилось это летом 1942 года. В районе станицы Вёшенской немцы вышли на правый берег Дона, но переправиться на левую сторону реки, в родную станицу Михаила Александровича, так и не смогли.

Левый берег немцы яростно обстреливали. Узнав, что в станице, перед которой они стоят, находится дом Шолохова, фашисты усилили атаки. Гитлеровские летчики стали охотиться за усадьбой писателя, и в один из налетов бомба попала в шолоховское подворье. Осколками бомбы Анастасия Даниловна была убита. Дом разрушился...

Горько переживал тяжелую утрату Михаил

Александрович. Он самозабвенно любил свою мать, сызмальства горячо привязанный к ней. Умная, энергичная женщина, Анастасия Даниловна много внимания уделяла воспитанию сына.

Украинка, она происходила из крестьян Черниговской губернии.

Когда-то помещик Попов перевез предков Анастасии Даниловны — крепостных крестьян Черниковых — с украинской земли на Дон, в имение Ясеновку.

Люди, видевшие и знавшие мать писателя, рассказывали мне о том, что она была рассудительной женщиной, доброй и справедливой. В молодости ей довелось хлебнуть много горя в помещичьем доме. Особенно измывалась над горничной сестра помещика — старая дева, взбалмошная и озлобленная. Еще будучи мальчиком, Михаил Александрович на всю жизнь запомнил рассказы матери, полные тоски и безысходности...

— Очень трудной была жизнь моей матери,— говорил Михаил Александрович.— Я никогда не забуду о том зле, которое причинили ей помещики Поповы...

О детстве Шолохова почти ничего не известно. Не любит воспоминаний Михаил Александрович, а между тем читателей очень интересует все, что проливает свет на его биографию.

Будущему писателю было семь лет. Пошел он в канун 1913 года, под рождество, с ватагой станичных мальчишек христославить по дворам.

— Заглянули мы к богатым купцам,— обра-

тился как-то Михаил Александрович к невозвратному прошлому, и было в том далеком, детском что-то по-детски трогательное, волнующее...— Гляжу, на комоде лягушонок резиновый. Мои приятели, мальцы, как и я, поют. Я тоже рот раскрываю, а от лягушонка не могу отвести глаз... Блестящий, зеленый, с желтым пузиком. До чего же очаровал! Хозяева заметили это... подарили... Выходим из хаты, прячу игрушку под шубенку, прижимаю к сердчишку. И так мне было хорошо, что не заметил хозяйского козла. Тот подобрался сзади и — рогами меня... Я бежать и руками лягушонка еще крепче прижимаю... Козел проклятый бодает в спину. Отстал он только за воротами. А моей радости конца нету — лягушонок-то остался у меня, вот здесь, у сердечка...

Если вы поедете по донской земле дальше, до станицы Боковской, старожилы непременно покажут вам дом есаула Сенина — прототипа Половцева.

В этих шолоховских местах много дорогих примет, связанных с жизнью самого писателя и с судьбами героев его произведений.

4

На степной дороге приезжий журналист встретился с директором местного совхоза — пожилым, однако довольно энергичным человеком,— Константином Дмитриевичем Бабанским. Разговорились.

— А у нас сегодня интересный день: в Кар-

гинскую приезжает Шолохов, — сказал директор.

— По какому случаю?

— Школьники пригласили. Читали в «Молоте»[1] письмо Шолохова к каргинцам? Как-то весной депутаты сельсовета и родительский комитет школы попросили меня вручить Михаилу Александровичу письмо с просьбой о строительстве новой школы.

— А почему именно Шолохову?

— Так он же наш депутат Верховного Совета СССР. Перед майскими праздниками я был у него и вручил ему письмо каргинцев. Михаил Александрович прочитал, задумался, сказал: «Знаю эту нужду земляков, и школьники недавно мне писали. Моя родная школа. Много лет прошло, как я обучался в ней грамоте». И тут в глазах Шолохова вспыхнул огонек: «А знаешь, что я тебе скажу, Константин Дмитриевич? Считай, что фундамент этой школы уже заложен». Я тогда не сразу догадался, что он задумал, а теперь мне все ясно. Вот каргинцы в благодарность и пригласили его к себе. Он в Москве был, выхлопотал решение.

В полдень Михаил Александрович приехал в родную школу. Его радушно встретили ученики, учителя, друзья юности.

Десятиклассник Петр Лиховидов по старинному обычаю преподнес писателю хлеб-соль. Ученицы Нина Соболева и Надя Баркина подарили ему букеты полевых цветов с бессмертником — чудесным донским цветком с «медными»

---

[1] «Молот» — ростовская областная газета.

лепестками. Шолохов расцеловал ребят, поблагодарил их.

Тем временем двор школы заполнили станичники. Кажется, пришли все, кто был в Каргинской. Председатель сельсовета Федор Александрович Турилин открыл митинг. Много доброго высказали каргинцы земляку.

— Дорогие станичники, друзья! — начал ответную речь Михаил Александрович.—Я как-то не привык говорить по написанному. Разрешите сказать так, просто, что мне подсказывает сейчас сердце. Благодарю вас за теплые слова и пожелания. Много я исходил по дорогам войны, много ездил по разным странам, но никогда не забывал о вас, земляки, всегда помнил о наших родных краях.

То, что полученную мною Ленинскую премию я целиком отдаю на строительство новой школы в станице Каргинской, — не такое уж большое событие. Первую премию я отдал на оборону страны в годы Великой Отечественной войны. А теперь, когда каргинцы обратились с просьбой помочь им в строительстве средней школы, мне радостно идти на такое дело. Это мне подсказала моя партийная совесть. Сердечно благодарю вас за приглашение в Каргинскую, которая так близка моему сердцу.

Еще раз хочу сказать вам, дорогие станичники, что я не забываю вас, часто вспоминаю, как поется в старинной песне:

О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом...

Благодарю вас за эту встречу.

5

В редких художественных произведениях русской и мировой литературы судьба человека-труженика раскрывается так, как в романах и рассказах Шолохова. Судьба человека, борьба со злом, со всем тем, что стоит на пути к свету, волнующая до глубины души полувековая история донского казачества, духовная сила, железная выдержка, несравненная душевная красота русского советского человека, суровая правда о гражданской войне, столь часто исполненная трагизма, нежная любовь ко всему человечному, ко всему доброму, что утверждает жизнь, уничтожает насилие, страстная борьба за новый мир, за дело народа — об этом повествуют людям книги Михаила Александровича Шолохова, которые никогда нельзя читать спокойно и от которых всегда так трудно оторваться.

В чем сила творчества Михаила Александровича? Почему миллионы, десятки миллионов людей всех стран и всех континентов с таким душевным трепетом приняли книги писателя?

Потому что в них сама жизнь, и прежде всего жизнь народа, нашедшая глубоко правдивое, наияркайшее художественное воплощение на страницах книг Шолохова. Потому что она, эта жизнь, воссоздана шолоховскими произведениями в неповторимых картинах неподкупной правды, над которой не властно время. Потому что жизнь родного народа, его дочерей и сынов до боли дорога писателю, потому что он, Михаил Шолохов, не мыслит своей жизни вне жизни, вне интересов народа и партии Ленина, переде-

лывающей мир. Все мы до сих пор помним и никогда не забудем шолоховского ответа реакционной буржуазной печати, борзописцам, изощряющимся в клевете о том, будто у советских писателей «нет свободы творчества».

Это было на Втором Всесоюзном съезде писателей. «О нас, советских писателях, — сказал Михаил Александрович, — злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

Источником шолоховского таланта является народ.

«Я родился на Дону, — пишет в автобиографии Михаил Александрович, — рос там, учился, формировался как человек и писатель и воспитывался как член нашей великой Коммунистической партии, и являюсь патриотом своей великой могущественной Родины. С гордостью говорю, что я являюсь и патриотом своего родного Донского края».

Михаил Александрович вспоминает, что писать начал в 1923 году. Однако передают, что еще за два-три года до этого пятнадцатилетний Миша Шолохов писал небольшие пьесы и приносил их в станице Каргинской в драматический кружок, членом которого состоял. Сам он никогда себя автором этих пьес не называл, а уверял товарищей, что ему их присылают знакомые из

Вёшек... Но старые друзья писателя теперь уже твердо убеждены, что эти «каргинские» пьесы сочинял именно Шолохов. Да и сам он однажды в этом смысле случайно обмолвился, разговаривая об одной из пьес со своим школьным учителем.

Любопытно и другое. Выступая в любительских спектаклях, юный Шолохов пользовался исключительным успехом у станичников.

Знакомишься с жизнью художника и полнее видишь будни страстного участника всех событий, происходящих в стране. Он часто бывал на Волго-Доне, у тех, кто возводил плотину Цимлянского гидроузла и кто создал в донской степи сказочное Цимлянское море. Его видели строители Волгоградской гидроэлектростанции. Часто встречается писатель с тружениками сельского хозяйства, бывает на колхозных фермах, навещает чабанов. Он — гость ростовских рабочих, студентов, металлургов Таганрога, воинов Советской Армии, литературной молодежи.

Шолохов всегда с народом — и в мирные дни, и в пору грозных испытаний. В годы Великой Отечественной войны сначала полковой комиссар, а затем полковник Шолохов — военный корреспондент «Правды» и «Красной звезды». «Мы рождены для жизни, и мы будем жить!» — эти гордые, я бы сказал, песенные слова писателя запали в самую душу его современников.

Вёшенская... Дом писателя, стоящий на самом берегу древней казачьей реки, — сколько дорог пролегло сюда с разных концов нашей страны, со всех частей света. За тридевять земель ведут отсюда благословенные пути...

Станица и теперь еще лежит далеко от больших дорог и крупных центров. До ближайшей железнодорожной станции от Вёшек — сто сорок шесть километров. Но Вёшенскую знает весь мир! И кто сомневается в том, что эта верхнедонская станица так и осталась бы не известной для сотен миллионов людей, если бы он не жил здесь.

Как много дал человечеству скромный станичник!

6

Апрель 1960 года. У донцов большая радость. Михаилу Александровичу за первую и вторую книгу романа «Поднятая целина» присвоено звание лауреата Ленинской премии.

Трудная весна выдалась в тот год. В донских степях лютовали черные бури. Темной, дымчатой пеленой закрывали они солнце, яростные порывы ветра сбивали людей с ног. Казаки вели борьбу со стихией. На огромных площадях пришлось пересевать хлеба. И все же из этой суровой битвы победителями вышли труженики. И вот, казалось, само солнце вышло приветствовать писателя.

Свежим, погожим выдался день двадцать второго апреля. Ночью выпал мелкий, словно заказанный, дождь. Стихли ветры, исчезла удушливая завеса пыли, открылись подернутые голубизной степные дали. Принарядилась станица, омытая первыми весенними дождями. На

придонских тополях и вербах — молодая зелень. В эту ночь как раз и дошло до казаков сообщение Московского радио о том, что их земляку присуждена Ленинская премия.

На местный телеграф хлынул поток приветственных телеграмм. Со всех концов страны по телефону вызывали Вёшенскую. Но раньше других Шолохова поздравили сами станичники. Первыми в дом Михаила Александровича пришли школьники. Их привел старый станичный учитель Тимофей Тимофеевич Мрыхин, много лет назад обучавший и Мишу Шолохова.

— Дорогой Михаил Александрович, — сказал старик, — ваши талантливые книги любят и ценят во всем мире. Ваши произведения, исполненные народной мудрости, учат людей жить, бороться, преодолевать невзгоды, строить новый мир.

Станичный поэт Михаил Ковалев обратился к писателю через местную газету «Донская правда» с короткими стихами:

Вы целинником тоже по-своему
Величаться могли бы —
Вот какие томища освоили,
Вот какие подняли глыбы!

Вечером в районном Доме культуры собрались казаки и казачки окрестных станиц и хуторов: Базковской, Еланской, Кулундаевского, Дудоревского. Приехали хлеборобы из родного гнезда Михаила Александровича — хутора Кружилинского. Пришли животноводы, механизаторы, полеводы. Тут же станичная интеллигенция—учителя, медики, служащие. Тесно в До-

ме культуры. Токарь Вёшенского механизированного лесхоза Титов сказал писателю:

— Ваши книги — наша радость и наша гордость. Подвиги Семена Давыдова и Макара Нагульного учат любить людей труда, учат жить и бороться.

Шолохов ответил коротко:

— Прежде всего я хочу поблагодарить вас, первых, за теплые ваши поздравления. Как говорится, дорого яичко к красному дню.

Вдвойне приятно то, что меня поздравили первыми мои земляки. А то, будь я в Москве, пришлось бы вам давать туда телеграмму. Спасибо еще раз за внимание!

Товарищи, в числе удостоенных Ленинской премии, как вы слышали, не только писатели и поэты, но и люди труда. Есть среди них и свекловоды. Вот я думаю о чем теперь. В Ростовской области Ленинскую премию получил я один. А почему бы и вам, труженикам Вёшенского района, с азартом не включиться в соревнование и тоже попытаться получить Ленинскую премию? Тогда и мне не так будет скучно одному.

Думаю так, раз Ленинские премии получили свекловоды, то почему бы какой-нибудь нашей свинарке не вырастить поросенка в шестимесячном возрасте этак пудов на двенадцать.

Дерзать надо, товарищи. Дерзайте! Терпенье и труд все перетрут.

И, уже сходя с трибуны, Михаил Александрович добавил:

— Благодарю за этот митинг. Он хорош прежде всего тем, что был самым коротким из всех митингов, на которых я бывал прежде.

7

Он сердцем болеет за все доброе на земле, всю щедрую любовь свою отдает людям, осуществлению их светлых надежд, вековых чаяний. Он так хочет, чтобы больше было радостей у человека, добывающего свое счастье в труде.

Горячая братская любовь к тем, кто возделывает землю, трудится у станков, запускает в космос чудо-машины — плод сердца, разума и рук советского человека, сыновняя любовь к матери-Отчизне, — не этими ли вечными источниками жизни так полны всегда строки Шолохова, зовущие и окрыляющие людей?! Вспомните слова писателя о Родине:

«Зимней, синеющей дымкой покрыты просторы большой нашей Родины, ходят туманы над вечно устремленными ввысь гордыми вершинами величественных горных хребтов, над древними морями и океанами, омывающими родные берега Отчизны. Влажным, ласково-мягким туманом повиты поля, возделанные и взлелеянные трудовыми руками советских людей. Мелкой изморозью, серебряным бисером светится каждый листок озими, вороненой сталью отливает каждый пласт поднятой под зябь земли.

...Как бы отягощенные воспоминаниями, низко склонили ветви сосны и ели, и на восходе, и на закате солнца, когда косые солнечные лучи ощупью бродят по лесам, — как слезы, блестят натеки смолы на иссеченных пулями и осколками стволах живых еще деревьев».

И потому народу и писателю, выражающему его думы, так дорог мир, и Михаил Александро-

вич говорит о том, что наш народ-труженик протягивает свои руки всем людям земли, всем, кто честен совестью и сердцем, протягивает руки друзьям и в то же время с холодной улыбкой презрения, негаснущей ненавистью и с сознанием своей несокрушимой мощи зорко посматривает за тем, кто неосторожно балует с огнем войны, и кровью сердца заключает писатель свою сокровенную мысль:

«...Мир не отнять у тех, чьи руки держали оружие и воспаленные губы осушали слезы на щеках осиротевших детей, чьи глаза видели и навсегда запечатлели в памяти ужасы прошлой войны. Мир и будущее навсегда наши!»

Когда он говорит «наши», он имеет в виду содружество всех честных людей Земли, содружество, освященное и скрепленное кровью, чувством интернациональной дружбы.

Широта его братских связей выходит далеко за пределы нашей Родины. Большой человеколюб, он тянется к дружбе со всеми людьми мира, он побывал во многих зарубежных странах и обрел немало друзей во Франции, в Италии, Англии, США, Японии, Польше, ГДР, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Норвегии, Финляндии... Он — испытанный друг людей, и тут невольно думаешь о том, что Михаил Александрович не только писатель, он — член советского парламента, отстаивающий там интересы своих избирателей, большой общественный деятель, академик, получивший это высокое звание по самой благороднейшей из наук — науке человековедения, изучения и строительства людских душ, по науке человеческих судеб.

Несколько лет назад в Англии, в шотландском Сент-Эндрюсском университете состоялась торжественная церемония присвоения Михаилу Александровичу почетной ученой степени доктора права этого университета. Любопытно, что Шолохов стал первым советским писателем, получившим в Англии почетную ученую степень, и вторым русским писателем, удостоенным этой чести после Ивана Сергеевича Тургенева.

Декан факультета права А. Дж. Макдональд, представляя Михаила Александровича общественности университета, сказал, что Шолохов широко признан в мире как величайший советский писатель. Характеризуя творчество Шолохова, декан подчеркнул, что Шолохов «создал для нас и для потомков произведения суровой красоты и необыкновенного величия, выдержанные в великих традициях русских классиков-реалистов».

Читатели всей земли, любящие литературу, внимательно следят за творческим подвигом Михаила Александровича, прислушиваются к его голосу, который с такой удивительной силой звучит с берегов Дона...

8

Жизнь выдающегося писателя интересует многих и многих. И люди, говоря о нем, душевно произносят: «Наш Шолохов». Их все интересует: и его напряженные писательские будни, и многочисленные встречи с читателями, и его

неиссякаемая общественная деятельность... Ведь Михаил Александрович — академик, делегат XVIII, XIX, XX, XXI, XXII и XXIII съездов КПСС, член Ростовского обкома партии, депутат областного Совета, член Советского комитета защиты мира... Одним словом, люди хотят побольше узнать о Шолохове—человеке, родившемся, выросшем и возмужавшем среди трудовых казаков, людей от земли.

Не один раз приходилось мне быть участником волнующих встреч писателя с читателями. Сколько я помню, эти встречи всегда были выражением неизменной взаимной любви. И это понятно. Народ давно и повсеместно выразил писателю всеобщее признание, горячо полюбил его, принял произведения художника, отмеченные суровой, прекрасной, неподкупной правдой жизни, в свою бессмертную сокровищницу. А что до любви писателя к народу, к своим читателям, то об этом лучше всего говорят сами книги Шолохова, книги о народе.

Да, встречи Шолохова с теми, для кого он пишет, кому отдает всю щедрую силу своего таланта, — всегда оставляют добрый след, надолго запоминаются.

В марте 1962 года в Ростове на многолюдном собрании Михаил Александрович встретился, как кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, со своими избирателями. Я записал предвыборную речь писателя.

«Дорогие ростовчанки и ростовчане, мои дорогие земляки! — сказал Шолохов. — Прежде всего разрешите поблагодарить вас за оказанное

мне высокое доверие. Вы выдвигаете меня уже в шестой раз. Не кажется ли вам, что это уже многовато. Я становлюсь как бы присяжным депутатом.

XXII съезд партии и новая Программа партии ставят перед всеми нами грандиозные задачи. Депутатам, видимо, придется работать больше, чем до сих пор, хотя работы у них всегда хватало. В этой связи мне хотелось бы поговорить с вами начистоту, выяснить наши взаимоотношения. Дело не в том, выберете вы меня или не выберете, все равно обращаться ко мне будут, как обращаются и теперь из многих областей Советского Союза.

Начнем с того, что мне не нравится определение, которое было брошено кем-то и стало бытовать среди нас: «Депутат — слуга народа». Что такое слуга? Из каких доисторических глубин вышло это слово? Слуга — это раб. Слугой помыкали, слугу продавали, дворяне меняли слуг на борзых щенков. Депутат не может быть слугой. Представитель народа — да, слуга — нет! На слугу какая-нибудь Салтычиха прикрикивала: «Эй, Аришка неумытая, иди барину пятки чесать». Многие, всерьез воспринимая синоним «слуга народа», обращаются часто к депутату с несоразмерными его обязанностям просьбами. Часто пишут по поводу квартир. Выходит — что же, депутат должен ехать в Ростов и выяснять, справедливы ли требования о предоставлении жилплощади? Нередко оказывается, что проситель не обращается ни в городской, ни в районный, ни в областной исполкомы, а прямо к депутату с расчетом: «Возьму повыше,

а нижестоящим будет трудно отказать». Это неправильно. Депутат не обязан распределять квартиры, да у него их и нет.

Или вот: пишет мне один гражданин, что ему изменяет жена: вновь приехавший зоотехник кружит ей голову, примите, дескать, меры, чтобы его удалить. Спрашивается, как можно удержать за хвост непутевую бабенку? И почему должен делать это я, депутат, а не собственный муж? Другой гражданин пишет: «У меня талантливая дочь, она закончила десятилетку, помогите ей устроиться в университет без конкурса». И пишет это интеллигентный человек, который должен понимать что к чему.

Так нередко депутату приходится заниматься разбором пустяковых дел. А ведь если учесть, что почта ежедневно приносит ему по 50—60 писем, для этого же нужно иметь не одного секретаря, а министерский штат! Давайте условимся: если и в шестой раз изберете меня, буду работать на общую пользу и идти вместе с вами к коммунизму — согласен, а пятки чесать вам — нет. От этого меня увольте.

Был хороший поэт Демьян Бедный. Как-то в пылу полемики с Сергеем Есениным он сказал: «Я революции пес сторожевой». Правильно ли это? Раньше псы гремели цепями и стерегли чужое, не трудом нажитое добро помещиков и жуликов. Революция отметает псов реакции. Она шагает вперед, освобождает Африку, пришла на Кубу. Приравнивать поэта к псу сторожевому — дело устаревшее. Изжили себя и многие поговорки. Если теперь кто скажет: «Моя хата с краю — ничего не знаю»,— его высмеют;

чистым анахронизмом в эпоху ракет и покорения космоса звучат слова: «Тише едешь — дальше будешь». Это все то же, что и «слуга народа». Думается, что депутатам хватит работы на этой ниве. Еще раз спасибо за доверие!»

9

Говорят, рабочий день у Михаила Александровича начинается рано — в четыре утра. И все же диву даешься, как он вмещает в сутки такую уйму забот и непрерывных хлопот, как и когда трудится, как и когда рождаются всегда новые, берущие за сердце, строгие и проникновенные, как сама донская степь, неповторимые шолоховские строки?!

К нему приходят из близких и самых отдаленных мест... Приехали из Ростова специалисты «Гипросельхозстроя». Они разработали для Вёшенского района план развития сельского хозяйства и промышленности. Зная, что Михаил Александрович живо интересуется делами своих земляков, они пришли к нему показать свои наметки, посоветоваться. Шолохов тепло принял проектировщиков, внимательно выслушал их, кое-что посоветовал. Специалисты нехотя покидали гостеприимный дом, удивленные недюжинными познаниями писателя в экономике...

Но надолго ли Михаил Александрович остался один, со своими думами? К сожалению, нет. Из Москвы приехал молодой художник, он иллюстрирует «Поднятую целину». Он уже дав-

но в станице. Пришло время, и художник показывает Шолохову свои наброски, делится замыслом. Не один час они проводят вместе. Писатель внимательно рассматривает эскизы. Критикует заботливо, но достаточно взыскательно, строго.

С другого фланга Шолохова штурмует редактор толстого столичного журнала. Он тревожится, что новые главы из нового романа впервые увидят свет у другого редактора. Но Михаила Александровича подобным штурмом не возьмешь. Сколько таких натисков он выдержал! Пока что хозяин дома отправил главного редактора на охоту...

— Видали такого эксплуататора?! — шутливо сетует Михаил Александрович. — Сам целый день уток бьет, а меня торопит...

С просьбой пришли станичницы. У колхозницы сын родился. Приглашают на семейный праздник. Хозяин уже догадывается в чем дело:

— Хотят в кумовья произвести...

Мне припоминаются справедливые слова одного ростовского поэта: «Смотришь на Михаила Александровича и думаешь: как жестоко зачастую мы отнимаем у него драгоценное время, те часы, которые он должен отдать творчеству».

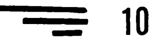
Трудно перечислить и сотую долю встреч, бесед или коротких, но столь глубоких и своеобразных шолоховских откликов на все, чем так многогранна и непрестанно бурлива наша вечно удивительная жизнь.

Июнь 1963 года... Взлетели в космос Валерий Быковский и Валентина Терешкова. И Михаил Александрович взволнованно пишет: «Понимаю, что мое высказывание в этот торжест-

венный день для нашей страны будет звучать резким диссонансом, но что я с собой могу поделать? Мой пожилой возраст и несколько консервативный склад ума до последних дней заставлял меня думать, что мы, мужчины, являлись и «властителями дум», и воинами, и что мы вообще в этом подлунном мире — соль земли. А что же получается сейчас? Женщина в космосе? Ну, как хотите, это непостижимо! Это противоречит всем моим установившимся воззрениям на мир и его возможности.

Я с радостью бы обнимал Валерия Быковского за его подвиг, но на то он и мужчина, чтобы совершать подвиги, но совершенно иначе обстоит дело с Валентиной Владимировной Терешковой... Теперь ей посыплются тысячи предложений руки и сердца, но я, несущий крест супружеской жизни сорок лет, не смогу ей предложить ни руки, ни сердца, а по-отцовски крепко обнимаю ее и желаю всего самого доброго в жизни. И, само собой разумеется, крепко обнимаю и целую дорогого Валерия Федоровича Быковского».

...В станице Вёшенской собралась районная комсомольская конференция. Шолохову дороги дела юных земляков и он добро напутствует их телеграммой.

 10

«Судьба человека» — этот рассказ теперь принадлежит всей планете. Судьба человека всегда волнует Михаила Александровича. Судьбы людей, а особенно молодежи, ребят...

Есть в предгорьях Кавказа, на холмах Адыгеи аул Эдепсукай. Лет десять назад в этом ауле произошло событие, взволновавшее всех жителей. Поезжайте в Эдепсукай, вам непременно расскажут об этом.

...Рано беда обрушилась на голову маленькой Мариет Каде. Тяжело заболела мать, слегла и больше уже не поднялась. А тут похоронная с фронта — погиб отец. Осталась девочка круглой сиротой.

Тяжелое время. Трудно людям. Но не забыли они Мариет. Она как бы стала дочерью всего аула. У самих каждый кусок на счету, а делились с девочкой, помогали, чем могли. Подросла Мариет, пошла в школу. Потянулась к знаниям.

Не упала девочка на крутой жизненной дороге, люди поддержали. И все же солнце не так часто улыбалось Мариет. Детство и отрочество были небезмятежными. Ну а тот, кого жизнь не очень балует, — душой богаче, потому что он бережнее хранит то доброе, что выпадает ему. И сердце у такого человека отзывчивей, оно быстро откликнется на голос зовущего...

Шли годы. Мариет училась, все сильнее привязывалась к книгам, особенно к таким, в которых рассказывалось, как закалялась сталь человеческая. Так она прочла «Судьбу человека». Книга потрясла девочку. Она знала, что такое горе. Солдат Андрей Соколов стал дорог Мариет, как родной отец. Она читала, а по лицу текли слезы...

Руки сами потянулись к столу, и из Эдепсукая пошло автору рассказа письмо-исповедь.

Всю свою жизнь поведала Мариет тому, кто, никогда не видя ее, так хорошо знал ее. Знал ее сердце, знал ее боль, знал ее надежды. Она рассказала о погибших родителях, о том, как родные адыги заботились о ней, написала о своей бабушке, о дяде, «чья жизнь такая же, как у дяди Андрея Соколова». «Горе Соколова, — писала Мариет, — сделало меня сильнее. Я еще больше люблю нашу землю, наш аул, каждую нашу травиночку».

Мариет ждала ответа. Она верила, что тот, кто так знает судьбу человека, откликнется. И девочка не ошиблась. В весенний день из Вёшенской пришло заветное слово:

«Дорогая Мариет!

У тебя, девочка, очень доброе сердце и хорошая душа, если ты так близко воспринимаешь чужое горе. Благодарю тебя за теплое письмо и желаю тебе здоровья и счастья в жизни.

Передай привет от меня твоим родным — бабушке и дяде, а также привет твоим подругам.

Напиши мне, что ты будешь делать после окончания десятилетки?

С приветом — М. Шолохов».

Мариет написала. Теперь, когда прошли годы, можно увидеть, что обещание свое девушка сдержала. Она окончила адыгейский педагогический институт и вернулась в родной аул учительницей. Часто она рассказывает своим ученикам о «Судьбе человека», о писателе, о его письме, обо всем, что так благотворно сказалось на судьбе безвестной девочки из аула.

Надежды Мариет сбылись. Солнца стало больше. И у народной учительницы уже растет маленькая Лариса — наследница ее трудных радостей.

11

Сами читатели называют Шолохова народным писателем. Не каждому художнику выпадает такая честь. Произведения Шолохова действительно стали народными, а все его творчество — достоянием мира.

Когда в Польше, по существующей там традиции, в 1966 году решался вопрос, какому иностранному писателю присудить приз за наиболее читаемые произведения,— большинство польских читателей, более четырехсот тысяч, высказалось за Шолохова, за его «Судьбу человека», за «Тихий Дон».

Его книги — народные книги. И разве удивительно, что в последние годы все более популярными становятся Шолоховские чтения, что в библиотеках, школах, колхозах, институтах, на заводах все чаще создаются литературные шолоховские кружки, оформляются специальные стенды о жизни и деятельности писателя...

В селе Самарском Ростовской области, в школе № 1 несколько лет существует созданный учащимися и преподавателями литературно-краеведческий музей. Тут собрано немало интересных материалов, а документы, связанные с биографией Михаила Александровича,—просто редкостные.

Тридцать два года назад, 8 марта 1935 года, участники гражданской войны, красные партизаны Подкущевки написали Михаилу Александровичу о том, что в «Известиях» они прочли новую главу «Тихого Дона» и это побудило их высказать писателю такое предложение: «...Мозговали, горячились мы по-партизански... Решили, дорогой товарищ Шолохов, обратить твое внимание к материалам, которые ты мог бы почерпнуть из яркой эпопеи революционной борьбы нашей Подкущевки...»

Партизанское письмо захватило Шолохова. Это видно из ответа писателя. Мыслями, которые вызвали слова героев гражданской войны, он подробно поделился с подкущевцами:

«Дорогие тт. Попов и Тютюнников! С глубоким волнением и интересом прочитал я ваше письмо. Описанное вами, по сути, с лихвой дает материал на большое художественное произведение.

Подкущевку и героическую борьбу ее населявших нельзя включить в какую-либо книгу, затрагивающую тематически гражданскую войну на Северном Кавказе.

Нельзя — потому, что я уже сказал, там слишком много самостоятельного материала...»

Шолохов писал И. И. Попову и И. А. Тютюнникову, что ему «очень хочется повидать» их и других подкущевских партизан. В этом же письме — интересные высказывания Михаила Александровича о литературе, относящейся к гражданской войне. И снова — неизменная шо-

лоховская требовательность к себе и к другим писателям:

«Тема гражданской войны не исчерпана. Мы — писатели — написали о гражданской войне немного книг, но большинство этих книг уже забыто... Остались единичные произведения, которые наш читатель любит и помнит. Этих книг мало. Они не дают полной картины величия гражданской войны, наших побед. О 1918—20 годах надо еще писать и писать лучше. Вот об этом мы при встрече и поговорим и что-нибудь придумаем для Подкущевки.

Крепко жму ваши руки и от всего сердца благодарю за внимание ко мне и за хорошее письмо.

Напишите, застану ли я вас в Подкущевке в первых числах июля?

С дружеским приветом М. А. Шолохов».

Прошло некоторое время, и Михаил Александрович приехал в Подкущевку, встретился с красными партизанами, был их желанным гостем.

Знакомство писателя с подкущевскими партизанами относится к тридцать пятому году. Уже приближался недобрый тысяча девятьсот тридцать седьмой... Внезапно сгустились тучи над головой И. И. Попова. Он был оклеветан и без вины арестован.

Шолохов узнал об этом и мужественно вступил в тяжкий и рискованный поединок за судьбу человека. Нелегко давалась Михаилу Алек-

сандровичу эта борьба. Она стоила ему не одной бессонной ночи, огромного нервного напряжения. Прошло более двух лет, прежде чем восторжествовала справедливость и И. И. Попов снова обрел свободу. Бывший военком поспешил написать в Вёшенскую слова благодарности:

«Родной Михаил Александрович!

...Итак, после тридцати месяцев безвинного и непосильного мне заключения, — я дома... в объятиях родной семьи!

Нет слов выразить Вам чувства благодарности, восторга, торжества, которыми переполнены наши сердца...»

И снова писатель подбадривает человека, поддерживает его добрыми словами:

«...Очень рад, что Вы теперь на свободе, а остальное, думаю, утрясем. Иначе и быть не может!»

«Иначе и быть не может!» — вот она железная шолоховская вера в правду, в то, что она все равно возьмет верх над несправедливостью, над кривдой, вера в ленинскую правоту нашей партии.

И дальше в письме: «Говорил в Москве о возвращении ордена. Ответ — положительный.

Все восстановим, коль сделано главное: в отношении Вас восстановлена правда и справедливость.

Обнимаю, желаю здоровья и бодрости духа.

Ваш М. Шолохов».

12

Все свое могучее дарование Шолохов отдает народу.

В январе 1963 года в Ростове на торжественном собрании, посвященном столетию со дня рождения выдающегося советского писателя — земляка донских казаков Александра Серафимовича Серафимовича, Михаил Александрович сказал: «Пожалуй, ни в одной области искусства идеологическое размежевание не проходит так резко, как в литературе... В наше время жизнь со всей наглядностью показала, что в народных массах живет и сохраняет право на дальнейшую жизнь то искусство, которое служит интересам народа. И, естественно, обречено на забвение, на смерть то, что удовлетворяет духовные потребности лишь одного уходящего с исторической сцены класса поработителей, паразитического класса».

Так может говорить писатель, который всегда жил жизнью народа. А разве Михаил Александрович не трудился в поле со своими станичниками, не обливался потом, убирая щедрый вёшенский хлеб, не ловил рыбу, не ходил со сверстниками в ночную степь?! В своей автобиографии он немногословно написал о том, что в гражданскую войну гонялся в донских степях за махновцами, а бандиты гонялись за ним. Он не упомянул о том, что однажды попал в плен к махновцам и не был расстрелян только по малолетству...

На верхнем Дону об этом рассказывают так: когда у юного продармейца дорога уже была,

как говорится, не дальше порога, к батьке бесстрашно подошла хозяйка хаты, старая украинская мать.

— Что ж ты детину губишь?! — сказала она. — У него ж десь маты е. А в тебе теж маты...

Плотно окруженный махновцами, стоял вихрастый подросток. Батько пристально посмотрел на него. Ничего не ответил старухе, хлопца отпустил. Однако строго-настрого пообещал: если они встретятся вот так еще раз — не миновать продармейцу виселицы...

Жизнь у Михаила Александровича была такой же, как у его земляков, казаков-хлеборобов, и его талант порожден самим народом, животворящей донской природой. Впрочем, об этом великолепно сказал Семен Михайлович Буденный, тоже сын степей донских. Когда отмечалось восьмидесятилетие легендарного полководца, Михаил Александрович послал ему сердечную телеграмму, в которой выразил думы донских казаков. В ответ Семен Михайлович написал своему земляку:

«Дорогой мой Михаил Александрович!

Ваше дружеское приветствие до глубины души тронуло меня и взволновало.

Очень сожалею, что огромный поток писем и телеграмм не позволил мне тотчас же поблагодарить Вас за теплые слова привета, за добрые пожелания. Если бы я обладал талантом художника слова, каким щедро наделила Вас природа, родная донская земля и ее мудрый народ, то все бы самое сильное я вложил в это послание, что-

бы оно донесло до Вашего сердца мои горячие чувства братской признательности.

Я горжусь, что являюсь земляком писателя, могучая жизненная правда и художественное совершенство литературных трудов которого с таким ослепительным блеском показали громаду исторических событий Великого Октября, гражданской войны и становления Советской власти.

За власть Советов я расписался своей шашкой и рад, что мой ратный автограф пригодился для Ваших чудесных произведений.

Спасибо, друг, за все. Пиши, живи, да так, чтобы до ста лет не стареть. Всем сердцем желаю, родной Михаил Александрович, богатырского здоровья, сил, бодрости и новых творческих успехов во славу нашего народа, во имя полного торжества коммунизма.

Обнимаю и целую.

Искренне Ваш — Маршал Советского Союза

С. Буденный».

13

«К нему не зарастет народная тропа!» — я думаю об этой знаменитой строке всякий раз, когда вижу дорогу к дому у тихого Дона... По этой дороге беспрерывно идут люди. Идут друзья Шолохова и несть им числа... Эта тропа с каждым годом все шире и шире...

Нескончаем сюда и поток писем. Среди шолоховских корреспондентов — очень много ребят. На Дону знают о дружбе, связывающей

писателя с воспитанниками новочеркасского детдома. Захотелось ребятам создать в своем саду Аллею любимых писателей. Написали письма в Москву, Ростов, Киев, Ленинград, в Вёшенскую... Михаил Александрович откликнулся одним из первых: «Доброе, хорошее дело. Приезжайте за саженцами». Новочеркасцы выбирали делегатов. Эта радостная миссия выпала Шуре Беломыльцевой и Ване Коловертнову. Можно представить, с каким волнением отправились подростки в станицу. Михаил Александрович тепло встретил своих юных друзей. А когда они собрались в обратный путь, подарил им два дубка, две яблони, две сосны, три тополя и экземпляр «Поднятой целины» с автографом: «Новочеркасскому детскому дому № 3 с добрыми пожеланиями воспитанникам и учительскому коллективу». Делегаты привезли в Новочеркасск не только памятное пополнение для Аллеи любимых писателей, но и дорогую книгу для детдомовской библиотеки.

Да, тот, кто побывает на шолоховской земле хоть однажды, запомнит ее на всю жизнь.

Гостивший в Вёшенской генеральный директор английского издательства «Путнан и компания» Роджерс Лабок поделился своими впечатлениями:

«В станице Вёшенской, этом чудесном уголке донской природы, я увидел живых героев произведений Шолохова. Они окружали нас всюду: и в станице, и на рыбной ловле, на речке Хопёр... Михаил Шолохов — прекрасный, увлекательный собеседник, рассказчик... Я много ездил, встречался с различными людьми. Среди них бы-

ли и семьи американского миллионера и итальянского крестьянина. Признаюсь, что семья писателя Михаила Шолохова оставила у меня самое лучшее впечатление. Это замечательная, счастливая семья».

С высказыванием Роджерса Лабока как бы перекликаются слова известного финского писателя Мартти Ларни, тоже несколько дней гостившего в Вёшенской.

«Для меня и для моей супруги это были незабываемые дни,— говорил Мартти Ларни.— Шолохов — величайший советский писатель, широко известный за рубежом, в том числе в Финляндии. И побывать в кругу его семьи, узнать Дон и людей, так образно и сочно им описанных, — огромное счастье. Об этом я напишу подробнее».

С годами произведения Михаила Шолохова стали литературными событиями мирового значения. Они являются учебниками жизни не только для нас — советских людей. Они стали добрыми советчиками, мудрыми наставниками и для честных людей всей земли.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Великобритании товарищ Джон Голлан писал: «...Роман тов. Шолохова «Тихий Дон» обычно считается в Британии современной классикой, и последующие его произведения «Поднятая целина» и «Дон течет домой, к морю» («Донские рассказы») являются не менее известными. Что на меня производит наибольшее впечатление в книгах тов. Шолохова — так это их широта и человечность».

В лаконичных словах сказано многое. Широ-

та и человечность!.. Разве не за торжество человечности, гуманности, не за торжество правды выступает Михаил Шолохов и в своем новом романе «Они сражались за Родину», с первой книгой которого скоро встретятся читатели.

14

Январь 1965 года.

Снова счастливая судьба привела меня в станицу Вёшенскую. Удивительная, необычная сторона!

После дождливых новогодних дней в этот милый моему сердцу, дорогой край пришла, наконец, настоящая отменная зима. Дон скован льдом. Шалый ветер вольготно гуляет по гладкой, отполированной поверхности, с залихватским присвистом швыряет вихри снега, мечет их по сияющей под солнцем ледяной глади...

Из Ростова мы вылетели часа два назад. Непродолжительная посадка в Миллерове. Чем ближе подлетали к Вёшенской, тем быстрее шли навстречу зиме. Степь под Ростовом была серой, потом бурой, а чем дальше на север, она на глазах становилась все белее и, вот уже под крыльями самолета — покрытая снегом шолоховская земля.

В самолете основательно продрогли. Тем приятнее тепло гостеприимного служебного домика базковского аэродрома. Грузовая почтовая машина приняла пачки свежих газет, а заодно шофер, добрый малый, в валенках, теплой овчинной шубе и треухе, запросто пригласил в ку-

зов. На скамьях, защищенные от леденящего ветра брезентовым навесом, покатили по асфальту сначала в станицу Базковскую, а оттуда вдоль замерзшего Дона — к Вёшенской. Мороз изумительный. Он разукрасил какими-то солнечными блесками оголенные прибрежные вербы.

Остановились у переправы. На противоположном бугристом берегу Вёшенская, такая близкая и так знакомая по прежним приездам. Сразу бросаются в глаза старинная, восемнадцатого века церковь, несколько левее и дальше от берега, окрашенный в кремовый цвет, двухэтажный дом с зеленой крышей...

Во льду — своеобразный водный канал, от берега, до берега. По нему движется паром. Длинная очередь автомашин. Больше грузовых. Паром сейчас у левого берега. Надо ждать. Но тут, чуть в стороне, все мы замечаем тропку, петляющую по ледяной крыше реки. По тропке движется тонкая, длинная людская цепочка. Непринужденно шагают по ледяному настилу родного Дона вёшенцы — женщины, укутанные в пушистые шерстяные платки, мужчины в добротных полушубках. Спускаемся на лед и мы.

Он местами еще не очень окреп и потому иногда угрожающе похрустывает. Хотя идти и страшновато, но тебя охватывает какое-то ребячье озорство...

Поднялись на пригорок и в станицу, — заветную, видимую всему миру и видящую весь мир.

Странное чувство охватывает меня. Шагаю по улице и завидую, завидую всем встречным.

Они живут в одной станице с ним, на соседних улицах, в соседних домах... Они всегда рядом. Он живет с ними бок о бок...

Замечаю — станица помолодела, стала наряднее, более оживленной, как-то дышит полной грудью.

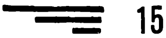
Снова тянет на высокий левый берег. Всматриваюсь в открывающиеся отсюда неоглядные дали донские. В лицо бьет холодный ветер, а метель уже разгулялась вовсю... Это уже настоящий буран. Вьюжный степной ветер гонит вихри снега куда-то за правый берег, к уже невидимым хуторам, в потемневшую степную даль... И сразу припомнился тот сумеречный январский вечер, когда лобастый, большеголовый всадник таинственно въехал в Гремячий Лог. То был Половцев. Припомнились открытый, как степь в погожий день, балтийский моряк, краснопутиловский слесарь Семен Давыдов, неудержимый, как молния, и острый, как клинок, Макар Нагульнов, нежная милая Варюха-горюха, неунывающий, лукавый Щукарь, красивая и страшная Лушка, затаившийся, прищуренный Яков Островнов, мудрый, как сама жизнь, все видящий, старый хуторской кузнец Ипполит Шалый...

Подумалось, и как этот простой и в то же время такой удивительно ясный вывод не приходил мне раньше: да ведь Шолохов открыл для человечества Дон, как Колумб открыл миру Америку.

Что знали раньше за рубежами нашей земли о Доне? Казачья удаль, лампасы, вихревая скачка, прирожденное мужество, стремительные

джигиты, одним словом,— любопытный край, экзотика. Для власть придержащих, спесивых господ с Запада это была невежественная полудикая степная сторона, чистая азиатщина, где живут грубые, невоспитанные люди.

Шолохов раскрыл Дон миллионам и миллионам людей, показал его всей планете—смотрите, какие красивые люди живут здесь, какой богатой, щедрой человечной души, какого горячего, страстного сердца, смотрите, как они живут, как трудятся, как любят, как ревнуют, как борются, смотрите, какие у них, да, шершавые, огрубевшие от земли и ветра руки, но сколь умелые, сильные, искусные... Смотрите, какая на Дону красивая, нежная, пленительная природа... Да не в обиду будь сказано и нам самим, донцам,— ведь до Шолохова многие и из нас не знали в полной мере всей глубокой, несказанной, людской, земной красы Дона!

 15

Еще в конце тридцатых годов поэт Анатолий Софронов написал стихи о Вёшенской:

...Пойдешь в станицу — на горе она,
Спешат в сельпо казачки в полушалках.
Все незнакомые, и это жалко...
Узнать бы мне прохожих имена!

Хотелось бы немедля угадать:
В бордовой кофте или в кофте синей
Мелькнула за левадою Аксинья,
И сколько лет ей можно нынче дать?

Светлеет небо к полдню, и ясней
Станица вся приподнята на взгорье,
А голубое в зелени подворье
Как бы взлетело голубем над ней.

Шумит листва под ветерком степным
И прячет в тень щербатые пороги...
За тридевять земель ведут дороги
Из дома с мезонином голубым.

Это сказано верно. За тридевять земель ведут дороги из шолоховского дома, и из-за всех морей и океанов ведут дороги в Вёшенскую. Люди не знают многих, подчас, крупных городов, но кому не известно название старинной верхнедонской казачьей станицы?! Недаром в народе эту станицу уже давно считают литературной столицей. Как во второй половине девятнадцатого века и в первое десятилетие двадцатого все литературные тропки и тропы вели в Ясную Поляну, так в наши дни они ведут людей в Вёшенскую.

Кто только не шел за последние десятилетия по дорогам, ведущим к шолоховской земле: немцы, американцы, англичане, норвежцы, шведы, датчане, финны... А сколько сынов и дочерей всех советских народов побывало здесь?!

Нескончаем поток корреспонденций. Двери шолоховского дома радушно открыты. Приходят и пишут хлеборобы, шахтеры, металлурги, воины Советской Армии, писатели, студенты, школьники, художники, журналисты... Пишут и приходят с самыми различными вопросами, просьбами и просто за добрым советом или сказать любимому писателю, как дороги им, читателям, его книги.

Эта любовь читателей к Шолохову выражается в самых различных формах, у каждого по-своему. Вот из Грузии пришел плотный конверт. В нем — тоненькая книжка с твердым переплетом. Ее прислали крестьяне села Натанеби Махарадзевского района. На своем общем собрании они приняли Михаила Александровича в члены своей сельхозартели — колхоза имени Ленина. Проголосовали единодушно и вот прислали документ — «Трудовую книжку колхозника». На все вопросы даются исчерпывающие ответы. «Дата заполнения книжки — 1 декабря 1964 года». «Время вступления в члены колхоза — 1 декабря 1964 года».

С любопытством я рассматривал книжку. Она лежала на рабочем столе писателя. Видимо, что-то дорогое связывалось с ней для хозяина дома. За лаконичными анкетными записями мне открылась еще одна интересная страница жизни Шолохова. Это было еще одно свидетельство постоянного общения Михаила Александровича с читателями, с родными людьми, для которых живет он и пишет.

За «Трудовой книжкой колхозника» как бы начинался рассказ, не известный широким кругам поклонников шолоховского дарования. Рассказ не об эпизодической встрече писателя с грузинскими крестьянами — нет, значительно больше, — рассказ о дружбе Шолохова с народом Грузии, о его сердечном отношении к прекрасной грузинской земле. Совсем недавно он писал: «Низкий поклон милому Тбилиси и земле грузинской...»

Когда же и с чего началась эта дружба? По-

сетить благословенную землю Шота Руставели, родину Александра и Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и Николоза Бараташвили Шолохову хотелось давно, но все как-то не удавалось. Седьмого сентября 1959 года, посылая добрые пожелания читателям республиканской газеты «Коммунисти», Михаил Александрович сказал: «До скорой встречи!»

Первого января 1960 года в газете «Заря Востока» была опубликована новогодняя телеграмма писателя:

«Поздравляю родную мне Грузию с Новым годом! Крепко жму белые руки тех, кто трудится в лабораториях, над операционными столами, словом, на той работе, которая называется интеллектуальным трудом.

Одновременно я крепко жму и родные мне руки тех грузин, которые добывают марганец, трудятся на старых и новых предприятиях, в селениях на своей земле. Я с радостью пожимаю эти руки, которые обжигают ладонь шершавыми и с детства знакомыми, родными бугорками мозолей.

А еще не жму, а целую с мужской покорностью и благодарностью руки тех, кто готовит пищу мужчинам — сыновьям, братьям, отцам, — тем, кто делает нас работоспособными в жизни.

Мой низкий поклон и пожелания всего наилучшего вам, дорогие грузины. Разрешите через газету «Заря Востока» поздравить вас с 1960 годом. Желаю всем вам счастья и благополучия.

Ваш Михаил Шолохов».

Через год он снова сказал друзьям: «Мечтаю побывать в Грузии».

И вот 19 июня 1961 года на тбилисском аэродроме опустился самолет, из которого Михаил Александрович впервые ступил на грузинскую землю.

Шесть дней провел писатель в Грузии. Он побывал в древней грузинской столице Мцхете, в Гори, в Сигнахи, Кварели, Телави, Цинандали...

Повсюду его встречали с открытым сердцем, как дорогого и близкого человека. В Мцхете Шолохов осмотрел средневековый кафедральный собор Светицховели, что в переводе на русский означает «Животворящий столп». Этот собор — замечательный памятник грузинской архитектуры XI века — до сих пор вызывает живейший интерес.

Писателю запомнились подъем на Мамисонский перевал, путешествие по Дарьяльскому ущелью, Боржомское ущелье, старинная крепость Ацкури, древний город—пещера Вардзиа...

— Великолепные места, — говорил Михаил Александрович. — Я наслаждался увиденным. Эта поездка напомнила мне красоты горной Италии. Что же касается гостеприимства грузинского народа, то я о нем слышал много доброго, однако оказанная мне повсюду сердечность просто поражает.

В Мцхете Шолохов посетил дом старожила, известного цветовода-любителя Михаила Александровича Мамулашвили. Писатель увидел небывалой красоты чудо сад, своеобразный музей цветов. Здесь были альпийские маки, канны,

розовая акация, нежная водяная лилия в бассейне, черные розы...

Старый садовник, которому тогда уже было под девяносто, казался волшебником. Сад Мамулашвили, его искусные руки удивили Шолохова, и он оставил в доме мудрого старика такую запись:

«Желаю Вам, дорогой тезка, прожить еще столько же и во второй половине жизни сделать хотя бы одну десятую того, что уже сделано.
М. Шолохов. 20 июня 1961 года. Мцхета».

Поездок было много, но еще больше — радушия. Кто-то из хозяев спросил у Михаила Александровича:

— Не утомились ли?

— Нет, — ответил он,— любовь не утомляет.

И добавил:

— Если бы меня спросили, какое впечатление оставляет Грузия, я бы сказал: очень сожалею, что до сих пор не был в этой замечательной стране.

Родина Шота Руставели, хорошо знавшая Александра Грибоедова, Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Льва Толстого, Максима Горького, Сергея Есенина, Владимира Маяковского, с любовью принимала и славного сына тихого Дона. Казалось, сам величавый Дон встретился со стремительной Курой.

Издавна известно, что популярность писателя измеряется любовью читателей. Грузия давно полюбила Шолохова. Три десятилетия назад

издательство «Сахелгами» выпустило в переводе Аристо Чумбадзе первую книгу «Поднятой целины». Мне припоминается серая шершавая бумага тяжелого сорок второго года, на которой тогда была перепечатана на грузинском языке «Наука ненависти». А какую огромную, благородную работу проделала Тинатин Джавахишвили, переведшая на грузинский язык все четыре книги «Тихого Дона»...

Шолохов с глубоким уважением относится к каждому народу, к его культуре, традициям, истории. Есть что-то благоговейное в отношении Шолохова к многовековой классической грузинской литературе, к бессмертному творению Шота Руставели. Не зря в Тбилиси в юбилейный комитет по проведению 800-летия со дня рождения гениального грузинского поэта избрали и Михаила Александровича. В этой связи припоминается любопытный и многозначительный факт. Один из тбилисских журналистов обратился по телефону к писателю:

— Дорогой Михаил Александрович, у меня просьба к вам: скажите, пожалуйста, несколько слов экспромтом о творчестве Руставели. Мы опубликуем ваши слова в нашей газете.

— Дорогой мой, — послышался добрый ответ из Вёшенской, — Шота Руставели не такой поэт, чтобы о нем писать на ходу...

Михаил Александрович хорошо знает историю Грузии, ее литературу. Надо видеть, с каким уважением он говорит о творчестве Важа Пшавела, с каким увлечением читает стихи Николоза Бараташвили...

Во время поездки в Кахетию, где он увидел

живописную Алазанскую долину, в селе Цинандали он вместе с народным поэтом Грузии Георгием Леонидзе вошел в дом выдающегося грузинского поэта Александра Чавчавадзе. О чем думал Шолохов в те минуты, знакомясь с дорогими экспонатами теперь уже Дома-музея? Он увидел интересные материалы о грузино-русских литературных связях. Сколько раз здесь бывал зять Чавчавадзе — Александр Сергеевич Грибоедов, женатый на старшей дочери поэта — Нине. В Цинандали приезжали Пушкин, Лермонтов, поэты-декабристы...

Многое воскресила в памяти эта встреча с дорогой историей, и Михаил Александрович оставил проникновенную запись:

«Свято храните все то, что связано с именем Чавчавадзе, с историей Грузии, историей трогательной любви Грибоедова. Это наша общая история издревле родственных культур, горестная, милая сердцу история ушедших в бессмертие. М. Шолохов. 23 июня 1961 года. Цинандали».

Незабываемые впечатления оставила Грузия в сердце писателя. Уезжая, он сказал, что дни, проведенные в этой братской республике, он никогда не забудет, выразил сожаление, что у него не хватило времени побывать во всех уголках грузинской земли, «обнять всех жителей этого замечательного края», и сказал, что надеется приехать еще раз, на более длительное время.

Через республиканскую газету «Соплис цховреба»[1] он обратился с дружескими словами к крестьянам:

---

[1] «Соплис цховреба» — «Сельская жизнь».

«Разрешите мне через посредство вашей газеты передать мой сердечный привет труженикам сельского хозяйства Грузии и пожелать им больших успехов и счастья в жизни. Мне хотелось бы особо сердечно приветствовать и обнять тружениц чайных плантаций. К моему стыду я не знал, до приезда в Грузию, как тяжел ваш труд. А потому и особый привет вам и сердечное объятие. Если я обнимаю вас всех — это уже не страшно, а если те, кто любит вас, учтут, что мне уже шестой десяток, то это мое объятие не вызовет у них ревности, а чувство гордости за грузинских женщин проснется в их душе, как проснулось и в моей. Михаил Шолохов. Тбилиси. 24 июня 1961 года».

Я прочитал это письмо и мне вспомнились слова, которые Михаил Александрович, конечно, слышал в Грузии.

— Чай,— говорят здесь,— усиливает дух, смягчает сердце, удаляет усталость, пробуждает мысль и не позволяет поселиться лени, облегчает и освежает тело и проясняет восприимчивость... Пей медленно этот чудесный напиток, и ты почувствуешь себя в силах бороться со всеми заботами.

Мне самому на всю жизнь запомнился увиденный в Тбилиси Дом чая. Там работают увлеченные, страстные пропагандистки этого, действительно, чудесного напитка, а домом управляет и успешно ведет его удивительная женщина — Тамара Ноевна Гванцеладзе. Ничего подобного я не видел ни в одном другом городе.

Письмо писателя вызвало многочисленные

отклики. Особенно взволновало оно крестьян и прежде всего чаеводов. Девушка из села Натанеби послала в Вёшенскую ответ:

«Дорогой Михаил Александрович!

Меня и моих подруг глубоко обрадовало Ваше письмо в газете «Соплис цховреба», в котором Вы дали высокую оценку нашему скромному труду. В Вашем письме мы почувствовали уважение и любовь к нам, труженицам чайных плантаций, к грузинской женщине.

Вы правильно заметили, что профессия чаевода очень трудоемкая. Но нам известно, как много трудитесь Вы сами, как выхаживаете, как требовательно отрабатываете каждую строчку, каждое слово Ваших замечательных книг. Вот мы и учимся у Вас выхаживать каждый чайный куст.

Я окончила в нашем селе Натанеби среднюю школу на серебряную медаль и избрала себе профессию чаевода. Нисколько не жалею об этом. А наоборот, горжусь. Меня избрали звеньевой комсомольско-молодежного звена. Я стала студенткой заочного факультета грузинского сельскохозяйственного института. На чайной плантации я начала работать еще тогда, когда была школьницей.

Мы рады, что Вы познакомились с Грузией, с ее людьми и природой. Конечно, это только начало нашей большой дружбы.

Приезжайте к нам в Грузию снова, и мы поймем друг друга еще лучше. Мы угостим Вас славным грузинским вином и лучшим в мире грузинским чаем. И пусть поспорят эти два на-

питка: что лучше. Если спросите нас, мы скажем: чай. Возможно, это потому, что мы сами его выращиваем. Наши виноградари с такой же гордостью скажут: вино лучше. Приезжайте и решайте сами — кто прав. Пожалуй, то и другое нужно человеку.

Приезжайте, наш дорогой друг.

С горячим приветом —

Лали Донадзе».

Так завязалась дружеская переписка колхозников грузинского села Натанеби с Шолоховым. Председатель колхоза имени В. И. Ленина Гиви Акакиевич Цитлидзе сообщил Михаилу Александровичу об успешном завершении артелью хозяйственного года и пригласил его посетить Натанеби.

«Сейчас в Грузии хорошая пора — все в цвету,— писал он.— Приезжайте. Постараемся, чтобы Ваш отдых у нас был полон поэзии. Пойдем на рыбалку. В наших речках — Натанеби и Бжужа — хорошо клюет кефаль. Можно получить большое удовольствие и на охоте у озера Палиастоми, а ночью у костра расскажем Вам немало интересного. Если пожелаете, можете побывать на Шолоховских чтениях, которые регулярно проводятся в нашей сельской библиотеке...»

Из Вёшенской пришел ответ и на это письмо:

«Дорогой Гиви Акакиевич! Благодарю Вас за теплое письмо и приглашение. В Грузии я думаю снова побывать и тогда непременно приеду

в ваш прославленный колхоз. Пользуясь случаем, прошу передать колхозницам и колхозникам, а также членам их семей мой сердечный привет и самые лучшие пожелания. Примите и Вы лично мои искренние пожелания здоровья Вам и Вашей семье, а также пожелания успехов в труде и счастья в жизни.

Ваш Михаил Шолохов».

Говоря о связях Шолохова с Грузией, мне хотелось бы сказать, что эта дружба началась давно.

Недавно в личном архиве известного грузинского кинорежиссера, покойного Николая Шенгелая обнаружена рукопись-сценарий к фильму «Поднятая целина». Сценарий написан Михаилом Шолоховым и Николаем Шенгелая. Речь, разумеется, идет о первой книге романа.

Этой ценной рукописи более тридцати лет. Шолохов и Шенгелая несколько раз встречались и в Москве, и в Вёшенской. Работали продолжительное время. К сожалению, фильм не увидел света.

Между тем о содружестве Шолохова и Шенгелая было сказано немало теплых слов. Это содружество в те годы горячо поддержал Александр Александрович Фадеев. В письме Шолохову он писал:

«Дорогой Миша!

В бытность в Москве, Шенгелая сказал мне, что вы будете работать над экранизацией «Поднятой целины». Это сообщение меня очень заинтересовало. Дело в том, что сейчас по почину

нашему и киноработников совместная работа писателя с режиссером входит в моду. Так, например, Либединский работает с Калатозовым, Лапин — с Эсфирью Шуб, я — с Довженко и т. п. Для того чтобы осуществить такой контакт, пришлось преодолеть немало косностей, и сейчас на подобного рода совместную работу смотрит, можно сказать, весь кинематографический мир: выйдет ли что? Собравшись в Москве, мы, инициаторы этого дела — Либединский, Калатозов, Шенгелая, я и т. п., взяли на себя своего рода коллективную ответственность за работу каждой из групп. К этому делу мы хотим привлечь и тебя. Специально пишу тебе письмо для того, чтобы ты занялся работой над картиной вплотную. Шенгелая очень талантливый режиссер, но организовать весь огромный материал, которым он будет располагать, работая над «Поднятой целиной», ему будет очень трудно без твоей помощи. А хочется, чтобы картина вышла по-настоящему хорошей... Мне кажется, что совместными силами мы могли бы двинуть дело развития советского кино и тем премного помочь Советской власти. А то в последнее время просто смотреть нечего.

Как идет твоя работа над второй книгой «Поднятая целина» и пишешь ли дальше «Тихий Дон»? Подай весточку о себе.

Крепко жму руку. Фадеев».

Можно только пожалеть, что эта значительная работа не увидела экрана.

16

Вёшенская в постоянном общении со всей страной.

В станицу приехали пионеры из Волгограда. Они давно собирались в гости к писателю. Михаил Александрович принял школьников. Беседа запомнилась ребятам на всю жизнь.

— Скажи мне, Надя,— обратился Михаил Александрович к пионерке Наде Вершининой,— каковы планы у ребят? Кем они хотят быть?

Девочка призадумалась.

— Разные планы,— ответила она.— У каждого — свое. Я мечтаю стать архитектором.

Шолохов подарил девочке «Тихий Дон» и на титульном листе первой книги написал: «Наде Вершининой с пожеланиями достигнуть архитектурных вершин».

Юные волгоградцы преподнесли писателю альбом с видами Волгограда. Тут же школьная дружина приняла Шолохова в почетные пионеры, и Надя Меньшикова повязала ему красный галстук.

Свои обещания Михаил Александрович обычно выполняет. Так случилось с жителями города Уральска, которым писатель обещал встречу. Она произошла в Уральске осенью 1964 года. Шолохов поблагодарил казахстанцев за радушие, поделился своими мыслями.

— Наша литература,— говорил он,— по мастерству ни в какой мере не уступает, а превосходит уровень мастерства писателей Запада. Но самое главное, что нас вооружает и вдохновляет,— это те идеи, идеи марксизма-ленинизма,

которые наши писатели несут в своих произведениях и которые они пропагандируют художественными средствами. Я внимательно слежу за развитием родной литературы и вот что отмечаю: великолепные кадры «поставляют» нам газеты, журналы. Из газетчиков, из журналистов, из очеркистов — вот из кого, по-моему, появляются новые крупные писательские имена. Я оптимистически смотрю на будущее и думаю, что советские литераторы порадуют вас, читателей, новыми значительными произведениями...

Часто в Вёшенскую приходят письма от советских воинов. С ними Михаил Александрович в давней и крепкой дружбе. Это о нем, защитнике советских рубежей, о том, кто оберегает жизнь наших детей, наше чистое небо, нашу землю, нашу свободу, сказал писатель на XXII съезде партии:

«Допустим я пишу о нашем солдате, о человеке, бесконечно родном мне и близком. Как же я напишу о нем худо? Он мой, весь мой, от пилотки до портянок, и я стараюсь не замечать, допустим, рябинок на его лице или некоторых изъянов в его характере. А если я замечу, то уж постараюсь написать так, чтобы читатель тоже полюбил его вместе и с этими милыми рябинками, и с небольшими изъянами в характере».

Солдаты одного из дальневосточных гарнизонов написали Михаилу Александровичу пространное письмо. Просто рассказали писателю о том, как и за что они любят его книги, тянутся к ним, что его произведения помогают им в

нелегкой армейской жизни, назвали его своим большим другом, попросили согласия на то, чтобы именовать его однополчанином и откровенно признались: «Мы были бы счастливы получить от вас хотя бы небольшую весточку».

Тепло откликнулся Михаил Александрович на признание пограничников:

«Дорогие товарищи! Если вы писали мне с хорошим волнением, то с не меньшим волнением я читал ваши теплые, дружеские строчки. Сердечное спасибо вам за добрые слова, сказанные в мой адрес, и за высокую оценку моего писательского труда. Пожалуй, я больше, чем кто-либо другой, представляю всю тяжесть, всю сложность вашей службы... И отсюда мое высокое уважение к вам, самые душевные чувства.

Поляки говорят: «Как надо — так надо!» Родине действительно надо, чтобы кто-то из ее надежных и крепких духом и телом сынов был на том месте, и вот вам пришлось «трубить» в далеком краю. Что ж, высокое доверие! Хочешь не хочешь, а оправдывай!

Крепко обнимаю всех вас вместе и от всего сердца желаю бодрости духа, здоровья, успехов по службе и счастья, независимо от того, когда, как и где оно к вам придет. А в том, что к таким ребятам оно самолично явится,— я не сомневаюсь! Вы честью его заслужили! Ваш Михаил Шолохов. Станица Вёшенская».

17

Придет время, и будут собраны воедино оставшиеся в памяти и людских сердцах еще не прочитанные страницы военной жизни Шолохова. О многом, интересном и волнующем, расскажут они...

Фашисты с тяжелыми боями продвигались к Москве, осадили Ленинград. Над Родиной нависла грозная опасность. Жестокие испытания выпали на долю советских воинов.

— Они выстоят,— твердо говорил Михаил Александрович.— Выстоят! Русский человек всегда отличался необычайной выносливостью, стойкостью, храбростью, великой любовью к своей Родине. Об этом говорит вся история нашего народа.

Однажды друзья, оберегая писателя, попытались задержать его в тылу.

— Вы только с фронта. Повремените...

— Нет, ребята,— голос Шолохова звучал решительно.— Я обязан быть на фронте. Помните, что Некрасов сказал: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан...» Как гражданин считаю своим святым долгом защищать Родину. Да и как художник, я должен быть на фронте, все видеть своими глазами. Иначе что и как я буду писать о народе на войне?!

Читатели давно познакомились с главами романа «Они сражались за Родину» и хорошо знают, что и как написал Михаил Александрович о войне. Читатели помнят его фронтовые очерки, его «Науку ненависти», помнят потряс-

ший души людские рассказ «Судьба человека», рассказ, ставший одним из самых значительных литературных памятников лютому горю и русскому мужеству, преодолевшему это горе.

Но не все читатели знают, какими были те незабываемые фронтовые будни военного корреспондента Шолохова...

Под Москвой, на фронте, когда Михаил Александрович находился на передовой, солдат, обрадованный встречей с писателем, как-то робко обратился к нему:

— Дорогой Михаил Александрович, подарите нашему взводу «Тихий Дон». Очень ребятам хочется, чтобы эта книга и в бою была рядом...

Солдат произнес эти слова, и видно было, что его охватила неловкость — уместна ли эта просьба к писателю в такое время...

Михаил Александрович ответил не сразу. Значит, в самом деле слова солдата озадачили полкового комиссара. Но тут же все разъяснилось:

— Дорогой друг мой,— ответил писатель,— всей душой бы рад подарить вашему взводу «Тихий Дон», да нет у меня сейчас под рукой этой книги. А солдаты вы хорошие, и хочется мне непременно оставить вам что-нибудь на память.

Он помедлил, что-то решая про себя, потом раскрыл полевую сумку, достал плотную книгу с твердым переплетом и на титульном листе своим красивым, четким почерком что-то написал.

Отдал книгу командиру взвода, горячо обнял его, сердечно распрощался с солдатами, направился в соседний блиндаж.

Бойцы бросились к комвзвода, нетерпеливо раскрыли книгу. Это был третий том «Войны и мира». Всем запомнилась шолоховская надпись, сделанная в ту грозную пору, когда немцы рвались к Москве:

«Друзья мои! Ни шагу назад! Пусть слава Бородина вдохновит вас на ратные подвиги. Верю, реять Красному Знамени над рейхстагом. До встречи в Берлине!

Ваш М. Шолохов».

В конце августа 1941 года Михаил Шолохов вместе с Александром Фадеевым и Евгением Петровым побывал в частях 19-й армии. Они находились на боевых позициях пехотинцев, артиллеристов, встречались с танкистами. Донские литераторы, работавшие в редакции армейской газеты, хорошо помнят часы, проведенные в окопах с известными писателями.

Когда Шолохов узнал, что в редакции служат ростовчане, его потянуло к газетчикам.

— Здорово, земляки! — с этими словами пришел он к фронтовым литераторам, встретился с ними, как брат с братьями, вглядываясь в знакомые лица, расспрашивал о боевом житье-бытье, остался ночевать в землянке донцов.

В сотом номере солдатской газеты 19-й армии была опубликована ныне почти не известная статья Шолохова «Пленные». В ней он писал:

«Вернер Гольдкамп попал в плен сегодня утром. Он участвовал в захвате Польши, Франции и с начала военных действий находился на

Восточном фронте. Последние трое суток он не ел и не умывался, лицо и одежда его в грязи, серо-зеленый мундир изрядно потрепан, сапоги заплатаны, даже голенища пестрят латками. Трое суток наша артиллерия громила батальон, в котором служил ефрейтор Гольдкамп».

Встречаясь с пленными, Михаил Александрович уже тогда, в первые месяцы войны, ясно видел ту черную пучину разложения, в которую неизбежно катилась тогда еще сильная фашистская армия.

«Сложная и хитро продуманная фашистами система,— говорится в той же статье Шолохова,— направленная к тому, чтобы любыми средствами удержать немецкого солдата под ружьем, пока еще в действии. В групповом окопе немецкой роты ни один солдат не может пройти к ходу сообщения, миновав офицера, но если он и проскользнет — в тылу его задержит полевая жандармерия. Ложь, запугивание, жестокая дисциплина — все это пока держит уставшего от войны немецкого солдата в окопах, но уже отчетливо проступают первые признаки начинающегося разложения части немецкой армии: недовольство офицерским составом, отсиживающимся в тылу, сознание полной бесперспективности войны с Советским Союзом, недоверие к авантюристической политике гитлеровской клики. И чем сильнее будет отпор Красной Армии врагу, тем быстрее пойдет неизбежный процесс распада и гибели немецко-фашистской армии».

Давно отгремела война. Полковник Шолохов официально числится в запасе. На деле же писатель и теперь не порывает тесных связей с армейцами.

— Я военный писатель и должен хорошо знать жизнь нашей армии,— говорит Михаил Александрович.

Он часто встречается с солдатами и офицерами, особенно с воинами родного для него Северо-Кавказского военного округа. Бывает на учениях, проявляет постоянный интерес к тому, как живут солдаты, как они осваивают современную технику.

18

Теперь, когда после Отечественной войны прошло много лет, трудно собрать воедино эпизоды фронтовой жизни Шолохова. А как бы это было интересно и волнующе. Писатель Петр Лебеденко вспоминает о том, что произошло под селом Гроховцы.

В одной из траншей Михаил Александрович встретился с двумя воинами-сибиряками. Разговорился. Оказалось, что это отец и сын. Конечно, солдаты и не подозревали, кто их собеседник. И тут внезапно тишину вспороли вражеские пули. Завязался бой. Сын, Митька, упал смертельно раненный. С человеческой болью описывает Лебеденко эту тяжелую сцену, чувства Шолохова, на глазах у которого все это случилось. Писатель «склонился над убитым парнем,

взял его руку в свои ладони, крепко сжал ее, словно хотел все тепло свое отдать уже холодеющему телу... Лицо его вдруг посерело, на висках взбухли бугорки вен, а в глазах была мука, столько муки, будто вобрал он в себя великое горе тысяч таких вот отцов, как этот солдат-сибиряк...»

Это было на войне и это был автор «Науки ненависти». Но когда умолкли орудия и в далеком далеке затихли, растаяли последние залпы, когда над поверженным Берлином взвилось Красное знамя, у Шолохова, как и у всего нашего народа, проснулось великое, доброе и благородное чувство — традиционное русское великодушие.

Шолохов всегда был и остался гуманистом.

...Это произошло в Новочеркасске, в тысяча девятьсот сорок седьмом году. Есть там Всероссийский институт виноградарства и виноделия. На виноградниках этого института встретились Михаилу Александровичу пленные немецкие солдаты. Они молча и сосредоточенно перекапывали затвердевшую от летнего зноя землю. В жаркий августовский день это была нелегкая работа. Видно было, что немцы устали. Мокрые от пота рубашки прилипали к спинам.

Шолохов стоял поодаль и долго, внимательно приглядывался к пленным, к тому, что они делали.

Внезапно он подошел к виноделу и что-то сказал ему. Тот на короткое время исчез, а потом появился с ведерком молодого вина. Подо-

шел к пленным. Они оживились. Разогнули спины, заулыбались. Винодел наполнил стакан, протянул его ближайшему пленному. Немец нерешительно взял, попробовал, потом смелее уже, жадно припал к холодному искрометному донскому...

Оторвавшись, негромко сказал:

— Спасибо. Очень хорошее вино. Зер гут.

Когда вновь наполненный стакан перешел к другому немцу, первый, робко кивнув в сторону Михаила Александровича, негромко спросил:

— Кто этот человек?

— Шолохов,— ответил винодел. Он хотел что-то добавить, разъяснить, но тут же понял, что больше ничего не надо говорить.

— Шолохов,— тихо повторяли пленные,— Шолохов, «Штиллен Дон»...— И на лицах какая-то растерянность, изумление.

Потом кто-то из немцев после долгого молчания нарушил немую сцену:

— Какой простой человек. Очень простой.

19

Письма в Вёшенскую приходят самые различные. Поинтересуемся некоторыми из них.

Ростовский каменщик Николай Кравченко прислал Михаилу Александровичу подарок — его же, Шолохова, книжку «О Колчаке, крапиве

и прочем». Это редкое издание. Книжка вышла в свет в серии «Универсальная библиотека» в 1927 году. В нее вошли рассказы «Лазоревая степь», «О Колчаке, крапиве и прочем», «Чужая кровь» и «Жеребенок». Тираж был небольшой, и этот экземпляр стал библиографической редкостью.

Свой подарок Николай сопроводил письмом: «Дорогой Михаил Александрович! Я работаю в Ростове каменщиком, возвожу дома для народа. После работы хорошо отдыхать с книгой. Я прочел все Ваши произведения и полюбил их вечной любовью. Недавно был в Ейске и там случайно у букиниста приобрел эту редкую книжицу. Хочу преподнести ее Вам в знак признательности. Наверное, у Вас нет этого издания».

И в самом деле, этого издания у автора не сохранилось — пропало в войну...

Ученики из города Белая Калитва создают у себя краеведческий музей. Библиотеку писательских книг с автографами они решили открыть произведениями Шолохова. Написали ему. Вскоре ребята получили «Поднятую целину» с дарственной надписью:

«Белокалитвенской средней школе № 2 и населяющим ее «жителям» — учащимся и учителям — с поклоном от земляка и почти соседа. М. Шолохов. Вёшенская. 17 декабря 1964 года.

Позвонили писатели из Донбасса. В Донецке проходит совещание писателей индустриального

юга, приглашают Михаила Александровича. Он желает успеха участникам совещания. К сожалению, не имеет возможности сейчас приехать. И резонно добавляет: «Ваши писатели живут среди людей, которые находятся на переднем крае строительства коммунизма. Участникам совещания, как говорится, и карты в руки. Пусть пишут хорошие книги о рабочем классе».

В общении с народом он так же прост и откровенен, как и те, кто пишет ему. «Поменьше слов, побольше дела»,—советует он своим многочисленным друзьям.

«Дорогие товарищи,— телеграфирует Михаил Александрович Ростовскому областному слету ударников коммунистического труда сельского хозяйства.— Разрешите пожелать вашему слету успешной работы. Можно успешно и плодотворно «поработать» языками в Ростове, а дома завалить дело. Поэтому, дорогие мои родные земляки и землячки, не подведите! Потрудитесь так, чтобы никому из нас стыдно за нашу славную область не было.

С надеждой и уверенностью в ваших будущих успехах обнимаю вас.

Ваш Михаил Шолохов».

Каждый день почта приносит Михаилу Александровичу огромное количество писем.

Среди авторов немало и зарубежных корреспондентов. Приходят письма и от бывших белых эмигрантов. О многом передумали за минувшие годы после гражданской войны авторы этих пи-

сем, многое повидали, глубже осознали свои ошибки. Жизнь, как пишет один из эмигрантов, достаточно обработала их. Волнующей исповедью является письмо, пришедшее в Вёшенскую из Бельгии, и которое я почти полностью привожу.

«Дорогой Михаил Александрович!

Разрешите по просьбе моих земляков и в известной степени от имени даже моего поколения обратиться к Вам с большой, идущей из глубины души, просьбой встретиться с Вами, хотя бы на короткие часы.

Занимая Ваше ценное время, я не думаю, что Вы будете за это в обиде на нас. Что же касается нас лично, то это обращение к Вам уже давно является для нас моральной потребностью поделиться с Вами нашими сокровенными переживаниями и выслушать от Вас мудрое слово высокогуманного писателя и общественного деятеля, большого патриота земли русской, описавшего с несказанной правдивостью и глубоким пониманием человеческих чувств, общественных и социальных отношений эпопею, в которой мы, молодое в то время поколение, в силу неизбежной закономерности исторических явлений оказались в центре нарастающих событий.

Ваше навеки прославленное произведение «Тихий Дон» для нас явилось настольной книгой и можно без преувеличения сказать перевоспитало нас здесь, за границей.

Пишущий Вам эти строки, старый эмигрант, воспитанник Таганрогской мужской гимназии Попандопуло Николай Михайлович, в силу хоро-

шо Вам известных обстоятельств, в семнадцатилетнем возрасте, подобно большей части учащейся молодежи, в частности Области Войска Донского, гнусным обманом белых генералов, лживой пропаганды «патриотически настроенных» нравственных банкротов, выбросивших лозунг «великой, единой и неделимой» России, был вовлечен в белое движение и прошел тяжелый путь гражданской, начиная с отряда Семилетова, так ярко описанного на страницах «Тихого Дона».

Еще до того как Красная Армия выбросила нас из Крыма в 1920 году, я лично, да и большинство моего поколения, в горниле гражданской увидели воочию, на чьей стороне правда, на чьей стороне народ, но многих из нас остаться и сдаться на милость победителей удержали или страх или гордыня, но не идеи,— они уже в то время подверглись глубокой и всесторонней переоценке.

Вот почему уже с первых лет нашего зарубежного скитания многие из нас окончательно сбросили со счета «белую идею».

За рубежом, очутившись в чужой среде, мы не утратили своих святых чувств любви к Родине, не утратили веры в свой народ. Во многом нам помогла советская литература: «Тихий Дон», «Хождение по мукам» и другие книги служили нам подлинными маяками в этой толще мещанской, лишенной самых элементарных понятий о нравственной чистоте и цельности, о подлинной бескорыстной любви к Родине.

Во дни великих испытаний Второй Отечест-

венной войны многие из нас, в том числе и пишущий эти строки, принимали участие в «Фронте сопротивления» гитлеровским захватчикам.

Каждый год я провожу свой отпуск на Родине, в основном в Таганроге и Ростове. Несколько раз был в Москве, и моей желанной, заветной мечтой является встретиться с Вами, Михаил Александрович, передать Вам сердечный привет от наших людей, которые Вас крепко любят и уважают, поблагодарить Вас за ту неоценимую моральную поддержку, которую Вы оказали нашему поколению своими высокопатриотическими, правдивыми художественными произведениями; ознакомить Вас с нашими переживаниями и с нашей зарубежной жизнью, с нашими смешанными браками, которые держат нас вдали от родных пенатов. По многим вопросам попросить у Вас совета.

В подавляющем большинстве мы не являемся «хлюпиками». Как говорится, наши страдания пошли нам во многом на пользу. Большинство из нас не поддалось буржуазной морали, не развратилось, получило высшее или специальное техническое образование и заставляет уважать себя.

Мы непрестанно правдиво освещаем жизнь нашего народа и его величайшие достижения, одновременно разоблачая гнусную клевету на Великий Советский Союз и отражая его миролюбивую международную политику.

Мы всегда любили и беззаветно любим свою Родину. Всегда желали и желаем нашему народу наилучшей жизни и счастливой будущности.

К тому же мы не являемся древними стариками и если в основном нам перевалило за шестой десяток, то мы еще достаточно бодры и трудоспособны и надеемся, что наш жизненный опыт позволяет нам сделать очень много.

Вот почему если бы нашлась такая возможность встретиться с Вами хотя бы на один день, то я считал бы это не только большим счастьем для себя, но и для нашего общего дела.

Я бы поведал Вам, Михаил Александрович, все наши чаяния и нисколько не сомневаюсь, что унес бы от Вас массу полезных советов и очень большую моральную поддержку, столь необходимую нам, живущим вдали от родных пенатов.

В настоящее время нашей первоочередной задачей является борьба за мир. Но она, как и всякая борьба, властно требует всесторонне продуманного, глубокого и убедительного подхода к вещам, чтобы завоевать доверие людей и пробудить их неустанную бдительность.

Разрешите пожелать Вам, дорогой Михаил Александрович, и Вашей семье здоровья на долгие-долгие годы и больших творческих успехов на благо нашего народа.

С сердечным приветом, уважающий Вас Николай Попандопуло».

...Когда я прочитал это письмо, мои мысли перенеслись к Григорию Мелехову. Находились же в свое время «мудрецы», требовавшие от малограмотного казака ортодоксальной революционности. Словно этот мужественный и трудо-

любивый человек от земли не с повязкой на глазах, завязанной белыми генералами и атаманами, искал свою суровую, горькую правду.

20

Тем, кому давно полюбились книги Михаила Александровича, слово писателя просто необходимо. Без слова Шолохова жизнь для них не будет такой полной. Вот почему народ так бережно относится к своему певцу, к своему родному сыну.

Как-то поздней, сумрачной осенью Шолохов возвращался домой, спешил в Вёшенскую из далекой зарубежной страны. Сильный, штормовой ветер вздыбил Дон. Река вспенилась, бурно клокотали высокие, побуревшие волны. Тщетно уговаривал писатель знакомого лодочника переправить его на вёшенский берег. Тот наотрез отказывался.

— И не проси, Михайло Александрыч! Не могу я рисковать таким ценным грузом, как ты. Пережди. Не могу!

...Люди тянутся к писателю, потому что он всегда с народом, потому что он—гуманист, большой человеколюб, настоящий интернационалист. Известны его дружеские встречи с украинскими, грузинскими, казахскими писателями, переписка с литераторами многих братских республик, слова, полные признания и благородной любви к лучшим достижениям национальных литератур.

В Армении хорошо помнят телеграмму, полученную из станицы Вёшенской в 1954 году, когда отмечалось 125-летие со дня рождения выдающегося просветителя армянского народа, революционера и писателя Микаэла Налбандяна — уроженца Дона. Михаил Александрович писал:

«Русский народ глубоко чтит имя Микаэла Налбандяна — выдающегося просветителя армянского народа, пламенного борца за счастье трудового народа, революционного демократа, единомышленника Белинского и Чернышевского, Герцена и Огарева.

Армянин по национальности, он был моим земляком, и я склоняю голову над прахом великого сына армянского народа и мысленно твержу его слова:

Свобода! — восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!».

Этими словами Шолохова гордится каждый армянин, ибо он хорошо знает, каким писателем они произнесены. О том, как в Армении высоко оценивают творчество Михаила Александровича, говорит мало кому известное, но столь сокровенное высказывание великого поэта, певца земли армянской Аветика Исаакяна:

«По-моему, Шолохов — самый блестящий писатель великой эпохи Октябрьской революции. Красочным языком рассказал он о жизни и борьбе донских казаков, создав незабываемые образы людей из народа. Талант Шолохова — правдивый, непринужденный, смелый. Как настоящий мастер, он пишет уверенно, искренне, не изменяя своей совести. Шолохов — писатель-реалист в самом лучшем смысле этого слова: кажется, он знаком с каждым своим героем, с каждым куском родной земли.

Гениальная шолоховская эпопея «Тихий Дон» — одно из самых выдающихся произведений всех времен, которое смело можно поставить рядом с «Войной и миром» Льва Толстого.

Все, что создано этим удивительно цельным, ясным, мудрым писателем, пронизано огромной любовью к человеку, к жизни, к правде, одухотворено великими идеями, носит на себе печать неисчерпаемого гения подлинного художника...»

Шолохов очень любит стихи выдающегося грузинского поэта Николоза Бараташвили, и люди слышали, как он не один раз с волнением читал:

Цвет небесный, синий цвет
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.

Он прекрасен без прикрас.
Это — цвет любимых глаз,
Это — взгляд бездонный твой,
Напоенный синевой.

Это — цвет моей мечты,
Это — облик высоты;
В этот голубой раствор
Погружен земной простор...

Влюбленный в Дон, в донскую степь, Шолохов, как никто другой, знает жизнь казачества, самобытность станиц и хуторов, он отлично понимает язык родной природы, шум весеннего паводка, звон донских ручьев, знает каждую придонскую вербочку. Александр Серафимович, тоже выдающийся сын тихого Дона, писал, что Шолохов «впитывал, как молоко матери, казачий язык, своеобразный, яркий, цветной, образный, неожиданный в своих оборотах, который так волшебно расцвел в его произведениях, где с такой неповторимой силой изображена вся казачья жизнь до самых затаенных уголков ее».

 21

Художник, так знающий и любящий свою землю, проявляет живейший интерес к культуре других народов.

По предложению Шолохова, ученый совет Ростовского университета присвоил почетную степень доктора филологических наук известно-

му английскому писателю и ученому сэру Чарльзу Перси Сноу. Из города Стаффорда в станицу Вёшенскую на имя Михаила Александровича пришла телеграмма: «Считаю для себя высокой честью награждение. Восхищен и глубоко тронут. Передайте, пожалуйста, мою благодарность администрации университета. Время, удобное для визита,— конец сентября или октябрь. Итак, мы увидимся у Вас на Дону в этом году и будем счастливы воспользоваться казачьим гостеприимством. Чарльз Сноу».

...Наступила осень 1963 года. В солнечные октябрьские дни Чарльз Сноу и его супруга — писательница Памела Джонсон приехали в дом Шолоховых.

Гости и хозяева — Михаил Александрович с супругой Марией Петровной — с высокого вёшенского берега вглядывались в необозримые живописные просторы Дона. Гости не могли налюбоваться величием и красотой могучей степной реки.

— Мы взволнованы,— сказал Чарльз Сноу.— Это осуществление нашей давнишней мечты. Мы как бы попали на страницы книг, которые с таким наслаждением читали. Михаил Александрович — великий писатель.

— Спасибо, — ответил Шолохов.— Чарльз скромничает. Он умеет делать свои вещи не хуже. Его популярность в нашей стране непрерывно растет.

Памеле Джонсон очень понравился шолоховский сад, сочные донские яблоки.

— Одно из них я непременно увезу с собой в Англию, прибавлю к тому толстовскому ябло-

ку, что везу из Ясной Поляны, — объявила хозяевам писательница.

За дружеским обедом Михаил Александрович говорил:

— Истинный художник не может кривить душой. Своими произведениями мы служим человечеству, общей культуре народов. Стыдно и страшно, если мы еще раз позволим ввергнуть мир в пучину жесточайшей войны.

— Я полностью присоединяюсь к этим словам, — заметил Сноу.

— Здесь, у нас на тихом Дону, — продолжал хозяин дома,— как говорится, на месте, вы убедились, что не так уж страшен Шолохов-коммунист и его друзья. Не так ли?

Чарльз Сноу и Памела Джонсон осмотрели Вёшенскую, памятные места, связанные с жизнью и творчеством Шолохова.

В доме Михаила Александровича состоялось дружеское «посвящение» Чарльза Сноу в донские казаки. Гость надел казачью фуражку, кавалерийскую бурку.

— Отменный казак! — улыбнулся Шолохов.

А фуражка и бурка в самом деле были впору английскому другу донского писателя, словно шили их по мерке.

Не хотелось Чарльзу Сноу и Памеле Джонсон покидать Вёшенскую.

— Эта чудесная казачья станица, — прощались супруги, — одна из литературных святынь мира. Отрадно, что выдающийся писатель живет среди героев своих книг. Нам повезло — мы ступали по священной шолоховской земле.

Не всем дано свидеться с величайшими писателями.

— Нам тоже очень грустно расставаться с хорошими друзьями, — напутствовал англичан Михаил Александрович. — Будем надеяться, что мы еще встретимся не раз.

Уже в Москве, перед самым отъездом, Памела Джонсон сказала:

— Встретить Михаила Шолохова, этого великого человека, на его родной почве было одним из знаменательных событий моей жизни. Шолохов — поразительный человек с поразительным лицом. Я пристально глядела на него, и мне казалось, что его лицо высечено из серебра. У Шолохова удивительно выразительные глаза. Им переводчик не нужен. Стоит глянуть в них, и вы сразу поймете, что чувствует и о чем думает сейчас Шолохов. Мы ощутили в его глазах теплоту и сердечность. Меня не покидало чувство, что, если бы со мною случилась беда, Шолохов первым бросился бы мне на помощь.

Через год Шолохов и Чарльз Сноу опять встретились. Английский писатель на этот раз приехал на Дон не только с женой Памелой Джонсон, но и с сыном Филиппом и дочерью Линдзи.

После встречи с Михаилом Александровичем, Чарльз Сноу с семьей несколько дней провел на берегу Дона возле живописной станицы Мелеховской.

Как и в первый приезд, английский писатель высоко отзывался о творчестве своего донского друга:

— Огромный талант Михаила Шолохова и историческая обстановка позволили ему создать великолепный роман «Тихий Дон».

Чарльз Сноу и Памела Джонсон побывали и в Новочеркасске, посетили Музей донского казачества. В книге записей Чарльз Сноу поделился своими впечатлениями:

«С того времени, как мой дорогой друг Михаил Шолохов произвел меня в почетные казаки, меня вдохновляет все, что относится к донской земле. И этот музей показал мне все красоты и фактический материал, которые еще больше научили меня понимать казачество и Дон».

22

Весна 1965 года. В колхозе «Тихий Дон» — открытое партийное собрание. Земледельцы, земляки Михаила Александровича, обсуждают насущные вопросы, что сделать, чтобы успешнее выполнить намеченные партией меры, укрепить экономику хозяйства, дать больше хлеба, молока и мяса Родине.

На собрание коммунистов пришел член Центрального Комитета партии Шолохов. Он хорошо знает жизнь колхоза, его радости и тревоги, его успехи и заботы.

— Наиболее пожилые из вас, — обращается писатель к хлеборобам, — помнят тридцатые годы, как сдавали хлебец, а потом на быках вози-

ли семенное зерно из Миллерова. Калечили быков, ломали им ноги в весеннюю распутицу, а потом на этих же быках надо было пахать и сеять. Это ушло в далекое прошлое. Помимо этого было немало других неудобств в сельском хозяйстве, немало нерешенных вопросов, немало ошибок. Теперь как будто все ясно. Нам даны, как говорится, и книги в руки.

Мне думается, что вы, колхозники «Тихого Дона», должны учесть ваше особое географическое обстоятельство, — губы чуть дрогнули в улыбке. — Вы находитесь, так сказать, на ближних подступах к самой Вёшенской. Людей, которые приезжают к нам в район, мы в первую очередь везем в ваш колхоз, как в одно из лучших хозяйств. Так что вам надо кое-что подучесть. В колхозе коммунистов с кандидатами около ста тридцати человек. Это — огромная сила. А если приплюсовать сюда и комсомольцев, так с этим народом можно, что называется, горы свернуть. Думаю, что этот год будет переломным годом и для района и для всех хозяйств Советского Союза.

И закончил:

— Весна поджимает, сроки короткие. Думаю, что вы это понимаете лучше меня, потому что вы непосредственно связаны с землей. Придется, как говорится, и попотеть, и недоспать.

Всего доброго вам, товарищи!

23

Двадцать четвертое мая. Шолохову исполнилось шестьдесят лет. Москва. В Колонном зале Дома союзов вместилась лишь небольшая часть тех, кто хотел бы приветствовать в этот день Михаила Александровича. Когда появился писатель, все поднялись...

— Если биография художника, — сказал Константин Александрович Федин,— служит коренным руслом его представлений о мире, а это действительно так, то на житейскую долю Шолохова выпало одно из самых бурных, самых глубоких течений, какое знает социальная революция в России. Где еще бушевали такие штормы, как по землям казачества? Скальные берега издавнего бытового уклада, казалось, устоят под ударами любых волн. И, однако, прибой новой жизни одолел и скалы. Шолохов был мальчиком, когда на Дону закипела гражданская война. Она стала его училищем и остро отточила в нем волю революционера и в то же время заложенный природой дар художника. Судьба его в этом смысле из наиболее редких...

Много сердечных слов многими писателями, поклонниками шолоховского таланта было высказано в этот вечер.

Ответное слово Шолохов начал со свойственной ему шутки:

— Несмотря на мою упорную сопротивляемость лестным словам, я просто ослабел и чувствую себя за три дня постаревшим на десять лет. Так что смело можно праздновать не 60-летний юбилей, а мое 70-летие.

Он был глубоко взволнован.

— Но если говорить по-серьезному, — снова заговорил писатель после небольшой паузы, — то разрешите мне поблагодарить всех тех, тепло чьих сердец согревало меня во время этого довольно долгого шестидесятилетнего пути. Я приношу мою глубокую благодарность родному Советскому правительству за высокую награду. Спасибо вам всем и низкий поклон!

24

В июле 1965 в станице Вёшенской, на шолоховской земле побывала делегация трудящихся Германской Демократической Республики. Это были гости Михаила Александровича Шолохова и, конечно же, гости донских казаков.

Мне довелось в те дни быть в Вёшенской и я хочу рассказать о памятных, волнующих встречах, которые надолго запомнились.

Но прежде чем привести читателей к поезду, подошедшему в конце жаркого июльского дня к миллеровскому вокзалу, и познакомить их с гостями из ГДР, уместно вспомнить события, происшедшие годом раньше. Я имею в виду поездку Михаила Александровича Шолохова в Германию, к тем, кого он потом пригласил к себе.

...Это произошло в мае 1964 года. Автора «Тихого Дона» давно ждали немецкие друзья, и вот он отправился в Берлин. До этого Михаил Александрович был в Германии много лет назад, еще задолго до второй мировой войны. Ему тогда было двадцать пять лет.

Перед майской поездкой 1964 года к Шолохову обратились корреспонденты демократических немецких газет. Журналист из газеты «Нейес Дейчланд» спросил:

— Думаете ли вы побывать в сельскохозяйственных кооперативах?

Корреспондент, задавший этот вопрос, конечно, знал, как близки писателю люди сельского хозяйства, какой живой интерес вызывает у него жизнь крестьян новой Германии, как ему хочется самому посмотреть на то, что сделано освобожденными земледельцами, сбросившими вековые путы князей и баронов.

— Обязательно побываю, — ответил Шолохов. — Обязательно. Меня это очень интересует. Я внимательно слежу за строительством социализма в немецкой деревне, но знаю далеко не все. В деревне я постараюсь провести несколько дней. Кстати, об этом и была моя первая просьба к немецким товарищам, когда я принял их приглашение.

На вопрос — над чем трудится писатель и каковы его планы на будущее, Михаил Александрович сказал, что он работает над книгой о Великой Отечественной войне «Они сражались за Родину» и в будущем намерен написать еще две книги, охватывающие не только годы второй мировой войны, но и послевоенный период.

— Свое путешествие начинаю с большим интересом, — говорил Шолохов. — Я был в Германии в 1930 году, провел там целый месяц. Хорошо помню эту поездку. У меня еще живы многие впечатления. Тогда, в тридцатом, я тоже интересовался жизнью немецкой деревни. Те-

перь полезно будет сравнить прошлое с настоящим, познакомиться с изменениями, происшедшими за тридцать четыре года. А если еще иметь в виду, что за это время родилось государство, в котором впервые в истории германского народа власть принадлежит рабочим и крестьянам, то можно представить себе, какой большой интерес вызывает все это.

И вот Шолохов вступает на немецкую землю. Сердечно встретили трудящиеся ГДР «великого эпика нашего времени», как охарактеризовала Михаила Александровича немецкая газета «Юнге вельт». Выражая чувства народа Германской Демократической Республики, первый секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии товарищ Вальтер Ульбрихт вручил Шолохову высшую награду ГДР — орден «Большая звезда дружбы народов» и отметил огромное значение произведений писателя для немецких трудящихся.

— Уже в первые годы после разгрома фашизма,— подчеркнул Вальтер Ульбрихт,— издание «Поднятой целины» явилось выдающимся событием в культурной жизни нашей страны. Ваш роман переходил из рук в руки. Тысячи людей нашли тогда в нем ответ на вопрос: как быть дальше? Многим помог он найти социалистический идеал и стать борцами за социализм и мир. Ваши труды отражают основные проблемы строительства социализма и коммунизма. В ваших произведениях речь идет о разрушении старого мира и становлении нового, о моральной силе и красоте человека социалистического общества.

...Когда я познакомился с этими словами Вальтера Ульбрихта, мне вспомнилось еще одно высказывание руководителя Социалистической единой партии Германии о творчестве Шолохова.

«Тихий Дон», а прежде всего «Поднятая целина», — писал он несколько лет назад, — в подлинном смысле слова служили нам политическими настольными книгами в период коллективизации сельского хозяйства в Германской Демократической Республике. Они оказали нам непосредственную помощь в строительстве социалистического сельского хозяйства в ГДР. Это еще одно убедительное свидетельство того, что литература и искусство способны прямо повлиять и воздействовать на крупные революционные общественные преобразования. Трудящиеся Германской Демократической Республики уважают и высоко ценят Михаила Шолохова — одного из выдающихся писателей современности. Его книги стали достоянием и немецкого трудового народа. Немецкий народ благодарен ему за его замечательные произведения».

...Много встреч было у Михаила Александровича в ГДР. Он побывал у крестьян нескольких сельскохозяйственных кооперативов, в том, что расположен в районе Ростока, в кооперативе имени Михаила Шолохова в районе Потсдама и в других хозяйствах.

Встречался Михаил Александрович и с рабочими, с интеллигенцией.

В городе Веймаре Шолохов с душевным волнением перешагнул порог домика Гёте и первое, о чем спросил:

— Все ли книги библиотеки Гёте уцелели во время войны, все ли были спасены?

И когда ему ответили, что, к счастью, библиотека Гёте не пострадала, он искренне обрадовался:

— Это очень хорошо!

Веймар понравился Михаилу Александровичу. Писатель с интересом знакомился с достопримечательностями города. Сын станицы Вёшенской побывал и в доме Фридриха Шиллера. Многое в этом городе привлекло внимание Шолохова. Не зря Михаил Александрович, когда у него спросили, что он думает о Веймаре, со свойственной ему лукавинкой ответил:

— В этом городе нельзя не писать. Немецкие классики знали, где выбирать место для работы...

Сердечность была взаимной. Трудовые люди новой Германии с открытой душой встретили Шолохова. Писатель отвечал им тем же. Любопытен и не менее красноречив такой случай. В Веймаре руководитель партийной организации комбайнового завода, нарушая программу пребывания писателя в ГДР, несколько смущаясь, попросил Шолохова проехать в район комбайностроителей, чтобы Михаил Александрович хотя бы из автомобиля поприветствовал рабочих.

— Дорогой товарищ! — горячо откликнулся Шолохов. — Зачем же из автомобиля?! Я не турист. Если рабочие хотят, я охотно сойду.

Он побывал у немецких комбайностроителей Рабочие по-братски встретили его. Завязалась живая, непринужденная беседа, и снова, в который раз, заранее предусмотренная программа

была захлестнута стихийными волнами братской дружбы, теплом человеческих сердец...

Тогда же Михаил Александрович пригласил немецких друзей в гости к себе, на тихий Дон.

25

И вот под вечер двадцать девятого июня, когда чуть спала дневная жара, к миллеровскому вокзалу подошел московский поезд. На перроне собралось немало людей. Вместе с миллеровцами сынов и дочерей первого германского государства рабочих и крестьян встречали вёшенцы. Они накануне на нескольких машинах приехали из станицы.

Из вагона вышли немцы — крестьяне, рабочие, ученые, журналисты. Хозяева так встретили гостей, что те сразу почувствовали непринужденность, искреннее дружелюбие. Приехавшим — многие из делегатов были с женами — преподнесли цветы, высказали простые, сердечные слова. Но главным, пожалуй, явилось другое: немецкие друзья сразу почувствовали, что к ним потянулись свои, близкие люди...

— Ну, дорогие геноссен, — эти слова произнес секретарь Вёшенского райкома партии, еще молодой, красивый мужчина с умными, живыми глазами Петр Иванович Маяцкий. — Прошу в машины. Станица Вёшенская ждет вас. Добро пожаловать!

Это неофициальное «Ну, дорогие геноссен» было произнесено так, словно Маяцкий и приехавшие давно знали друг друга. Слова прозву-

чали так естественно правдиво, что и немки и немцы заулыбались и как-то с этих первых слов и уже до конца своего пребывания на Дону охотно, с чувством открытой симпатии все время прислушивались к словам Петра Ивановича.

Так немецкие друзья ступили на донскую землю. Они много слышали, читали о донской земле. Они знали, что это край, о котором на планете наслышаны во многих государствах, край сильных и волевых людей, со своими давними, самобытными традициями, земля донских казаков, о которой так много им рассказывали еще отцы и деды, неоглядная степная сторона, край хуторов и станиц, край пшеницы и мужества, песен и любви, о которой с такой страстной силой написал сын этого привольного края, автор «Тихого Дона», любви, цветущей буйно и негасимо, любви, окрыляющей людей, поднимающей их на труд и на бой, любви, похожей на непокорный степной тюльпан, цветущий ярче всех земных цветов...

Да, они много слышали об этом крае, о людях, живущих здесь, много рассказов и песен, но они хорошо знают, что самые лучшие, самые поэтические песни об этой земле, о донских казаках писал Михаил Шолохов. Эти эпические песни называются «Тихим Доном», «Поднятой целиной», «Судьбой человека». Их знает весь мир...

От Миллерова до Вёшек теперь идет гладкая асфальтированная дорога.

Солнце клонилось к закату. После полуденного зноя земля начинала дышать предвечерней прохладой. Вереница автомашин мчалась на во-

сток, к верхнему Дону, к высокому, крутому берегу...

Немцы вглядывались в очертания степи, овеянной легендами, и каждого из гостей, должно быть, охватывает раздумье. Мысли невольно обращались к недавнему прошлому... Бесноватому фельдфебелю в сорок первом удалось бросить наши народы в пучину жестокой войны...

Машины шли быстро, но временами они замедляли бег — из окрестных хуторов и станиц, из полевых бригад, с ферм подходили казаки-колхозники, рабочие совхозов, дети... Люди улыбались и приветливо поднимали руки. К машинам долетали слова «Мир!», «Дружба!», и в ответ неслось «Фройндшафт!». Я видел взволнованные лица гостей и скажу откровенно — мне показалось, что не все из них ожидали такой волнующей встречи. Немецкие товарищи были растроганы...

А жители донских степей уже знали, чьи это гости едут по дороге. На границе Вёшенского района, той земли, где живет Шолохов, друзья из ГДР остановились. Они просто не могли дальше ехать. Перед ними была живая «стена» — стена дружбы; она протягивала им свои братские руки. Гостей встречали рабочие и дети совхоза «Красная заря».

...Бывает, слова не могут помочь тебе и ты не в состоянии описать того, что видишь. Так случилось и здесь. Именно это чувство испытывали все, когда школьница Люся Красноглазова обратилась к гостям на немецком языке:

— Дорогие товарищи! Мы все — и дети, и взрослые — рады видеть вас на донской земле.

Рабочие и крестьяне новой Германии — братья наших отцов и матерей...

Руководитель делегации Зигфрид Вагнер — умудренный жизнью человек, рослый, широкоплечий, с руками рабочего, с открытыми добрыми глазами. И у Зигфрида Вагнера, и у других товарищей, да и у русских людей — свидетелей этой волнующей встречи — перехватило в горле, дрогнули мускулы... И крепкому Вагнеру стоило усилий сдержать себя. Он по-отцовски обнял пионерку, поцеловал ее, коротко сказал:

— Спасибо, девочка. Всем вам спасибо, дорогие русские товарищи. Мы говорим: дружба, мир, счастье каждому дому.

Эта встреча была первой из тех многих, что потом произошли на шолоховской земле. Так же радушно встретили делегацию из ГДР и казаки станицы Вёшенской.

Принимая немецких друзей у себя дома, Михаил Александрович говорил:

— Мария Петровна и я сердечно приветствуем вас на тихом Дону. Чувствуйте себя, как дома. Вы не просто гости, вы родные люди, и мы рады вам, дорогие друзья.

Беседа Михаила Александровича с немецкими товарищами продолжалась до полуночи.

26

На следующий день, рано утром, когда небольшой северный ветер волнами перекатывал массивы донской пшеницы, гости отправились на поля колхоза «Тихий Дон». В стороне остал-

ся хутор Базковский, где расположена центральная усадьба артели.

В поле у зеленовато-сизого прибоя пшеницы машины остановились. Гостей встретили председатель колхоза Александр Стефанович Максаев, секретарь партийного комитета артели Павел Арефьевич Абакумов, бригадиры, механизаторы. Колхозники не без волнения встречали друзей из ГДР. Они знали — им уже рассказывал об этом Михаил Александрович — среди делегатов опытные специалисты сельского хозяйства: председатель сельскохозяйственного производственного кооператива в районе Ростока, член ЦК СЕПГ Эрнст Вульф, председатель сельскохозяйственного кооператива имени Михаила Шолохова в районе Потсдама Латар Кох, бригадир полеводческой бригады Ульрих Темплин, бригадир животноводческой бригады Герхард Борхардт, организатор первого сельскохозяйственного производственного кооператива в ГДР, член ЦК СЕПГ старый немецкий коммунист Бернхард Грюнерт. Эти люди, по отзыву Михаила Александровича Шолохова, отличные знатоки сельского хозяйства.

Мнение германских коллег будет поучительно. Максаев рассказал о хозяйстве «Тихого Дона». В колхозе — семнадцать тысяч гектаров земли. Тысяча двести колхозников. Трудоспособных шестьсот шестьдесят. На фермах — три тысячи крупного рогатого скота. Много свиней, овец, домашней птицы. Колхоз в 1964 году за проданную государству продукцию получил чистого дохода 1 миллион 100 тысяч рублей.

— Вот это размах! — говорит Эрнст

Вульф. — Не зря ваш колхоз называют «Тихим Доном». У вашего кооператива шолоховская хватка!

Разговор идет обстоятельный, и поскольку он принимает конкретный характер, его ведут главным образом люди сельского хозяйства — и немцы, и русские. Вопросы задают друг другу председатели колхозов (у немцев колхозы называются сельскохозяйственными производственными кооперативами) — Александр Максаев, Эрнст Вульф, Лотар Кох, бригадиры Иван Моргунов, Ульрих Темплин, животноводы Степан Донец, Герхардт Борхардт...

И тех и других интересует каждая деталь. Земледельцы взаимно расспрашивают друг друга о применяемых методах сева, выращивания посевов. Немцы задают нашим агрономам и бригадирам много вопросов об уходе за пропашными культурами, хотят знать, как донцы применяют на своих полях органические и минеральные удобрения, гербициды.

И те и другие — крестьяне. Они быстро находят общий язык и хорошо понимают друг друга и нередко обходятся без переводчика. От деловых вопросов как-то незаметно переходят к личным.

— Какого вы года рождения? — спрашивает Максаев председателя немецкого колхоза имени Михаила Шолохова, плотного, твердо стоящего на земле, белокурого крепыша Лотара Коха.

— Тысяча девятьсот тридцать первого, — отвечает тот и широко улыбается. — А вы?

— Тридцатого, — теперь такая же улыбка на лице Максаева.

— Ровесники, — замечает кто-то.

И два председателя Александр Максаев и Лотар Кох дружески обнимаются...

Хозяйство «Тихого Дона» понравилось германским земледельцам. С восхищением они рассматривали большой участок подсолнечника. Тут были высокие, крепкие подсолнухи с широкими и тяжелыми шляпками.

Гости почерпнули полезные сведения для себя. В свою очередь высказали немало ценных советов для донских хлеборобов.

А тут как раз подоспело и время завтрака.

— Прошу, дорогие гости, за стол, — пригласил Александр Стефанович.

Прямо на полевом стане уже стояли столы с дарами донской земли. От жаркого солнца гостей и хозяев защищал широкий полотняный тент...

Когда расставались, Эрнст Вульф провозгласил тост за дружбу.

— Пусть будущее наших народов будет таким же добрым, таким же щедрым, как это неоглядное поле донской казачьей пшеницы!

Сердечными словами Вульфу ответил секретарь парткома колхоза Павел Арефьевич Абакумов.

— Я хочу каждому из вас подарить четыре тома «Тихого Дона», — сказал он. — Прекрасная это книга, и мы очень гордимся тем, что ее написал наш земляк.

— Мы с радостью принимаем подарок вашего колхоза, дорогой товарищ Абакумов, — ответил руководитель делегации Зигфрид Вагнер.— Книги Шолохова — мудрые книги, поучительные, книги-наставники.

27

Первый секретарь Союза немецких писателей, член народной палаты ГДР профессор Ганс Кох говорил мне:

— Вы сами видите — все мы с огромным интересом знакомимся с тихим Доном, с этим необычным казачьим краем, откуда вышел писатель, ставший гордостью, знамением двадцатого века. Здесь все предстает перед нами новым, неведомым, каждый хутор, каждый... как это у вас говорят, каждый хутор, каждый человек, каждая встреча привлекает наше внимание. Однако знайте, мы проявляем особый интерес к тому, что связано здесь, на Дону, с Шолоховым. Вы не скажете, когда мы поедем на хутор Кружилин?

То, что один из руководителей писательской организации новой Германии великолепно знал, где родился Шолохов, — это было естественно и не вызывало удивления. Но когда к Петру Ивановичу Маяцкому обратился бригадир полеводческой бригады потсдамского колхоза имени Михаила Шолохова Ульрих Темплин, когда он сказал: «Когда же мы поедем на хутор Кружилин?» — не скрою, это глубоко тронуло меня. Да разве только меня?! Каждого, кто слышал этот вопрос немецкого крестьянина. Ульрих Темплин, сильный широкоплечий мужчина с угловатыми крестьянскими движениями, потом, как бы оправдываясь, добавил:

— Очень хочется мне увидеть дом, в котором родился Шолохов. И крестьяне наши просили, когда вернусь, буду рассказывать им...

4 Заказ 646

Я глубоко убежден, что этот интерес Ульриха Темплина разделяли все немецкие товарищи...

Надо было видеть, с каким желанием они направились на хутор Кружилин. Машины подкатили к небольшому двору. За деревянной перекладиной, этакой немудреной оградой, виднелся, с годами вросший в землю, старенький казачий курень. Это был невысокий саманный домик, покрытый соломой. Во дворе, повязанная чистым белым платком, в окружении соседок-казачек стояла немного смущенная старушка — нынешняя хозяйка бывшего шолоховского куреня.

Видя, что гости нерешительно остановились у забора, старушка, перекинувшись двумя словами с соседками, негромко сказала:

— Да вы заходите, не стесняйтесь, а кто пожелает и в курень можно... Не очень там прибрано, конечно, да уж не обессудьте...

В домике оказались две маленькие аккуратно убранные комнатки. Потолок низкий. Прохладно. Во второй комнате в углу иконы... Когда выходили, опуская головы, чтобы не удариться о низкий дверной косяк, кто-то из немцев тихо, многозначительно проговорил:

— Кляйне хауз — гроссе Шолохов!

И всем нам без переводчика стал ясен смысл простых и столь справедливых слов:

— Из этого маленького домика вышел большой Шолохов!

Молча, я бы сказал, в какой-то благоговейной тишине оглядывали немцы простую крестьянскую хижину. Кто мог подумать, что из этого более чем скромного гнезда в просторы мировой литературы поднимется один из самых ее могу-

чих орлов?! Где найти этому объяснение? Пожалуй, только в одном — в том, что гнездо это ничем не отличалось от тысяч и миллионов таких же убогих гнезд, ютившихся на старой Руси, в том, что по самой сути своей гнездо это было народное...

С неменьшим интересом с хутора Кружилина немцы поехали в станицу Каргинскую. Густой толпой высыпали станичники. Кажется, вся округа вышла на станичную площадь. Охотников рассказать о старой Каргинской нашлось немало. Михаил Александрович в этой станице прожил пятнадцать лет. Многое связано с Каргинской у Шолохова. Здесь он учился в церковноприходской школе, водил с мальчишками в ночное лошадей, ловил рыбу в реке Чир. Здесь долго жили его родители. В Каргинской Шолохов написал первые «Донские рассказы», начал писать «Тихий Дон»...

Это в Каргинской в начале двадцатых годов пятнадцатилетний Миша Шолохов приносил в школьный драматический кружок небольшие пьески.

В этой станице Михаил Александрович познал и первое горе — на станичном погосте в декабре двадцать пятого похоронил отца.

Гостям показали старую станичную школу, где обучался будущий писатель. В ней было всего три класса.

С гордостью каргинцы повели немецких товарищей в новую полную среднюю школу. Большая, двухэтажная, светлая, с подсобными просторными кабинетами. Всех классов и не сосчитать. Такую не в каждом городе встретишь.

Это — та самая школа, на строительство которой Михаил Александрович отдал свою Ленинскую премию, полученную за «Поднятую целину».

...Из новой школы каргинские казаки повели немецких гостей в колхозную столовую и попотчевали их таким обедом, что и в самом деле — ни в сказке сказать, ни пером написать!

28

Река Хопер — одно из любимейших мест Шолохова. Здесь, на живописном берегу, он отдыхает, встречается с рыбаками, сам испытывает удачи и неудачи рыболова.

Сюда, на Хопер, километров за семьдесят от Вёшенской, и повез своих гостей Михаил Александрович. Угостил стерляжьей ухой, в дружеской беседе поделился мыслями.

— Эрнст Вульф, Лотар Кох и Бернхард Грюнерт, — теперь уже мои старые знакомые. Это истинные представители немецкого народа, — сказал Шолохов. — Вы побывали в колхозе «Тихий Дон», в совхозах «Кружилинский» и «Каргинский», встречались там с полеводами, животноводами, механизаторами. Это очень хорошие встречи. Учиться всегда полезно. Все мы учимся друг у друга. Интересной и полезной была моя прошлогодняя поездка в Германскую Демократическую Республику. Встречи с людьми разных профессий и возрастов глубоко тронули меня, и я часто вспоминаю о них. Вот и здесь собрались люди разных профессий. У каждого свои симпатии, свои привязанности. Мне близки крестьянский труд, люди сельского хо-

зяйства. У крестьян ГДР мы можем почерпнуть немало полезного. Я и мои товарищи по партии всегда испытываем добрые чувства к немецким коммунистам, ко всему трудовому народу Германии.

Целый день отдыхали гости на Хопре, купались в реке, гуляли в прибрежном лесу...

— Ну, как, нравится вам Хопер?—спрашивал Михаил Александрович и в ответ на утвердительные кивки добавлял: —Чудесный край. Здесь легко дышится...

Под вечер, прямо здесь же, на поляне, группа гостей окружила писателя, слушала его рассказ о Доне, о прошлом казачьего края, об истории земледелия у донских казаков.

...Ранним июльским утром гости Шолохова покидали Вёшенскую. Михаил Александрович пригласил их к себе в дом на прощальный завтрак.

— Дорогие немецкие друзья! — сказал он. — Самое худшее у писателя, когда он повторяется. Писатель не может повторяться. Но я здесь не только писатель, но и хозяин. А хозяин может повториться. Марья Петровна и я рады снова видеть и приветствовать вас в своем доме. Вы извините меня, дорогие гости, что я не был с вами на моей родине, в хуторе Кружилине. Но вы это поймете. Детство меня не баловало. Не всегда взор человека обращается к прошлому. Особенно, если это прошлое было не таким уж светлым.

Обращаясь к первому секретарю Союза немецких писателей профессору Гансу Коху, Шолохов говорил:

— Дорогой друг Ганс Кох! Пользуясь вашим присутствием, мне бы хотелось несколько слов сказать о нашем общем большом деле — о литературе. Все мы, писатели, несем огромную ответственность перед народами мира и прежде всего перед немецким и советским народами. Писатели должны честно, правильно объяснять современникам и будущим поколениям исторические факты. Надо сказать людям, как могло случиться, что великая немецкая нация не смогла в свое время противостоять вандализму Гитлера. Надо чтобы литераторы говорили обо всем правду. Между тем некоторые буржуазные писатели в своих книгах, в газетных и журнальных выступлениях идеализируют военщину. В Соединенных Штатах Америки находятся отдельные литераторы, воспевающие преступления американской армии. И это в то время, когда морская пехота США ведет постыдную войну против героического народа Вьетнама, оккупирует землю свободолюбивого народа Доминиканской Республики. Все это отвратительно и идет против совести человечества.

29

В этом месте я позволяю себе некоторое отступление от хронологической последовательности.

Михаил Александрович, столь гневно осудивший агрессивные, жандармские действия американской военщины, примерно через полтора месяца после встреч с немецкой делегацией снова

высказался по этому вопросу. В «Правде» было опубликовано открытое письмо советских академиков, общественных деятелей президенту США Л. Джонсону. В письме выражались «чувства негодования, горечи и боли» в связи с учиненной американскими властями «чудовищной расправой над населением негритянского гетто Лос-Анжелоса», выражался протест против «варварских действий американских солдат во Вьетнаме и Доминиканской Республике».

На следующий день «Правда» напечатала «Письмо в редакцию». Вот его короткий и по-шолоховски выразительный текст:

«Уважаемый товарищ редактор!

Не откажите в любезности опубликовать следующее.

Целиком и полностью разделяю гнев и душевную боль, высказанные в открытом письме академиков, общественных деятелей, адресованном президенту США Л. Джонсону.

Разрешите добавить единственное: не могу понять, как ЧЕЛОВЕК, облеченный высшей властью США, но по профессии, а стало быть, и по призванию УЧИТЕЛЬ, мог санкционировать и осуществлять все то изуверство, которое творится в Лос-Анжелосе, Доминиканской Республике и Вьетнаме руками американских парней.

Г-н Джонсон в своих выступлениях часто вспоминает бога... Ну, что же, и мне придется воскликнуть: «Дивны дела твои, господи, но

исповедимы пути, по которым ведешь ты своего лицемерного раба Линдона Джонсона!»

Михайл Шолохов.

Станица Вёшенская. 22 августа 1965 г.»

30

Беседуя с немецкими товарищами, Михаил Александрович с похвалой отозвался о молодых писателях Германской Демократической Республики.

— Я знаком с творчеством молодых писателей демократической Германии, — говорил Шолохов. — Еще ближе я познакомился с молодыми литераторами во время пребывания в ГДР. У меня осталось о них хорошее впечатление. Это — настоящие литераторы, писательское поколение, достойное тех литературных умов, каких породила Германия. И это радует.

Потом Михаил Александрович заговорил о донских писателях, о творчестве ростовских литераторов.

— У нас на Дону тоже есть настоящее литературное пополнение. Книги донцов известны широкому кругу читателей. Когда вы будете в Ростове, вы пошире познакомитесь с нашими писателями.

Из Вёшенской немецкие гости самолетом отправились в Волгоград. После знакомства с городом-героем вернулись на Дон и в Ростове снова встретились с Михаилом Александровичем. В беседе, которая проходила в обкоме партии, приняли участие секретари областного ко-

митета КПСС М. С. Соломенцев, М. К. Фоменко и группа донских писателей.

Михаил Сергеевич Соломенцев познакомил гостей с экономикой Ростовской области, писатель Виталий Закруткин рассказал о литературных традициях Дона, о работе местной писательской организации и, в частности, о существовании в большой многонациональной советской литературе «шолоховской школы», о ее огромном благотворном значении.

Первый секретатрь Союза немецких писателей профессор Ганс Кох говорил о новой немецкой литературе, посвятившей себя интересам родного немецкого рабоче-крестьянского государства, об интернациональных связях писателей ГДР. Ганс Кох подчеркнул, что «шолоховская школа» — действительность не только советской литературы, она существует во всей международной, мировой литературе.

...Много было встреч у немецких друзей на Дону. И все они были дружескими, искренними, что говорится, от сердца. Так встречал своих гостей Михаил Александрович Шолохов. Так встречали немецкую делегацию вёшенские, цимлянские казаки, так встречали их донские литераторы.

С добрым чувством вспоминаю я о встречах с немецкими друзьями на Дону. И тут мои мысли невольно переносятся к одной одиозной статье, опубликованной в одном из номеров гамбургского еженедельника «Ди цейт». Западногерманский журналист Марцель до этого никому не был известен, разве что ближайшим родственникам. И вот Марцель решил привлечь к

своей персоне внимание человечества. Не утруждая себя раздумьем, незадачливый Марцель одним махом оглушил трехмиллиардное население планеты сногсшибательной сенсацией. «Михаил Александрович Шолохов, — пропищал Марцель,— великий казак с тихого Дона, ненавидит немцев».

Вещун Марцель написал, потер руки, перечитал свое «открытие» и ему показалось, что написанного мало. И Марцель дополнительно выдавил: «Это интуитивная, элементарная и дикая, почти животная ненависть».

...Встречи Михаила Шолохова с немецкими друзьями на тихом Дону, говоря словами самого писателя, с «истинными представителями немецкого народа», еще раз показали, чего стоит клевета Марцеля, у кого действительно животная ненависть, животный страх перед все крепнущей братской дружбой трудовых людей новой Германии и Советского Союза.

31

Шолохов внимательно следит за работой литераторов. Заинтересованно, благожелательно относится к авторам талантливых произведений. При этом широко известна его строжайшая взыскательность к слову.

На Украине помнят, с какой любовью и сыновней признательностью говорил Михаил Александрович о великом Тарасе Шевченко, о песнях и стихах бессмертного кобзаря. Сердечно встречали писатели Украины Михаила Александро-

вича на киевском аэродроме, когда он прилетел на республиканский съезд литераторов. По-братски обнял Шолохов выдающегося украинского писателя Олеся Гончара.

— Здравствуй, здравствуй, Олесь, — радушно сказал он. — Внимательно слежу за тобой, с интересом читаю «Знаменосцев» — отличная книга.

И тут же, на аэродроме, стал вспоминать эпизоды из романа.

— Помнишь, у тебя там в первой части, в сцене боя под Яссами, наш солдат Макавейчук встречается с румынским солдатом. Объяснились они довольно своеобразно,— многозначительно напоминает Шолохов и весело смеется.

Потом заговорил о книгах других украинских писателей, хвалил рассказы Остапа Вишни, подчеркивал юмор, народность, присущие его произведениям.

...Вспоминается осень не то 38-го, не то 39-го года. Я тогда работал в редакции «Молота». Журналист и писатель Михаил Штительман послал свою первую «Повесть о детстве» на суд Михаила Александровича.

Послал летом, кажется, в июне. С волнением ждал — что скажет создатель «Тихого Дона»? Прошли июль, август, сентябрь... Ответа из Вёшек не было. Тревога охватила молодого писателя — наверное, повесть не понравилась, и не слишком ли дерзко поступил он, Штительман, отрывая у Шолохова время на чтение своего слабого произведения?..

Отшумело лето. И вдруг в один из октябрь-

ских дней, когда уже повеяло холодом, в отдел культуры нашей редакции вбежал сияющий Штительман:

— Ребята! Смотрите!

Это было все, что он успел сказать. В руках у Михаила был развернутый лист бумаги с лаконичными шолоховскими словами: «Дорогой товарищ Штительман! Извини, что задержал ответ и перенес чтение твоей повести на осень. Впрочем, это, может быть, к лучшему. Когда холодно — теплое согревает. Успехов тебе! М. Шолохов».

Вот и вся шолоховская рецензия. Но сколько в ней сказано, каким образным, своим неповторимым языком, и как эта рецензия окрылила молодого талантливого прозаика, погибшего в боях под Вязьмой. Шолоховское напутствие было верным. «Повесть о детстве» полюбилась многим и многим читателям.

Мне довелось быть участником памятной встречи, которая произошла в Ростове 8 июня 1960 года. По приглашению Михаила Александровича Всеволод Кочетов, Анатолий Софронов и автор этих строк пришли к писателю. Он в те дни жил в одном из номеров гостиницы «Московская».

Встретил радушно.

— Садитесь, ребята. Рад, очень рад, что вижу вас.

В комнате, кроме нас, находились давний приятель Шолохова, партийный работник Аким Андреевич Сидоров и писатель Александр Бахарев.

— Ну, рассказывай, казак, чего приехал на

Дон? — шутливо обратился Шолохов к Софронову.

— Редакция «Огонька» проводит на Ростсельмаше читательскую конференцию.

— Хорошо, — улыбнулся Шолохов, — хорошо, когда журналы под контролем читателей, да еще таких, как ростсельмашевцы. Кстати, ты же сам там работал. Значит, к землякам. Молодец, что не забываешь завод, родной город.

Посмотрел с лукавинкой на Кочетова.

— И Всеволода с собой прихватил. В донцы его обращаешь?

— А его обращать в донцы не надо, — ответил Софронов. — Он сам к Дону тянется. В Ростове, говорит, воздух хороший, легко дышится...

— Это верно, — отозвался Кочетов. — Отлично у вас, на Дону, Михаил Александрович. Вчера из самолета вышли, огляделся — какая красота земная. Из степей — такая свежесть. Чудесный вечер был.

— Ну, что ж, Всеволод, давай тогда к нам. — Шолохов повернулся к Софронову. — А что, Анатолий, запишем его в казаки?! Дадим надел земли необходимый, и будет он донским казаком.

Беседа завязалась сама собой. Началась с шуток, потом пошла серьезно и так интересно, так захватывающе, что время полетело стремительно. Говорили о литературе. Когда коснулись Хемингуэя, я заметил — и это уже было не в первый раз, — что Михаил Александрович проявляет пристальное внимание и к личности выдающегося американского писателя и к его про-

изведениям. Потом пошла речь о происходивших в то время литературных спорах и дискуссиях. Михаил Александрович тепло отозвался о романе «Братья Ершовы», сказал, что это — хорошая, интересная книга. Такая высокая похвала обрадовала и несколько смутила Кочетова.

— Это всерьез? — сказал он после некоторого молчания, и, как мне показалось, лицо писателя зарделось.

— Совершенно, — ответил Шолохов и добавил: — Я бы так о рабочем классе не смог написать.

Растроганный, Кочетов встал. Поднялся и Михаил Александрович. Они обнялись.

— Спасибо, Михаил Александрович, — сказал Кочетов. — Считаю, что сегодня получил Шолоховскую премию...

Шолохов попросил Анатолия Софронова прочитать стихотворение «Бессмертник». Слушал внимательно. Видно было, что стихи нравятся. Сердился, если нарушали тишину и кто-то полушепотом обращался к соседу.

Когда Софронов прочитал, Шолохов помолчал, потом снова попросил:

— А теперь — «В станице Вёшенской».

Донские стихи Анатолия Софронова взволновали писателя, особенно стихи о старом станичном рыбаке. Когда Софронов прочел последние строчки:

...Что же о прожитой жизни тужить
И о дорогах исхоженных?
Вот бы и нам по-рыбачьи прожить,
Сделав, что в жизни положено...—

Михаил Александрович глубоко задумался...

Хорошо помню и другую встречу. Это было позже, в мае 1962 года, когда в Ростове проходил довольно широкий форум писателей юга России. В кругу литераторов зашла речь о новом тогда романе писателя Михаила Алексеева «Вишневый омут».

— Умная книга, — заметил Михаил Александрович и как бы подытожил: — Алексеев умеет добираться до самой сердцевины. Глубоко вспахивает.

При этих словах автора романа в комнате не было. Но вскоре он появился. Шолохов приветливо встретил его, при всех сказал:

— Тебя надо поздравить, дорогой. Крепенько написал ты «Вишневый омут».

Прошло четыре с лишним года, и я вспомнил эту шолоховскую оценку. Она оказалась пророческой. Когда осенью 1966 в Российской Федерации впервые были присуждены литературные премии имени Горького, одной из них был удостоен Михаил Алексеев и именно за роман «Вишневый омут».

Выступая на литературном вечере в ростовском Доме ученых, Михаил Александрович с большой теплотой отозвался об очень талантливом и очень скромном донском писателе Анатолии Калинине. «Люблю его, как сына», — по-отечески сказал Михаил Александрович.

В другой раз, на собрании литературной общественности Дона, где речь шла о творчестве известного советского писателя Виталия Закруткина, уже давно связавшего свою судьбу с казаками станицы Кочетовской, Шолохов так гово-

рил об авторе «Кавказских записок», «Пловучей станицы», «Сотворения мира»: «Виталий Закруткин — талантливый писатель, замечательный парень, человек нелегкой жизни, человек крепкий, и живет в нашей литературе по-настоящему. Желаю ему всего доброго и хочу сказать несколько слов от имени литераторов: все мы служим Родине, служим родному народу, Коммунистической партии, служим Советской власти, за которую бились и которую в жестокой борьбе завоевали».

Когда в Ростове была получена инсценировка П. Демина по второй книге романа «Поднятая целина», одним из первых ее прочитал ростовский драматург Александр Суичмезов. Драма понравилась, хотя и были высказаны некоторые пожелания автору инсценировки. Любопытно, что спустя некоторое время, на титульном листе пьесы «Поднятая целина» Михаил Александрович сделал характерную надпись: «Согласен. А. Суичмезов. М. Шолохов». В этих словах я увидел выражение доверия большого писателя драматургу и, видимо, желание Шолохова подчеркнуть, что он не только согласен с пьесой, но и считает Суичмезова ее редактором.

32

Настоящее литературное слово всегда в орбите Михаила Александровича. Когда у выдающегося советского писателя Сергея Николаевича Сергеева-Ценского вышел в свет один из романов его известной эпопеи «Преображение Рос-

сии» — «Утренний взрыв», Михаил Александрович с интересом прочитал его и счел необходимым сейчас же сообщить телеграммой свое мнение автору: «С истинным наслаждением прочитал «Утренний взрыв». Дивлюсь и благодарно склоняю голову перед Вашим могучим, нестареющим русским талантом. Ваш Шолохов».

Писатель Евгений Поповкин, хорошо знавший Сергеева-Ценского, говорил о том, что отзыв Михаила Александровича глубоко растрогал маститого литератора. Ни разу не довелось им встретиться, но Сергей Николаевич с восторгом относился к Шолохову.

— Вы знаете, кто первым указал мне на Шолохова? — рассказывал Сергеев-Ценский Поповкину. — Горький... А было так... Сидели мы с Алексеем Максимовичем в Ялте, в ресторане «Поплавок», обедали. Он спрашивает: «Вы читали «Тихий Дон» Шолохова?» — «Первый раз слышу». Горький тут же послал своего секретаря в киоск, и тот принес «Роман-газету» с «Тихим Доном»... Я прочел несколько страниц. «Талантливо! Это вы его открыли?» — говорю. «Нет, открыл Серафимович»... Ну, я, вернувшись домой, прочел всю книгу, не отрываясь... Талантище!

Несколько лет назад в Москве в Большой аудитории Политехнического музея был вечер поэзии «Лирика и сатира». Выступали поэты Сергей Смирнов и Сергей Васильев. Вечер вел Шолохов — интересно, остроумно, и эта литературная встреча на долгие годы запомнилась многим. А когда в конце 1963 года поэту Сергею Васильевичу Смирнову исполнилось пятьдесят,

из Вёшенской пришла к нему в Москву телеграмма:

«Торжественно поздравляю и обнимаю бурным пятидесятилетием и одновременно новым годом дорогого друга уже приехавшего с ярмарки тихой трусцой тчк Советую надежно окопаться на этом не последнем рубеже и стоять почти насмерть тчк Случае если годы будут напирать неудержимой яростью отходить с боем защищая каждую пядь завоеванную славным прошлым твой Михаил Шолохов».

...Давняя, многолетняя дружба связывает Михаила Александровича с Ефимом Николаевичем Пермитиным.

— Я люблю Шолохова и многим обязан ему, — рассказывал мне Ефим Николаевич. — Мы вместе начинали и принадлежим одной литературной школе. Шолохов — человек большого сердца, щедрой русской души.

На титульном листе большого однотомника, куда вошли все четыре книги «Тихого Дона», я прочитал: «Дорогому Ефимше Пермитину — человеку настоящему и настоящему охотнику — с дружбой и любовью. М. Шолохов».

Ясные, с голубизной донского неба зоркие глаза Михаила Александровича надежно оглядывают широкое поле нашей литературы и видят на нем все доброе, все плодоносное. Интересное, характерное письмо прислал Шолохов ростовскому поэту Ашоту Гарнакерьяну. Примечательно, что в этом коротком письме большой художник слова высказывает не только свое

отношение к творчеству поэта, но и выражает свое глубочайшее уважение к народу, родным сыном которого является Ашот Гарнакерьян. «От всей души поздравляю тебя с пятидесятилетием, — пишет Михаил Александрович. — В таких случаях обычно принято писать: «Со славным пятидесятилетием!», но сколь я обращаюсь к тебе не с официальным, а дружеским письмом, я решительно ухожу от этого набившего всем оскомину трафарета, — и просто говорю: «С пятидесятилетием тебя, дорогой старик!» Правда, я пришел к пятидесятилетию, к этой финишной ленточке, значительно раньше тебя; на каком-то исторически-кратчайшем отрезке времени ты где-то задержался, но пусть это тебя не очень огорчает: когда к финишу, положив язык на плечо, приходят в разное время бегуны на дальнюю дистанцию, то аплодируют не только первому, но и всем следующим... Но если говорить об этой знаменательной для тебя дате серьезно, то, пользуясь случаем, разреши мне обнять тебя, пожелать тебе, хорошему сыну армянского народа, породившего тебя, творческих успехов и одновременно до земли поклониться армянскому народу, чья трагическая в прошлом и героическая сегодня судьба всегда волновала и волнует мое сердце».

Михаил Александрович в самом сердце бережет имена тех, с кем в начале двадцатых годов вышел на первые литературные тропки. Одним из таких близких товарищей Шолохова был ростовский железнодорожник, боец красного бронепоезда в гражданскую войну, рабочий писатель Александр Бусыгин. В минувшую войну он

добровольно ушел в действующую армию и пал смертью героя. Ростовское книгоиздательство по инициативе Михаила Александровича выпустило сборник избранных произведений Бусыгина. В предисловии к этому сборнику Шолохов выразил свою братскую любовь к павшему другу.

«Он трудно искал пути к овладению художественным мастерством, — говорится в предисловии Михаила Александровича, — и то, что постиг и сделал за свою недолгую писательскую жизнь, считал лишь началом, первыми шагами на литературном поприще. Уже будучи на фронте Отечественной войны в качестве военного корреспондента армейской газеты и все время находясь в боевых порядках, в родной ему семье простых советских людей — защитников Отечества, Бусыгин не раз мечтательно говорил: «Если уцелею, — вот о ком буду писать после войны! Какой героической закалки народище! Не налюбуюсь!» А те, кем он любовался — скупые на похвалы наши солдаты и офицеры, — с любовью и гордостью отзывались о нем: «Бусыгин-то? Саша кучерявый? Он всегда с нами. Это — настоящий парень!» Мечтам и творческим планам Бусыгина не суждено было осуществиться... Он прожил честно жизнь и умер честной солдатской смертью; тяжело раненный в обе ноги, он нашел в себе силы доползти до станкового пулемета, расчет которого был уничтожен вражеской миной, и, прикрывая отход товарищей, один вел огонь до последнего патрона в ленте. Пусть его книга послужит еще одним напоминанием о тех, кто отдал свои жизни за

Родину, чью память мы свято чтим, кого забыть мы не вправе и не в силах».

После войны, встретившись с ростовским писателем Шолоховым-Синявским, Михаил Александрович рассказал ему:

— В 1941 году, в трудные дни отступления, увидел я Сашу где-то около Вязьмы. Немцы бомбили нас — не давали передыху. Несколько наших редакционных машин стояли в березовой рощице. Тут самолет противника их нащупал и разбил, раскрошил все машины. А моя уцелела... Я вскочил в нее и здесь подошел ко мне Саша и попросил, чтобы я подвез его до политотдела дивизии. Мы поехали. Немецкие артиллеристы тут же взяли нас в «вилку». Один снаряд разорвался впереди, другой позади. Ну, думаю, следующий снаряд наш. Гляжу на Бусыгина, а на его лице ни один мускул не дрогнул. Сидит и только подхихикивает да покряхтывает, что было свойственно ему, кричит: «Врешь — не возьмешь, гадюка!» Такой был Саша кучерявый. Проскочили мы простреливаемое место благополучно, укрылись за бугром. Довез я Сашу до нужного ему перекрестка. Вылез он из машины, на груди у него автомат. И вдруг вижу: измазанный пылью подбородок его подрагивает, а по широкой щеке катится слеза. Это у Саши, веселого, никогда не падающего духом, отчаянно храброго Саши, у которого не только слезу — слова жалобного, бывало, не выжмешь. Снял он с подбородка ремешок каски, откинул ее назад и говорит: «Давай, Миша, попрощаемся!» А голос срывается... Обнялись мы, поцеловались, и ушел Саша в свою редакцию. Больше я его не

видел. Погиб Саша Бусыгин. Вырывался из окружения, отстреливался до последнего патрона...

33

Шолохов — необычайно интересный, живой собеседник. Каждая встреча с ним обогащает, дает что-то новое, чего ты не знал раньше.

Жизнь сталкивает его с огромным количеством людей. У него великолепная память. Он — прекрасный рассказчик. Скажем, вспоминая события тридцатилетней давности, воскрешает каждую деталь, и сразу исчезает толща времени, — перед глазами возникает ясная, убедительная, живая картина, точно то, о чем он рассказывает, было вчера или несколько дней назад.

Мне запомнились рассказы Михаила Александровича о его встречах с Александром Александровичем Фадеевым, о душевной красоте этого человека, о страстном и нежном сердце его, всегда открытом для честной дружбы, для товарищей, которых у него было так много...

— Фадеев любил людей, он всегда тянулся к ним. Это была богатая и нежнейшая человеческая душа, — говорил Михаил Александрович.

И тут мне вдруг вспомнились слова Шолохова, произнесенные еще много лет назад в Ростове:

— «Разгром» я прочитал на одном дыхании. А «Молодая гвардия»?! Кто еще смог бы так написать о молодежи?!

А я в это время думаю о самом хозяине до-

ма, о его щедрой душе, о его сердечном отношении ко всем, кто приходит или по почте обращается к нему. Вот и сейчас у него скопилось много читательских писем, бандеролей, толстых пакетов. Да и как быть — для писателя это серьезнейшая проблема. В иные дни к нему приходит до сотни читательских обращений. А встает он очень рано, рабочее утро у него начинается в четыре, а то и в три утра. И тревожится, переживает, если на какое-то время читательские письма остаются без ответа... А когда отвечать? Я уж не говорю — а когда же работать?!

Коренная жительница Вёшенской Глафира Ивановна Мишина много лет была почтальоном местной станичной почты. Теперь она на пенсии.

— Я десять лет носила корреспонденцию Михаилу Александровичу, — рассказывала мне Мишина.— В день по нескольку раз приносила полную тяжелую сумку писем. Откуда и кто только не пишет ему?! Из самых дальних мест. Сам принимал письма у меня, расписывался за заказные. Непременно усадит: «Ну, отдохни, Ивановна. Мои корреспонденты замучили тебя. Чайку попей». И пошутит: «Отдохнешь, подзаправишься и вместе будем отвечать. А как же?! Не оставляй одного в беде. Принесла — выручай! А то жаловаться буду. Смотри, Ивановна!»

Я всегда с каким-то душевным трепетом перешагиваю порог шолоховского дома. Я знаю, книги Шолохова — это океан, глубину которого никогда нельзя измерить. Как же бережно надо относиться к каждой его минуте...

В этот раз я приехал к Михаилу Александро-

вичу по делу, связанному с изданием в одном из московских издательств книги о донцах — Героях Советского Союза. Он внимательно выслушал меня, горячо откликнулся на просьбу издательства.

Но еще до того как начался деловой разговор, заботливо справился:

— Ну, как устроился? В гостинице тебя приняли хорошо? Сейчас будем обедать...

Сидели в его рабочем кабинете. Говорили о литературных делах, он расспрашивал о знакомых писателях. Потом речь зашла о классике армянской литературы — народном поэте Аветике Исаакяне. У Шолохова живейший интерес к его творчеству.

— Аветик Исаакян, — говорил Михаил Александрович, — один из тех немногих писателей, к кому пришло самое большое признание,— признание народа. Великий поэт, он писал так, как живет и борется его родной народ, — горячо, страстно... Если любит, — так беззаветно, самоотверженно.

Они, к сожалению, никогда не встречались. Но в библиотеке Шолохова есть однотомник избранных произведений народного певца Армении с лаконичной дарственной надписью автора: «Самому замечательному и любимому писателю, автору чарующего меня, бессмертного «Тихого Дона».

Несколько лет назад, встретившись с армянским писателем Ашотом Арзуманяном, Шолохов передал ему четыре тома «Тихого Дона» и попросил:

— Вручи, пожалуйста, этот скромный пода-

рок глубокоуважаемому Аветику Исаакяну. Я это должен был сделать значительно раньше, еще до того как он прислал мне свой однотомник. Скажи ему, что наши донские казаки знают и любят пленительную исаакяновскую лирику. Крепкого, богатырского здоровья ему, такого, какое было у легендарного Давида Сасунского.

Кстати, о Давиде Сасунском и некоторых других знаменательных фактах из истории армянского народа. Меня просто поражают познания Михаила Александровича, связанные с многовековой, трудной и героической судьбой моего народа. Уже на протяжении нескольких лет я удивляюсь исключительной осведомленности Михаила Александровича, порой в самых специфических, тонких вопросах армянской истории. Это естественно вызывает глубокое уважение и признательность. За шолоховским интересом к истории братских народов кроется его неуемная любовь к человеку-труженику, кто бы он ни был по национальности, любовь к тому, кто творит, строит, сеет, борется, борется во имя жизни. Потому и запомнил Шолохов на долгие годы, на всю жизнь подвиги многих и многих солдат, в особенности тех, безымянных, не вернувшихся с войны...

— Это произошло в тысяча девятьсот сорок втором году, — рассказывает Михаил Александрович. — На Южном фронте шли жаркие бои. Был там тяжело ранен в грудь один черноокий парень. Ох, как не хотелось ему уходить из жизни. А положение его становилось безнадежным. Поначалу он еще говорил. Передал своему русскому другу — младшему лейтенанту — полевую

сумку, фотографии матери, жены, детей, письма и попросил его отослать все это родным. Говорил по-русски, с мягким кавказским акцентом, но когда силы окончательно покинули его, он в беспамятстве заговорил на родном: «Че... че...» — напрягаясь, выкрикивал он в предсмертном отчаянии. Но вот он затих... Этот смелый парень был командиром роты. Пехотинцы крепко любили его и горевали по нем. Тело своего командира они бережно перенесли в траншею, а сами снова пошли в бой... Спустя много лет мне объяснили смысл тех армянских слов «че... че...». Не желая расставаться с жизнью, стремясь вместе со всеми к победе, он решительно повторял: «Нет... Нет!..»

...За окнами шолоховского дома шумел, свирепо разгуливал вьюжный ветер. Я на мгновение представил себе, что в этот вечерний час творилось в неоглядной донской степи: свистит, мечется, буйствует вьюга, бешено скользит по ледяной реке от берега до берега, в кромешной мгле захлестывает степь, яростно бьется своими сильными снежными крыльями...

Красно-пегий пойнтер, неизменный спутник Михаила Александровича на охоте, лежал на диване и беспокойно приподнимал голову, прислушиваясь к доносившимся в комнату завываниям вьюги. Вот он встал, спрыгнул на пол, с самыми мирными намерениями подошел ко мне, потом направился к хозяину, уткнулся мордой в колени.

— Он у нас уже семь лет живет, — дружелюбно представил пойнтера Михаил Александрович. — Облюбовал себе место на диване, и

как его оттуда не вытряхивали, решительно отстоял. Зовут его Стоп. Впрочем, у него есть и второе, неофициальное имя, по-домашнему он просто Степа. Семикратный медалист.

Шолохов курит папиросу за папиросой. Я приглядываюсь к нему: он — ясный, как небо в погожий день над Вёшенской. Шаг у него легкий, и никак не верится, что за спиной у этого подвижного, энергичного человека, с еще достаточно сильными, молодыми движениями, — шестьдесят лет.

Михаил Александрович заговорил о давних московских друзьях — Ефиме Пермитине, Михаиле Шкерине, с душевной теплотой вспоминал своего близкого товарища Василия Кудашова, павшего в боях против фашистов. Интересно рассказывал о зарубежных встречах. Мне запомнились его слова о Морисе Торезе, полные глубокого уважения. В Милане писатель встречался с известным итальянским художником Шилтяном.

— Интересный человек, — рассказывал Шолохов. — Талант очень яркий. Он пригласил меня к себе, показывал свои работы. Они произвели глубокое впечатление. Между прочим, великолепно говорит по-русски. Когда мы расставались, подарил мне альбом с репродукциями своих картин и передал такой же альбом для Анастаса Ивановича Микояна.

...Памятных встреч у Шолохова много. Ростовчанам запомнилась и та, что произошла в их городе 8 мая 1964 года. Встретились два выдающихся сына нашей Родины — Михаил Шолохов и Дмитрий Шостакович.

— Я очень рад этой встрече, — говорил Михаил Александрович, обнимая знаменитого композитора.

Дмитрий Дмитриевич сказал писателю о том, что начал работать над оперой «Тихий Дон», что это произведение давно его волнует и создание одноименной оперы — давняя мечта композитора.

— Считаю для себя честью, что такую оперу создает Дмитрий Дмитриевич Шостакович, — ответил Шолохов.

Он подчеркнул, что творческий почерк Шостаковича отвечает его художническим устремлениям. Писатель говорил о необыкновенном богатстве донских казачьих мелодий.

Прощаясь, Михаил Александрович пригласил композитора к себе в гости:

— Буду рад встретить вас с супругой в станице Вёшенской. Приезжайте, у нас вы как следует почувствуете всю прелесть донской природы, поэзию казачьих песен.

34

У Шолохова помимо всего могучего, что дали ему природа и титанический труд, есть еще одно светлое дарование — радоваться успехам других и прежде всего творческим успехам писателей, художников, композиторов, артистов...

Припоминаются встречи писателя с артистами Ростовского драматического театра имени М. Горького. Это было в дни, когда театр готовил спектакль по второй книге «Поднятой цели-

ны» в инсценировке П. Демина. Михаил Александрович едет в Ростов, встречается с актерами, интересуется тем, как они думают ставить спектакль, высказывает свои предложения, советует лучше изучать жизнь донских станиц, внимательно прислушиваться к народной казачьей речи...

— Мне хотелось бы, чтобы наш разговор, — так обратился писатель к актерам, — не носил официального характера. Мы говорим об искусстве. Это — великое дело. Как важно театру не отходить от жизни, не допускать разрыва между сценой и правдой, между рампой и зрителем. К сожалению, не всегда так бывает.

В наши дни часто ссылаются на известные театральные школы. Называют уважаемые имена. По словам же Панаевой, при крепостном праве не было школ, а пьесы ставились, и порою очень хорошо.

Драматические произведения требуют большой напряженной работы и от актеров и прежде всего от авторов. Я вспоминаю, как однажды Владимир Иванович Немирович-Данченко пришел ко мне. Я жил в те дни в Москве. Ясно помню этого красивого человека, его аккуратно подстриженную бородку. Он сказал: «Напишите пьесу для Художественного театра». Я ответил, что это не так просто, что я не драматург. Тогда он стал уговаривать: «У вас это получится. Ну что вам стоит...» Нет, я не представляю драматурга, который написал пьесу только потому, что его уговорили.

Что же касается инсценировок или экранизации, то сознаюсь, я всегда уклонялся от перево-

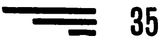
дов моих произведений на экран или сцену, оставаясь при мнении, что прозаические произведения, как бы они ни были известны, не поддаются инсценировке или экранизации. Вспомните судьбу известной повести Дмитрия Фурманова. Кинофильм «Чапаев» задавил повесть. Происходят два процесса: либо прозаическое произведение давит фильм, либо экран — книгу.

Театр — большое искусство, но только тогда, когда он идет от жизни, от правды — не мелкой, натуральной, а настоящей, большой. Бывает, смотришь спектакль или кинофильм, прислушиваешься, как разговаривает иной артист, смотришь, как он играет, и не веришь ему. Искусственно получается. Мы еще недостаточно знаем жизнь. Она всегда в движении, надо видеть ее изменения. Раньше, скажем, казак, взявшись за чапиги, шел за плугом, а плуг тянули быки. Не спеша, по вспаханному полю прыгали и грачи, охотясь за червями. Потом пахать стали с помощью трактора. Трактор движется быстрее, чем волы, и грачи стали быстрее поспевать за плугом. А поглядите теперь, когда в работе мощные и быстроходные тракторы, на какую скорость на пахоте переключились грачи! Надо поспевать за жизнью, быть наблюдательными.

Как поставить «Поднятую целину»? Что посоветовать? Вам будет трудно еще и потому, что в инсценировке речь идет только о второй книге. Нужно выйти на сцену с каким-то своим спектаклем. Многое нужно для этого. А главное — чтобы не было неправдоподобия. Воплотит ли артист черты Макара Нагульного? Видит ли этот артист Макара, знает он таких

людей, как Макар? Я считаю, что если вы всерьез беретесь, то артистам нужно побывать в казачьих станицах и хуторах, поехать в Каменск, в Вёшки или другие места, приглядеться даже к походке казаков, посмотреть на казачек. Каждая женщина хороша, у нее врожденная грация. Посмотрите, как казачка поправляет прическу, какие у нее жесты, как держит голову, как разговаривает. Присмотритесь к осанке Макара Нагульнова. Обратите внимание на язык, на произношение. Прислушайтесь к мягкому южно-русскому звучанию речи. Все это имеет существенное значение. Работайте добротно, без футбольной горячки. Донесите до зрителей прелесть и аромат донской степи, колорит речи, неповторимость казачьего быта. Пьеса — плод всего коллектива. Мне бы хотелось, чтобы у вас получился хороший спектакль, с которым бы вы вышли на большую сцену. И запомните: лучшая школа — сама жизнь. Если вы оторвались от жизни, — вам никто не поверит.

...Какая глубокая правда в этих словах: лучшая школа — сама жизнь. Все, чем помогает Шолохов людям и в первую очередь своим землякам, идет от жизни.

35

Он в давней дружбе с газетчиками. Десятилетия добрых отношений связывают его с «Правдой». Он так и говорит:

— Я был правдистом в годы мирных пятилеток, работал военным корреспондентом в годы

Великой Отечественной войны, был и всегда остаюсь правдистом!

Когда в декабре 1954 года отмечалось тридцатилетие ростовской областной газеты «Молот», Михаил Александрович прислал редакции такую телеграмму:

«Поздравляю родную газету «Молот» со славным юбилеем. Надеюсь, что и через семьдесят лет, когда вместе с Суичмезовым и нынешними работниками редакции и типографии тогдашние ростовчане станут праздновать столетний юбилей «Молота», он будет таким же моложавым... как и сегодня. Сердечный привет».

Писатель поддерживает переписку с редакцией сельской республиканской газеты Грузии «Соплис цховреба». Газета выпустила свой тысячный номер — из Вёшенской пришло приветствие на имя редактора Михаила Давиташвили:

«Поздравляю тысячекратным днем рождения газеты. Желаю коллективу редакции успехов работе, тысячелетней жизни и счастья. Низкий поклон милому Тбилиси и земле грузинской.

Михаил Шолохов».

Газете «Вечерний Ростов» исполнилось шесть лет. Михаил Александрович принял участие в новогодней анкете городской газеты и высказался довольно лаконично:

«Шесть лет — не такой уж большой срок, но за это время «Вечерний Ростов» нашел своих

многочисленных и постоянных читателей. Желаю и в дальнейшем «Так держать!».

М. Шолохов».

Писатель интересуется и работой местной станичной газеты «Советский Дон». При встрече с редактором или в разговоре по телефону не преминет узнать, что нового в газете, каким вопросам думает редакция посвятить свои ближайшие номера. И особенно печется о том, чтобы газетчики не забывали о павших на войне.

— Не в укор тебе будет сказано, — говорил как-то Михаил Александрович редактору «Советского Дона», — некоторые вопросы все же проходят мимо газеты, не замечаете вы их. Редко пишете о героях, о тех, кто отдал свои жизни за счастье на земле...

Не забывая о тех, кто пал во имя жизни, Михаил Александрович советует молодежи любить труд, развивать ум, по сердцу, а не по моде строить жизнь. Вешенский журналист Георгий Губанов рассказывал в газете «Молот» о том, как девушки однажды спросили у писателя, кто автору больше нравится — Наталья или Аксинья?

«...— Коварный вопрос,— шутливо ответил писатель. — Мне они обе нравятся — Наталья и Аксинья. А вам? Выбирайте, как вам ум и сердце подскажут. Это ваше дело.

— А какое произведение принесло вам наибольшее творческое удовлетворение?

— Ни одно. Даже «Тихий Дон» переделал бы, если бы было время.

— Вы извините меня, что вопрос не по теме,

но скажите: как вы относитесь к стилягам? — неожиданно для всех выпалил Анатолий Мрыхин.

Все расхохотались, а Михаил Александрович сказал:

— Вопрос дельный. Я не против, чтобы человеку быть красивее. Девчатам особенно нужно быть наряднее. Но во всем нужен вкус и нужна мера. А стиляги — это не то... Сердце, ум, трудолюбие — вот что главное. А то — приносное, накипь...»

Жить для народа, творить для народа — так живет сам Шолохов и этому он постоянно учит молодых литераторов. В марте 1955 года Михаил Александрович, обращаясь к участникам Ростовского областного семинара молодых литераторов, говорил:

«Дорогие друзья! Мы все здесь, писатели разных жанров и разной манеры, являемся единомышленниками, все мы движимы одним благородным желанием сказать высокую правду народу. Большая честь — творить для народа.

Очень велика ответственность писателя перед народом, очень велика. Мы все вместе и каждый из нас отдельно должны быть совестью народа. И вот что я скажу вам, молодые друзья: не всегда легко приходится молодому автору, надо прямо сказать, нередко трудновато бывает ему, а все же не торопитесь высказать невыношенное. Надо дать жизнь такой книге, которая бы звучала и жила долго.

В литературу пришли и приходят все новые и новые силы. Пополняется и ростовская литературная организация. И до войны ростовская

плеяда писателей была сильной. Вспоминаю я поэта Григория Каца и замечательного, талантливого прозаика Александра Бусыгина. Они пали смертью храбрых в боях за нашу Родину. На смену им пришли новые молодые литераторы. И вы, молодежь, идете на смену старшим товарищам. Все вы вместе составляете роту великой армии советской литературы, прекрасный такой, сильный литературный кулак.

Вот вы тут собрались поговорить о творчестве. И это очень хорошо. О вопросах творчества надо говорить горячо, страстно. Надо приблизить творчество к своему сердцу и горячо любить нашу трудную профессию. Еще раз напоминаю вам: как бы ни было трудно на первых порах, не гонитесь за легким успехом. Ведь вы, идущие нам на смену, — надежда наша. Вы — наше будущее. За многими из вас уже стоит настоящее, но будущее, будущее писателя есть у вас всех. Вы — великолепные представители великолепного народа. Желаю вам добра, успехов, больших свершений, дорогие мои друзья!»

Взыскательность и еще раз взыскательность, титанический труд в подвижническом поиске единственно необходимого слова — не эта ли мысль Шолохова пронизывает каждую его фразу, обращенную к молодым?!

Да разве не об этом ли говорил еще в 1937 году тридцатидвухлетний Михаил Шолохов:

«На меня влияют все хорошие писатели. Каждый по-своему хорош. Вот, например, Чехов. Казалось бы, что общего между мной и Чеховым? Однако и Чехов влияет. И вся беда моя

и многих других в том, что влияют еще на нас мало...

Чехов никогда не выпускал полуфабрикатов. И брака у него не найдешь».

Он всегда, еще в те дни, когда был молодым, и теперь, в зрелые годы, всей своей литературной жизнью советует коллегам учиться у великих предшественников — классиков литературы.

В июне 1951 года сорокашестилетний Шолохов, находясь в Ростове, пришел в дом своего однофамильца, выходца из села Синявского, что лежит в степи между Таганрогом и Ростовом, известного донского писателя Георгия Филипповича Шолохова-Синявского.

За семейным столом собрались все домашние. Георгий Филиппович был взволнован. Еще бы! Ведь с Михаилом Александровичем он не виделся с довоенных лет. Хозяин, как потом он сам вспоминал, норовил все время склонить гостя к литературным разговорам, но Шолохов или отшучивался, или, чуть усмехаясь, перетягивал беседу на семейно-житейские темы.

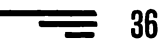
— Я все время, — рассказывал мне Георгий Филиппович, — хотел спросить Михаила Александровича, к кому из великих писателей, мастеров прошлого, он наиболее тяготел в начале своего творческого пути, кого больше всего любил. Как-то очень давно, еще при появлении первой книги «Тихого Дона», один критик писал, что Шолохов учится у Льва Толстого, другой называл Гоголя, третий — Бунина... Когда я заговорил о Льве Толстом, Михаил Александрович взглянул на меня строго, потом, чуть хитренько скашивая глаза в мою сторону, проговорил:

— Знаешь, друже, как Лев Николаевич физкультурой занимался? Он упражнялся не только с гантелями. Захотел однажды подтянуться на руках, ухватился за шкаф, стал подтягиваться да чуть шкаф на себя и не повалил... Но удержал — силен был старик... То-то...

После этого разговора прошло одиннадцать лет. Писатели Ростова отмечали шестидесятилетие Георгия Филипповича. Из Вёшенской пришла телеграмма. И любопытно, казалось, Михаил Александрович только теперь отвечал в ней на вопрос, с которым тогда, еще в июне пятьдесят первого, к нему обратился Шолохов-Синявский.

«Все мы, — писал Михаил Александрович, — страшно медленно растем в творчестве, поэтому всем нам надо жить вдвое больше, чем прожил Лев Толстой. Сегодня не могу быть в Ростове, но на твой столетний юбилей непременно приеду, а пока обнимаю и желаю всего самого доброго.

Твой Михаил Шолохов».

36

Двадцать четвертое декабря шестьдесят пятого года. В этот день в Миллерово московским поездом возвращался из Стокгольма Михаил Александрович Шолохов.

Низко нависло хмурое небо. Густой туман. Под ногами мокрый снег. Идет дождь. Погода никак не вяжется с тем хорошим настроением,

с каким миллеровцы и вёшенцы пришли встречать своего земляка, только что увенчанного лаврами лауреата Нобелевской премии.

Никто официальной встречи не объявлял и не готовил, но друзья писателя, его почитатели, горячие поклонники — а сколько их! — сами заполнили перрон миллеровского вокзала. Встретить писателя в Миллерово приехал и я из Ростова.

Из-за поворота показался поезд и быстро подкатил к станции. Открылась дверь второго вагона, и на перрон вышла жена Михаила Александровича — Мария Петровна. А вот и сам Шолохов. Ну, право же, никак не могу поверить, что ему шестьдесят первый...

Михаил Александрович легко сошел со ступенек вагона. Чуть улыбаясь одними светлыми глазами, крепко пожимал руки встречавших, отвечал на приветствия двумя словами:

— Доброго здоровья! Доброго здоровья!

Вот он остановился, подтянутый, не по паспорту стройный. И в тот же миг сомкнулся круг знакомых и незнакомых земляков. На нем серая, его излюбленная каракулевая шапка. Ладно сидящее серое демисезонное пальто. И пальто и шапка в самый раз, под цвет удивительно ясных глаз. Взгляд глубокий, спокойный и чуточку смущенный. Это не сразу уловишь. Не каждый заметит. Только тот, кто видел писателя не один раз, не мог не заметить, что Шолохова всегда как-то смущает привлекаемое им внимание. Так было и в этот раз. К стеклам окон ближайших вагонов приникли головы пассажиров—женщин, мужчин, детей... Всем хотелось увидеть, раз-

глядеть в толпе Шолохова, запомнить облик писателя.

...За две недели до этого Михаилу Александровичу был вручен диплом о награждении Нобелевской премией. Конечно, мы и до Нобелевской премии знали, кто такой Шолохов, что такое «Тихий Дон», что такое «Поднятая целина». Книги Шолохова уже давно снискали мировую славу, они принадлежат всей планете.

— Ну, как доехали, Михаил Александрович? — расспрашивали писателя миллеровцы.

— Хорошо. Вообще-то говоря, декабрь был нелегким месяцем. Порядком устал.

— Да, в декабре у вас было много встреч. И наверно, немало интересных?

— Разные были... Однако самые интересные, я бы сказал, самые приятные — те, что в родном краю. Народ об этом, между прочим, давно и очень мудро сказал: «В гостях хорошо, а дома лучше».

— Вы в Миллерове остановитесь или отсюда прямо домой, в станицу?

— Да, надо спешить. Дороги сейчас трудные. Говорят, ближе к Вёшкам шоссе обледенело, да и к переправе нужно засветло добраться.

В самом деле, Шолохову предстояла трудная декабрьская дорога в густом тумане, под проливным дождем. Местами снег на шоссе растаял, образовался гололед.

Сердечно распрощались миллеровцы с Михаилом Александровичем, пожелали ему счастливого пути и засветло, как он сам сказал, добраться к переправе.

37

Речь Михаила Александровича Шолохова на двадцать третьем съезде партии, как и многие другие выступления писателя, привлекла всеобщее внимание, читалась с живейшим интересом. Я слышал, как люди делились своими впечатлениями на улицах, на работе, приводили выдержки из речи и горячо одобряли их. Прошло несколько дней, и в станицу хлынул новый, весенний паводок читательских писем...

Рука Шолохова всегда на пульсе народной жизни, сердце его — у самого сердца народного.

— Мы называем нашу Советскую Родину матерью, — говорил Михаил Александрович с трибуны съезда. — Все мы — члены одной огромной семьи. Как же можем мы реагировать на поведение предателей, покусившихся на самое дорогое для нас?.. Думаю, что любому понятно: ничего нет более кощунственного и омерзительного, чем оболгать свою мать, гнусно оскорбить ее, поднять на нее руку!

Тысячи, миллионы советских читателей полностью разделяют это высказывание Шолохова. Они говорят: да, и мы так думаем, это наше слово. Ничего, кроме презрения, нет у нас к подлым сочинителям-клеветникам, которые в своей стране пишут об одном, а за рубежом издают совершенно иное, обливают грязью все советское, все, что нам дорого, все, что нам свято.

В самую душу народную запали шолоховские слова:

— Я принадлежу к тем писателям, которые, как и все советские люди, гордятся, что они ма-

лая частица народа великого и благородного. Гордятся тем, что они являются сынами могучей и прекрасной Родины. Она создала нас, дала нам все, что могла, безмерно много дала. Мы обязаны ей всем...

Всю свою жизнь, все свое могучее дарование отдает Родине-матери благодарный сын. Где бы он ни был — в родной станице, у побратимов Семена Давыдова — на ленинградском Кировском заводе, в солдатском окопе, в Японии, в Париже, на земле Грузии, в братском Киеве, в Златой Праге, в Стокгольмской ратуше, — он всегда остается коммунистом, русским человеком, советским патриотом.

38

Осенью 1965 года имя Михаила Александровича то и дело упоминалось в неизбежном соседстве со словами «Швеция», «Стокгольм», «Шведская академия»...

В годовом списке кандидатов на соискание Нобелевской премии по литературе было 89 писателей разных стран. И вот впервые в истории эта премия была присуждена коммунисту, большевику. Это была еще одна капитуляция Запада. Это была еще одна победа советской литературы, еще одна победа Советской власти!

Председатель Нобелевского комитета Шведской академии доктор Андерс Эстерлинг назвал Михаила Шолохова «одним из самых выдающихся писателей нашей эпохи». Мотивируя ре-

шение комитета присудить премию Шолохову, доктор Эстерлинг в официальном заявлении отметил «большое художественное мастерство и целостность, с которыми Шолохов отобразил в своей донской эпопее историческую действительность русского народа».

Произведения Михаила Шолохова известны во всем мире, подчеркнул доктор Эстерлинг. Он назвал роман Михаила Александровича «Тихий Дон» во всех отношениях могущественным произведением и совершенно достаточным для награды, которая присуждается ему поздно, но, к счастью, не слишком поздно, пополняя перечень лауреатов Нобелевской премии по литературе именем одного из самых выдающихся писателей современности.

Люди планеты приветствовали решение Шведской академии. В этом мы особенно убедились у себя, на Дону. В станицу Вёшенскую летели телеграммы со всех уголков планеты из Англии, Индии, ГДР, Польши, Швеции, Дании, Чехословакии, Греции, Болгарии, Австралии, Финляндии, Норвегии, Японии, Аргентины, Чили, Пакистана, Франции, Италии...

Известный казахский писатель Сабит Муканов в письме «Единокровному брату» писал:

«Размышляя над всем твоим творчеством, я задаю себе вопрос: как точнее и глубже выразить его суть? Скажем, Бальзак все свои книги объединил одним общим названием: «Человеческая комедия». Твои произведения, дорогой Михаил Александрович, для меня звучат, как «Судьба человека».

Судьба человека!.. Ему, Человеку, посвящено каждое слово художника. И благодарные люди отвечали сердцами: «Свершилось должное!», «Слава нашла героя!», «Гордимся Вами, честным сыном русского народа!», «Весь мир давно считает Вас лучшим писателем эпохи!», «Горячо любим Вас, верим в неисчерпаемую щедрость Вашего таланта!..»

Телеграммы, письма, телефонные звонки, телеграммы...

Читаешь строки боевого генерала, уроженца Дона, и видишь, какое глубокое душевное волнение охватило старого солдата:

«От всего сердца поздравляю. Разве найдешь нужные слова? Ваши книги — это блистательные победы во славу нашей Родины. Желаю доброго здоровья. Горжусь достойным сыном нашего тихого Дона.

Ваш земляк,
генерал армии Д. Д. Лелюшенко».

Из Киева прислал телеграмму редактор украинского сатирического журнала «Перец» Федор Макивчук:

«В стане украинских сатириков и юмористов атаманит радостная улыбка: ведь в Вашем лице Нобелевскую премию получил и юмор. Поздравляем.

Ваш «Перец».

Телеграмма из Токио: «Японские писатели с нетерпением ждут Вас».

Поздравлений не счесть, и многие, как и авторы японского приветствия, заканчивали простыми словами: «Приезжайте к нам! Ждем!»

Тогда, как шутливо говорил сам Михаил Александрович, в мировой печати поднялась целая «нобелевская буря». Она, эта «нобелевская буря», в один из коротких ноябрьских дней привела в станицу Вёшенскую московских корреспондентов шведских газет «Дагенс нюхетер» и «Свенска дагбладет» Ларса Брингерта и Ионни Флюдман.

Гости атаковали писателя уймой вопросов. Некоторые из них и ответы Михаила Александровича стоит припомнить:

— Хотелось бы познакомиться с вашим распорядком дня?

— Как всякий сельский житель, спать ложусь рано и рано встаю. Пишу до обеда. А после обеда читаю, принимаю посетителей. Посетителей бывает много.

— Вы депутат парламента, член ЦК КПСС. Не мешают ли вам эти обязанности?

— Общественная и партийная деятельность никогда не мешают. Встречи с народом помогают держать руку на пульсе жизни...

— В своей речи на Втором съезде писателей России вы говорили о модернизме. Что вы могли бы добавить по этому поводу?

— Я не против экспериментов. Я за разумные эксперименты. Надо все время искать новое. Но такое новое, которое не отрицает наследия прошлого и осторожно относится ко всем важ-

ным, интересным традициям. Поиски новых форм — это хорошо. Без постоянного поиска может замереть работа и вообще не будет нового. Я за новаторство. Но я против тех поисков, которые отрицают наследие прошлого.

39

И вот наступило десятое декабря. Столица Швеции. Пасмурный день. Но светло и торжественно в Концертном зале Стокгольма. Сегодня здесь происходит традиционная церемония. Король Швеции Густав VI Адольф вручил Михаилу Александровичу Шолохову диплом и золотую медаль лауреата Нобелевской премии, поздравил писателя с высокой наградой.

На церемонию вручения собралась вся знать Стокгольма. Доктор Андерс Эстерлинг произнес слово о творчестве Шолохова и особо выделил его работу над бессмертной эпопеей «Тихий Дон» — «этим во всех отношениях мужественным литературным произведением, проникнутым грандиозным реализмом».

В Золотом зале Стокгольмской ратуши — банкет. Говорит секретарь Шведской академии по литературе доктор К. Р. Гиеров.

— Ваше искусство, — обращается он к Михаилу Александровичу, — переходит все рубежи, и мы принимаем его к нашему сердцу с глубокой благодарностью.

Слово предоставляется Шолохову, и тут, забегая вперед, я снова читаю слова, произнесен-

ные писателем с трибуны двадцать третьего съезда КПСС: «О роли художника в общественной жизни мне приходилось беседовать... не раз. В частности, это заняло немалое место в моей речи в Стокгольмской ратуше... Аудитория там значительно отличалась от сегодняшней. И форма изложения моих мыслей была соответственно несколько иной. Форма! Не содержание. Где бы, на каком бы языке ни выступали коммунисты, мы говорим как коммунисты. Кому-то это может прийтись не по вкусу, но с этим уже привыкли считаться. Более того, именно это и уважают всюду».

Итак, слово предоставляется Михаилу Александровичу. Четко звучит в притихшем зале ясный голос:

— В чем же состоит призвание, каковы задачи художника, считающего себя не подобием безучастного к людским страданиям божества, вознесенного на Олимп над схваткой противоборствующих сил, а сыном своего народа, малой частицей человечества? Говорить с читателем честно, говорить людям правду — подчас суровую, но всегда мужественную, укреплять в человеческих сердцах веру в будущее, в свою силу, способную построить это будущее... Думаю, что художником имеет право называться тот, кто направляет эту силу на создание прекрасного в душах людей, на благо человечества.

Мой родной народ на своих исторических путях шел вперед не по торной дороге. Это были пути первооткрывателей, пионеров жизни. Я видел и вижу свою задачу, как писателя, в

том, чтобы всем, что написал и напишу, отдать поклон этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою... Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждали любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества.

...То был голос Правды.

Шолохов — гордость русского народа. Это хорошо знают за рубежом. Многочисленные комментарии, которыми западные газеты изо дня в день сопровождали памятное событие, происшедшее десятого декабря 1965 года в Стокгольме,— еще одно красноречивое тому свидетельство.

Рассматривая эти комментарии, не будем уточнять: было это, нет ли? Где правда? Где выдумка? Пусть это останется на совести авторов. Однако одно из декабрьских высказываний буржуазных газет весьма любопытно и мне хочется остановиться на нем.

Один из журналистов, присутствовавших на церемонии вручения Шолохову шведским королем диплома и золотой медали лауреата Нобелевской премии, обратил внимание на то, что сын станицы Вёшенской не сделал низкого поклона Густаву VI Адольфу. Журналист тут же поделился на страницах представляемой им газеты своим характерным выводом: о чем это свидетельствует, вопрошал комментатор и тут же отвечал: о том, что гордые и мужественные донские казаки не склоняли своей головы даже перед русскими царями!

...Коммунист Шолохов всегда говорит как коммунист. В этом, например, в Англии убедились еще тогда, когда Михаилу Александровичу не было и тридцати лет. В предисловии писателя, которое до сих пор не известно широкому кругу наших читателей, предпосланному английскому изданию «Тихого Дона», Михаил Александрович прямо адресовался:

«Английским читателям.

Я рад тому, что мой роман «Тихий Дон» тепло встречен английским читателем и прессой. Особенно рад потому, что Англия — родина крупнейших писателей, вложивших в сокровищницу мировой литературы немало ценностей и способствовавших своим бессмертным творчеством воспитанию вкусов читателей-англичан.

Меня несколько смущает то обстоятельство, что роман воспринимается в Англии как «экзотическое» произведение. Я был бы счастлив, если бы за описанием чуждой для европейцев жизни донских казаков читатель-англичанин рассмотрел и другое: те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции.

В мою задачу входит не только показать различные социальные слои населения на Дону за время двух войн и революции, не только проследить за трагической судьбой отдельных людей, попавших в мощный водоворот событий, проис-

ходивших в 1914—1921 годах, но и показать людей в годы мирного строительства при Советской власти. Этой задаче и посвящена моя последняя книга «Поднятая целина»[1].

В заключение мне хочется сказать следующее: в отзывах английской прессы я часто слышу упрек в «жестоком» показе действительности. Некоторые критики говорили вообще о «жестокости русских нравов».

Что касается первого, то я думаю, что плох был бы тот писатель, который прикрашивал бы действительность в прямой ущерб правде и щадил бы чувствительность читателя из ложного желания приспособиться к нему. Книга моя не принадлежит к тому разряду книг, которые читают после обеда, единственная задача которых состоит в способствовании мирному пищеварению.

А жестокость русских нравов едва ли превосходит жестокость нравов любой другой нации... И не более ли жестоки и бесчеловечны были те культурные нации, которые в 1918—1920 годах посылали свои войска на мою измученную родину и пытались вооруженной рукой навязать свою волю русскому народу?

М. Шолохов.

Ст. Вёшенская, 10 июня 1934 года».

---

[1] Речь, разумеется, идет о первой книге «Поднятой целины».— *М. А.*

40

Он не был еще ни в одном партийном или советском выборном органе, а уже отдавал все свои силы родным людям, родной Советской власти.

Перефразируя его же собственные слова, можно сказать, что не по указке Советов, а по велению сердца служил он и служит своей Родине.

Один из прообразов Семена Давыдова, бывший председатель вёшенского колхоза имени С. М. Буденного, двадцатипятитысячник, Андрей Плоткин рассказывал, как еще лет тридцать пять назад молодой Шолохов помогал молодому, только что становившемуся на ноги вёшенскому колхозу:

— На хозяйственные дела нам нужны были деньги. Колхозная касса пуста. Где их взять? Колхозники посоветовали мне: «Сходи к Шолохову. На соседней улице живет. Он человек простой. Последним поделится». Пошел. Встретил он меня запросто, как старого знакомого. С интересом расспрашивал о колхозных делах. Тут я и высказал ему нашу просьбу. Горячо откликнулся и выручил нас. Да и после не один раз помогал нам. Помню, окрестные крестьяне часто шли к Шолохову со своими делами, обидами, шли за советом, за помощью...

Более тридцати лет Михаил Александрович — бессменный депутат Верховного Совета СССР. Двери его дома радушно открыты.

У него огромная переписка с избирателями, они запросто приходят к нему, делятся мыслями, что-то предлагают, просят совета.

Как-то ни свет ни заря открыла калитку шолоховского дома одна старая избирательница. Шолохов принял ее, выслушал.

— Дело у тебя простое и совершенно ясное, — сказал депутат. — В райисполкоме незамедлительно решат. Тебе бы, мать, сразу туда обратиться и время зря не теряла бы.

— Вот то-то и оно, сынок, — ответила колхозница. — Потому и пришла к тебе, что время не хочу терять. В райисполкоме двери откроются в восемь, а к тебе завсегда можно, ты и на зорьке уже за делом...

Лет двенадцать назад в вёшенской районной газете была опубликована заметка.

«Депутат Верховного Совета СССР, писатель М. Шолохов, заботясь о нуждах своих избирателей, обратился к рабочим ростовского завода «Красный флот» с просьбой ускорить строительство катера для вёшенцев. В ответ на это судостроители выполнили заказ раньше срока. Катер получил название «Быстрый». В знак благодарности строителям катера писатель послал в подарок для заводской библиотеки четыре тома последнего издания романа «Тихий Дон» с личной подписью: «Коллективу завода «Красный флот» от земляка М. Шолохова».

Эта заметка мне запомнилась не только потому, что в ней идет речь еще об одной заботе

депутата Шолохова о своих избирателях. У рабочих «Красного флота» в памяти осталось и другое. Искренне выражая свою любовь к творениям писателя и к одному из любимых героев «Поднятой целины», они окрестили катер, который должен был перевозить вёшенцев с одного берега на другой, просто: «Дед Щукарь». Но в Вёшенском райисполкоме решили, что для катера это не очень серьезное название, и настояли на «Быстром». Однако на спасательных кругах «Быстрого» до сих пор еще проглядывает первоначальная, видимо, умышленно не закрашенная, милая сердцу надпись «Дед Щукарь»...

Кстати, в те годы Шолохов заботился о катерах для переправы жителей станицы через Дон. Но вот уже который год донские берега у Вёшенской в летние месяцы связывает понтонный мост. Это тоже хлопоты Шолохова.

Кажется, нет такой встречи у писателя, где бы снова и снова не выявилось душевное отношение Михаила Александровича к тем, кто избрал его своим депутатом.

...По дороге в Вёшенскую шла степью пожилая женщина. Видно, шла издали, приустала и время от времени останавливалась.

Путницу догнала машина. Чуть опередив ее, остановилась. Сидевший рядом с шофером ладный мужчина в военной гимнастерке открыл дверцу, вышел.

— Куда путь держишь, мамаша? — обратился он к старой женщине.

— Далеко мне. К своему депутату иду. К писателю Шолохову. Небось слыхали?

Мужчина не ответил. Пригласил женщину в машину. Уже в пути снова спросил:

— Случилось у тебя что, мамаша?

— Бюрократия заела. На войне сынок пропал. А документов нету. Пенсию не платят. Куды только не писала. Говорят, знаем, сын у тебя точно имелся, а вот ноне давай бумажкой подтверждай, что он был у тебя...

Мужчина в гимнастерке разговорился с женщиной. Расспрашивал, больше слушал. А тут машина подошла к слободе Кашары.

— Давай к райисполкому,— сказал шоферу человек в гимнастерке и, обернувшись к попутчице, добавил: — Не утомляй себя, дорогая, дальней дорогой. Дело твое мы сейчас вот здесь, в райисполкоме, решим, и возвращайся, мать, домой...

Прошли в райисполком, оформили заявление, и тут женщина от людей узнала, кто повстречался ей на дороге.

Прошло несколько дней, и вёшенская почта вместе с другими принесла Шолохову и такую весточку: «Спасибо тебе, сынок, материнское спасибо. Пенсию мне дали. Выходит, сдержал ты свое депутатское слово...»

41

О каких депутатских делах Шолохова рассказать? Их много. Не перечислишь. Ведь он и депутат Ростовского областного Совета.

После войны, еще не сняв военной гимнастерки, помогал райкомовцам составлять первую послевоенную пятилетку района. Активно участвовал в восстановлении колхозов.

Шли годы. На станичных перекрестках появились водопроводные колонки, заасфальтировали первые улицы. Там, где берег полого спускается к Дону, зазеленела красивая набережная. В центре станицы разросся парк. Строились большая больница, многоэтажная школа... Во всем этом Михаил Александрович принимал самое деятельное участие.

Почта депутата Шолохова забирает у писателя немало драгоценного времени. О том, с чем обращаются к Михаилу Александровичу избиратели, писатель говорит по-разному. Деловое, убедительное письмо, обращение за советом, серьезное предложение всегда встречают в нем живой отклик, душевное участие. Ведь в таких письмах речь идет о человеческих судьбах. К сожалению, иной раз к нему обращаются и с пустяками. Что могут вызвать такие письма, кроме чувства досады. Это — потерянные минуты. А как нам, почитателям могучего дарования, надо беречь каждую шолоховскую минуту!

С глубочайшей чуткостью вчитывается Михаил Александрович в письма, в которых люди делятся с ним своими сокровенными мыслями, рассказывают о своих жизненных испытаниях, о своей трудной честной судьбе. Именно такое письмо получил однажды Шолохов из подмосковной деревни. Письмо женщины глубоко взволновало Шолохова.

— Если бы не рассказ «Судьба человека», обязательно написал бы «Судьбу женщины», — говорил Михаил Александрович. — Какая удивительно честная, чистая и трагическая жизнь...

Он помолчал немного, видимо вновь перечитывал мысленно строки колхозницы, и заключил:

— Все мы, литераторы, в большом долгу перед женщиной-труженицей, которой при жизни полагался бы памятник...

42

Несколько лет назад на Верхнем Дону серьезно забеспокоились, даже заговорили о необходимости перенести Вёшенскую на новое место. Что же случилось? На станицу надвигались пески. Нужно было остановить их, решительно преградить дорогу. И вёшенцы сделали это. Депутат Шолохов помог землякам организовать механизированное лесное хозяйство, лесоопытную станцию. Связался с учеными. В бой против засушливых песков пошли густые посадки сосен и тополей.

Изменилась Вёшенская. Человеческая воля оказалась сильнее стихии. Отступили пески. Их вытеснила зелень. И чтобы лучше представить себе сегодняшнюю станицу, скажем, в летний день, хорошо бы на минуту вернуться к той станице, которую много лет назад описал сам Михаил Александрович:

«Вёшенская вся в засыпи желтопесков... На

площади — старый, посеревший от времени собор, шесть улиц разложены вдоль по течению Дона... А на севере, за станицей, — шафранный разлив песков, редкие посадки сосняка, ендовы, налитые розовой от красно-глинистой почвы водой. И в песчаном половодье, в далекой россыпи зернистых песков — редкие острова хуторов...»

Нет, Вёшенская в наши дни стала иной. И окружает ее нежная, чарующая природа. Гуще и шире становятся леса...

Не случайно в ноябре 1956 года в Вёшенской проходило областное совещание лесоводов. Разговор на этой встрече друзей леса шел глубокий и обстоятельный. Кроме донцов, тут были москвичи, воронежцы, кубанцы.

Осенние вёшенские встречи надолго запомнились краснодарскому лесоводу Николаю Александровичу Крутиховскому. Там, в станице, он познакомился с Шолоховым. Беседа с писателем, его своеобразные высказывания остались в памяти кубанца.

Лесоводу выпала радость быть гостем Шолохова. Когда писатель привел Крутиховского в свой рабочий кабинет, многое заинтересовало ученого. Поклонником шолоховских книг он давно стал. Теперь у него была возможность увидеть дом художника, ту деловую обстановку, в которой он творит.

Неожиданно гость заметил на письменном столе писателя книгу, которую, как сам говорил потом, не предполагал здесь увидеть. Это был специальный труд профессора кубанского сель-

скохозяйственного института Н. А. Тхагушева «Адыгейские сады».

Почему эта книга у Шолохова? Чем она его заинтересовала? Крутиховский решился и прямо спросил об этом хозяина дома.

— Видите ли, — начал Михаил Александрович, — дело тут очень простое. Писателю, если он не хочет отставать от жизни, надо интересоваться всем. Я люблю природу и сам занимаюсь садоводством. А в этой книжке нашел немало любопытных фактов о том, как раньше была поставлена практика народной селекции у адыгов. Советую и вам прочитать эту книгу, если, конечно, вы до сих пор не познакомились с ней,— улыбаясь, добавил Михаил Александрович.

— Так оно и есть, я уже знаком с ней,— ответил лесовод,— и даже рецензию написал.

Глаза Шолохова оживились.

— Надеюсь, положительную? Она этого заслуживает. Надо, чтобы о книге знали все наши практики: и садоводы и лесоводы.

Крутиховскому приятно было открыть в писателе черту, о которой он не знал. Шолохов говорил о книге Тхагушева свободно, со знанием деталей, словно сам был коллегой автора «Адыгейских садов». Видно было, что его давно заинтересовали старые, щедрые черкесские сады.

— Эта книга, — говорил Михаил Александрович, — написана человеком не только очень знающим, но и очень зорким. Вот послушайте, тут немало интересного...

Он раскрыл книгу. Там видны были пометки. Быстро нашел то, что привлекло его, и прочитал вслух.

— Тут есть великолепные места,— продолжал писатель. — Народ и мудрость, в данном случае, мудрость адыгейского народа. Мне понравился рассказ о том, что издавна повелось у адыгов, — девушка в ауле не выйдет замуж за такого парня, который не умеет делать прививки на деревьях.— И уже смеясь, закончил:— Вот бы широко возродить этот древний обычай. Сразу бы дело по улучшению сортового состава наших садов продвинулось вперед и отбор пошел бы одновременно по двум линиям: больше сортов и хороших мужей-садоводов...

43

Жизнь земляков — это его жизнь. Шолохова интересует все, что касается родного края.

Известно, что станицу Вёшенскую отделяют от Миллерова — ближайшей железнодорожной станции — полтораста километров. До самых последних лет дорога на Вёшенскую была грунтовой, неудобной, очень трудной, а в осеннюю распутицу и вовсе не проходимой. Депутат Шолохов сделал многое для того, чтобы от железнодорожной станции к большой и старинной станице была проложена новая асфальтированная дорога.

Депутат, избранник народа, он, конечно же, и умелый воспитатель, добрый учитель.

...Ранним июньским утром пришла к писателю со своими печалями избирательница. Не вёшенская. Устала за дорогу. Под тяжестью лет низко согнулись хрупкие плечи. Годы избороздили лицо глубокими морщинами. Пришла казачка поведать о своей заботе. Горькая выпала ей старость. Мужа схоронила давно. Сынок сложил головушку на войне. Никого из родных. Одна живет. С годами будто и подзатянулись раны. Что поделаешь?! Смирилась со своей судьбой старая, живет, не жалуется. Получает пенсию. Так надо же новой беде стрястись. Рядом объявился начальник заготконторы. Человек он важный, дюже серьезный, потому, когда дом себе строил, и бабкин колодец прихватил к своему и без того большому участку. И вот теперь по воду надо ходить далеко, на чертовы кулички. А ей это невмоготу, сил не хватает.

— Сказала я начальнику: «Как же это, милый, ты колодец-то мой прихватил. Не по закону это»,— рассказывала старушка Михаилу Александровичу.— А он, тот заготовительный начальник, рассерчал: «Не морочь мне, бабка, голову. Я человек ответственный. Мне и без тебя дыхнуть некогда. Видал какая нескромная — проживешь и без колодезя. Тоже мне — помещица!»

Пошла обиженная женщина по станичным учреждениям. Она говорит — ее слушают, сочувствуют, утешают, а дело не меняется. Колодца нет.

— Видать дюже силен той заготовительный начальник. Вот и пришла за помощью к тебе, Лександрыч. Что делать?

Старушка с надеждой смотрела на Шолохова. Ждала, что скажет он.

— Ты, мать, успокойся... Не тревожь себя,— заговорил он тихо.— Как зовут начальника того?

— Арсений Игнатьич Кондрашов.

— Ну хорошо. Кондрашова я знаю. Ты, мать, поезжай домой. Все будет в порядке. Начальник вернет тебе твой колодец.

Шолохов встретился с начальником. Тот держался растерянно, хотя и пытался внешне казаться бравым, дескать, он и в ус себе не дует.

— Давненько мы не виделись, Михаил Александрович,— бойко начал Кондрашов.

— Давненько,— ответил Шолохов. Холодные глаза его больно кольнули Кондрашова.— Помню тебя, Арсений Игнатьич, еще в коллективизацию. И на Халхин-Голе ты настоящим солдатом был. С Отечественной вернулся, как подобает мужчине. Что же теперь с тобой сталось? Почему душа твоя трещину дала?

— О чем это вы, Михаил Александрович? — Только что рисовавшийся Кондрашов как-то сразу сник, втянул голову в плечи.

— Сам знаешь,— строго говорил Шолохов.— И смотри, какой ты бравый. Прямо-таки герой. Шутка сказать — старуху одолел. Не надорвался? Совесть у тебя есть?

Теперь Кондрашов все понял. Широкое, скуластое лицо залилось краской, побагровело.

— Прости меня, Михаил Александрович, виноват я... Прости...

— Ты не у меня прощения проси, а у той, кого обидел.

— И попрошу. Ноне же. К чертовой матери снесу этот проклятый забор. Будь он неладен.

И уже с порога сказал, будто отрубил:

— Со мной не будет больше такого, Михаил Александрович. Никогда не будет!

...Шолохов всегда говорит людям правду, даже если она, эта правда, звучит горьковато для тех, к кому обращена. Выступая на одном из многолюдных собраний, он буквально прижал к стене тех хозяйственников, кто необдуманно берет производственные обязательства и столь же легкомысленно не выполняет их, называет новые сроки и снова оказывается банкротом.

— Вот же повелась кое у кого дурная привычка,— говорит Михаил Александрович,— безответственно брать высокие обязательства, бить во все колокола о будущих успехах... Обещают собрать стопудовые урожаи, а собирают по пятьдесят пудов с гектара. При первом же обмолоте втихаря снимают символические колокола, в какие усердно били, вещая о грядущих успехах, и вы думаете, сдают эти колокола в утильсырье? Ничего подобного! Припрятывают с расчетом: авось пригодятся на будущий год, когда снова надо будет давать обязательства!

44

Много встреч у Шолохова. Попробуй опиши их... Но есть такие, которые, как излучины Дона, далеко видны людям.

Такими излучинами, пожалуй, являются уже ставшие традиционными встречи Михаила Александровича с рабочими ленинградского Кировского завода.

Говорят, они начались весной 1961 года. В те мартовские дни Шолохов с группой своих земляков несколько дней был гостем кировцев. Однако это не так. Дружба сына Вёшенской с сынами Ленинграда началась значительно раньше, по крайней мере, лет тридцать восемь назад, когда в студеный январский день на Дон поднимать вековую целину приехал балтийский моряк, краснопутиловский слесарь Семен Давыдов...

Весенняя встреча шестьдесят первого года была лишь одной из страниц этой еще не написанной книги о дружбе Михаила Александровича с путиловцами.

— Дорогие друзья-кировцы! — говорил тогда в Ленинграде Михаил Александрович.— Меня часто спрашивают, почему герой «Поднятой целины» Семен Давыдов — путиловец-кировец, в прошлом балтийский моряк? Более тридцати лет назад я, тогда еще молодой писатель, хотел таким образом выразить мое глубокое уважение к передовому рабочему классу Питера, к его славным революционным делам и традициям. Это мой первый нижайший поклон ленинградским рабочим, кировцам в особенности.

Второй мой поклон — славным морякам Балтийского флота, мое такое же глубокое уважение к его делам и революционным традициям.

Я горжусь тем, что Семен Давыдов, герой «Поднятой целины»,— организатор и председа-

тель колхоза на нашей донской земле, что он вышел из вашей среды, что он ваш сын...

И как хорошо видеть сейчас новое поколение, обязанное Семену Давыдову и его сверстникам опытом, выучкой и ставшее наследником из лучших традиций.

Я и мои земляки приехали к вам, дорогие кировцы, не только рассказать о своих делах, но и пригласить вас к себе на Дон. Приезжайте, посмотрите на жизнь, что цветет на землях, где погиб путиловец Семен Давыдов...

Уезжая из Ленинграда, писатель еще раз пригласил рабочих приехать к нему в гости. Позже, уже в письме из станицы, Шолохов посоветовал ветеранам побывать в Вёшенской в июле.

«...Это время,— писал он,— лучшее в том смысле, что старики могут порыбалить на Дону и погреть старые кости на жарком песочке, и уху стерляжью мы заварим на славу. Сейчас к тому же неуютно на Дону: разлив, погода холодная, серые дни. Всего этого вам хватает и в Ленинграде. А мне хочется показать вам Вёшенскую в полном южном блеске.

Убедительно прошу согласиться с моим предложением, а что касается точных чисел,— можно списаться в начале июля.

И вы, и директор, и ветераны будете желанными гостями. Самое широкое гостеприимство будет вам оказано на Дону. Всему могучему коллективу кировцев мой сердечный привет и наилучшие пожелания.

Согласие с моим планом прошу подтвердить телеграммой, чтобы знать о вашем решении заранее. Ваш Михаил Шолохов».

И вот в июле 1964 года рабочие Кировского завода приехали на Дон.

Это были знаменательные дни. После волнующих встреч в Ростове, знакомства с рабочими Ростсельмаша, осмотра цехов знаменитого предприятия, краснопутиловцы взяли курс на Вёшенскую.

Утром 23 июля с ростовского аэродрома поднялся самолет ИЛ-14 с ленинградцами на борту. Через час самолет опустился на аэродроме станицы Базковской. В Вёшенской нет аэродрома.

Мне выпала радость лететь вместе с кировцами и быть свидетелем памятных, незабываемых событий.

Жаркий июльский полдень. Кажется, что на аэродроме собрались все жители окрестных станиц и хуторов. Это был какой-то стихийный народный праздник.

Радушно встречали казаки гостей. Окруженный станичниками, приветливо улыбался Михаил Александрович. На нем была легкая летняя шляпа защитного цвета, оберегавшая его от полуденного солнца. Белая, с короткими рукавами, навыпуск рубашка. Такого же цвета, как и шляпа, легкие брюки.

Обветренное, загорелое лицо. Ясные и спокойные шолоховские глаза. И все же в них сегодня рядом с сердечностью было доброе, немного застенчивое хозяйское волнение...

Нарядно одетые казаки пошли навстречу кировцам. Степенно и чуть торжественно вышагивает опытный тракторист, старый вёшенский казак Яков Петрович Пигарев. Он одет в тради-

ционную форму донского казака. Вместе с дояркой колхоза «Тихий Дон» Валентиной Агеевой и вёшенской школьницей Люсей Зимовновой, Пигарев подносит дорогим гостям с Невы хлеб-соль. Люди слышат его слова.

— Добро пожаловать на нашу донскую землю! Низкий поклон вам от казаков и казачек станицы Вёшенской!

Казакам отвечал секретарь парткома Кировского завода Николай Борисович Раев.

— Мы приехали на Дон по приглашению Михаила Александровича Шолохова. Давно связывают наш рабочий коллектив и знаменитого писателя узы крепкой братской дружбы. Мы встречались с Михаилом Александровичем на ленинградской земле, теперь встречаемся здесь, на донской. Наша дружба — это дружба двух гигантов: Кировского завода и писателя Шолохова. Дорогие вёшенцы! Мы очень вас благодарим за теплую встречу и от всего русского сердца говорим спасибо.

Гостей окружают тесным кругом. Повсюду — улыбки, полевые цветы и особенно — прославленный донской бессмертник, теплота сердец...

Трудно, очень трудно пришлось в те дни фотокорреспондентам и кинооператорам. Кировцев было человек двадцать. Репортеров с аппаратами раза в два больше.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, дорогие мои кировцы,— говорит Шолохов и крепко обнимает, целует каждого.

— А где дядя Миша? —вглядывается в толпу Михаил Александрович.— Дядю Мишу-бородача привезли на Дон?

— Да вот он,— слышно из толпы.— Давай, дядя Миша, пробирайся.

Дядя Миша — кадровый слесарь, ветеран Путиловского завода Михаил Гаврилович Алексеев, проработавший там шестьдесят лет. Дядей Мишей его любовно зовут сами путиловцы. Он — высокий, для своего возраста еще достаточно статный, с окладистой белой бородой.

Шолохов горячо обнимает дядю Мишу, расспрашивает о самочувствии, о том, как он перенес перелет.

— Отлично! — густо басит Михаил Гаврилович, кстати, в прошлом не только слесарь, но боевой летчик времен гражданской войны.

Михаил Александрович встречается с кировцами, как со старыми друзьями.

— А-а, дядя Саша-трубка! — обнимает он еще одного ветерана-кировца Александра Степановича Никифорова. Шолохов знает, что так ласково зовут рабочие всеми уважаемого на заводе человека. Дело в том, что Никифоров — давний и страстный футбольный болельщик. В дни, когда играет его любимая команда, он непременно у самых ворот, с неизменной трубкой во рту. Милиция уважительно берет под козырек и не беспокоит дядю Сашу. Вёшенским казакам приятно было узнать, что Александр Степанович Никифоров в гражданскую войну сражался за Советскую власть на Дону.

...Тут мне хочется сделать маленькое отступление. Еще до того, как самолет с кировцами опустился в Базках, наиболее изобретательным фотокорреспондентам удалось сфотографировать

Михаила Александровича в самой гуще высоких, сверкающих золотом подсолнухах.

— Вот, черти! — шутил потом писатель.— Нарочно затащили меня сюда, для контраста, дескать, смотрите: расцветающий подсолнух и отцветающий Шолохов.

Направились к аэродрому.

И снова защелкали фотоаппараты, затрещали кинокамеры.

— Якова Петровича фотографируйте,— кивал в сторону Пигарева Михаил Александрович.— Казак что надо!

Потом пригляделся к нему и с лукавинкой:

— Да ты, братец, совсем не стареешь. Смотрите — какие у него черные усы. Наверно, красишь?

— Что вы, Михаил Александрович,— смутился пожилой казак.

— Не признаешься. У меня усы седые, а у тебя черные. С чего бы это?..

Тем временем, фоторепортеры все агрессивнее атаковывали Шолохова.

— Ну, ладно, хватит,— уже чуть строже поднял руку Михаил Александрович, обычно избегающий встреч с фото- и кинокорреспондентами.— Оставьте пленку на гостей.

И тут произошло неожиданное.

— Михаил Александрович, пожалуйста, посмотрите сюда,—внезапно со стороны послышался тонкий мальчишеский голос.

Все повернулись. В нескольких шагах от Шолохова стоял мальчик с фотоаппаратом «Юпитер-2». Он торопливо и в то же время умело готовился к съемкам.

Вся эта необычная обстановка, искренность мальчика вынудили Михаила Александровича, как говорится, «безоговорочно капитулировать». В ответ на это милое «Пожалуйста, посмотрите сюда» — мальчик указывал на объектив — все, что ответил Шолохов, было шутливое:

— А как?

Таганрогский школьник Сережа Арабов, гостивший у родных в станице Вёшенской, увез в этот день в Таганрог дорогой на всю жизнь снимок...

45

Три дня гостили земляки Семена Давыдова в Вёшенской. Михаил Александрович сделал все, чтобы дни эти были интересными, чтобы они запомнились кировцам.

Руководитель партийной организации Вёшенского района Петр Иванович Маяцкий, сражавшийся в годы войны за Ленинград, знакомил кировцев со станицей, с хозяйством колхоза «Тихий Дон», с хлеборобами и механизаторами. Ленинградцы купались в Дону, отдыхали на живописных берегах, на катере совершали прогулки по реке, ели стерляжью уху, приготовленную на костре, слушали чудесные казачьи песни...

В первый же день пребывания гостей в станице радушные хозяева Михаил Александрович и Мария Петровна Шолоховы пригласили их к себе. Они встретили ленинградцев на пороге своего дома, вместе с ними сфотографировались на память.

— Добро пожаловать, дорогие друзья,— говорил Шолохов.— Ну как первые впечатления, как Дон наш, нравится?

— Очень. Прекрасная река. Мы поклонились батюшке Дону Иванычу. Поклон ему от Невы нашей передали,— отвечал Александр Степанович Никифоров.

Вместе с кировцами в гостях у Шолохова были московские и ростовские писатели Анатолий Софронов, Михаил Алексеев, Евгений Поповкин, Илья Котенко, Виталий Закруткин, Александр Суичмезов, Александр Бахарев, Яков Кривенок. Шолохов ожидал у себя в те дни и Анатолия Калинина. Но тот из-за болезни не смог приехать.

— Что с Анатолием?— обеспокоенно спрашивал Михаил Александрович.— Он, говорят, с полпути вернулся? Может, надо направить к нему в хутор хорошего специалиста?

Эта забота большого писателя об одном из своих самых талантливых учеников была совершенно искренней и потому трогательной...

Мария Петровна пригласила всех к столу. Гостей было много, и, как бывает в подобных случаях, озабоченная хозяйка несколько волновалась. И тем не менее каждый был одарен ее вниманием.

— У нас в станице, конечно, обедают раньше, чем в Ленинграде. Да уж привыкайте к нашему вёшенскому распорядку, — шутила она.

Беседа за обедом у Шолоховых была долгой и очень интересной. Рядом с собой, справа и слева, Михаил Александрович усадил двух за-

водских ветеранов — дядю Мишу и Константина Яковлевича Яковлева. Поднял тост за их здоровье. Дядя Миша — Михаил Гаврилович Алексеев, главный энергетик Кировского завода Слуцкий, Герой Советского Союза Федор Трофимович Дьяченко выразили сердечную благодарность писателю за его книги. Кировцы интересовались вопросами литературной жизни, просили хозяина дома рассказать о поездке в Германскую Демократическую Республику. Очень деликатно расспрашивали о том, как идет работа над романом «Они сражались за Родину».

Рабочие преподнесли Шолохову привезенные подарки: горельеф «Выступление Владимира Ильича Ленина на Кировском (бывшем Путиловском) заводе», модель нового кировского трактора-исполина К-700 и как символ нерушимой дружбы — стальной прут, завязанный узлом. Ленинградцы вручили писателю почетный пропуск на свой завод и передали письмо директора Ивана Сергеевича Исаева.

На почетном пропуске напечатано:

«Дорогой Михаил Александрович! Своим многолетним литературным трудом и общественно-политической деятельностью Вы заслужили большое уважение коллектива Кировского завода. Кировцы всегда рады встретиться с Вами».

В своем письме директор завода писал:

«...Надеюсь, дорогой Михаил Александрович, что Вы еще не раз порадуете всех нас посещением нашего предприятия. Почетный завод-

ской пропуск, который вручат Вам наши товарищи,— тому порукой. Всегда, в любое удобное для Вас время — добро пожаловать! Желаю Вам крепкого здоровья — И. Исаев».

Памятные сувениры ленинградцы преподнесли и Марии Петровне Шолоховой. Она сердечно поблагодарила гостей.

Петр Иванович Маяцкий передал кировцам подарок вёшенских хлеборобов — сноп литой донской пшеницы...

Я видел, какое волнение охватило хозяина дома, когда вожак вёшенских коммунистов вручал братьям из Ленинграда, вожаку коммунистов Кировского завода этот дорогой крестьянский подарок — пшеницу, возделанную натруженными руками, политую потом, завоеванную казачьей кровью... И хотя напряжением воли орлиное, скульптурное лицо писателя не дрогнуло, но глаза его, изумительные шолоховские глаза... В ту минуту в них было все, что было на сердце у него.

Взволнованный, он встал:

— Дорогие братья-кировцы, этот хлеб — подарок тех, кто вырастил его. Вёшенская вас принимает как самых дорогих гостей. Да иначе и не могло быть. Марья Петровна и я рады приветствовать вас в нашем доме. Рад видеть у себя и дорогих братьев-писателей.

После обеда ленинградцы сели на катер и пошли вверх по Дону.

...Солнце клонилось к закату. Над рекой, над притихшими берегами опускался чудесный июльский вечер. Как завороженные вглядыва-

лись гости с Невы во все, что проплывало мимо. Очарование донской природы никого не оставляло равнодушным. Катер разрезал позеленевшую в наступавших сумерках гладь реки, приближался то к одному, то к другому берегу, и тогда явственнее проступал прибрежный лес, местами густой и уже потемневший. И временами не верилось, что этот лес на донских просторах, в донской степи...

Многие из тех, кто был на катере, впервые видели эту редкую красоту, неповторимые живописные картины. В некоторых местах придонские берега, не тронутые временем, были полны первозданной пленительности. И все же люди смотрели на эту родную русскую землю, как на давно-давно и очень хорошо знакомую, когда еще полюбившуюся, ставшую для каждого из них так жизненно необходимой еще задолго до того, как они увидели ее.

Да так оно и было. Они знали эту землю. Кто — с молодости, кто — с детства. Эту землю им открыл тот, к кому они приехали, он показал, как щедра она, как сурова, как нежна... Она была им так знакома по дорогим книгам.

На правом берегу показался хутор Калининский. Взоры всех устремились к нему. Еще бы! Сколько связано читательских воспоминаний с этим хутором. До революции он назывался Семеновским. А по «Тихому Дону» с первых же страниц романа предстает перед нами как хутор Татарский. И это третье, конечно, самое знаменитое его название. Сколько драматических событий, сколько счастья, сколько горечи познали в Татарском герои «Тихого Дона»...

46

На следующий день известные ленинградские фрезеровщики Евгений Францевич Савич и депутат Верховного Совета РСФСР Иван Давыдович Леонов вместе с Михаилом Александровичем приехали в вёшенскую мастерскую «Сельхозтехника». Кировцы пришли поделиться своим опытом со станичными механизаторами.

У входа в мастерскую писателя в который раз снова плотно обступили люди с фотоаппаратами и кинокамерами.

— Так мы же приехали не позировать, а работать,— улыбнулся Михаил Александрович и пригласил кировцев в мастерскую.

Леонов и Савич принялись настраивать фрезерный станок. Рядом с ними вёшенский фрезеровщик Илья Тихонович Косоножкин. Он внимательно наблюдает за их действиями.

— Михаил Александрович, немного поближе, а то вы выпадаете из кадра,— неожиданно послышался голос одного из фоторепортеров.

— Это очень хорошо, что именно я выпадаю. Вы приехали сюда не меня фотографировать, а Леонова и Савича...

Перед тем как кировцы запустили станок, Шолохов обеспокоенно наклонился к уху Савича:

— Евгений, руки от волнения не дрожат?

— Нет, Михаил Александрович, разве что от старости.

— Да ты еще молодой!

Вёшенцы с восхищением следили за работой

кировцев. Особенно понравились их совершенные инструменты, сконструированная ими фреза «Ленинград — Москва».

Савич дал Илье Тихоновичу несколько пластинок к обычной фрезе. Они обнялись, расцеловались.

— Это Косоножкину хватит лет на пять,— сказал Евгений Францевич.— Он у вас молодец,— обратился ленинградец к станичникам.— Не только фрезеровщик, но и токарь!

— Буду работать, как они,— негромко ответил Косоножкин.— Только у меня просьба к кировцам: сконструируйте в честь нашей встречи новую фрезу: «Ленинград — Вёшенская».

— Непременно! — пообещал Леонов.— Сделаем ее вместе с Косоножкиным.

Одну фрезу «Москва — Ленинград» кировцы преподнесли Шолохову.

— Это вам, Михаил Александрович, на память.

— Спасибо. Только мне ее все равно придется отдать Илье Тихоновичу. Вы уедете, он на следующий же день выпросит ее у меня.

Все смеются.

— Приходи, Илья,— приглашает Шолохов Косоножкина.— Считай, что фреза у тебя.

Потом он обратился к ленинградцам.

— Сегодня,— начал он,— можно много хорошего сказать. Тридцать четыре года тому назад, точнее тридцать пять, в «Поднятой целине» Семен Давыдов был не просто двадцатипятитысячником, а рабочим бывшего Путиловского, ныне Кировского завода.

Начавшееся когда-то духовное родство за-

крепляется сейчас материально. Здесь хорошо говорили о нашей дружбе, дружбе писателей со своими героями. Это здорово, когда писатель роднится с рабочими, когда литературные герои возвращаются к тебе в живом виде. Крайне полезны такие встречи.

Вот эти замечательные ребята — дорогой Савич и не менее дорогой Леонов — были на Ростсельмаше. Их показ, их методы, их работа над собственными изобретениями, над собственными фрезами вызвали восторг у фрезеровщиков Ростова. Если мы продолжим взаимные встречи и кировцы пригласят, в частности Илью Косоножкина, еще кого-нибудь из рабочих, то это уже будет, так сказать, настоящий обмен опытом квалифицированных людей города и деревни. У кировцев есть чему поучиться. Ну, а мы всегда, не только в этом году, будем рады вас видеть у себя.

...Обедали, как и в первый день, в доме Михаила Александровича. Шолохов был общителен, радушен, находил время для каждого гостя, внимательно слушал людей, от души смеялся, когда слышалась чья-то остроумная шутка... Я внимательно приглядывался к его глазам: они у него с голубизной донского неба.

Смотрел я на него, и меня охватывало чувство гордости за нашу могучую литературу, за то, что у нее есть Шолохов. Я глядел на него и думал: «Какой он сильный, молодой, красивый...»

Третий вёшенский день кировцев прошел на Дону. Купались, загорали, здесь же, на берегу, угощались стерляжьей ухой, приготов-

ленной на костре. А перед вечером, когда наступила прохлада, был прощальный митинг. Выступали и ленинградцы и вёшенцы.

— Кировцы, — шутливо говорил Михаил Александрович, — народ довольно хитрый. Они вручили мне пропуск на завод с таким расчетом: приезжай, мол, приходи в любое время и в любой час, знакомься с производством... Знакомься с ним, а потом ты, конечно, увлечешься и будешь писать. Так ведь, товарищи дорогие, я никогда не давал подписки, никогда не давал зарока, что я привязан только к сельскохозяйственной теме или к теме войны. Мы еще, так сказать, можем тряхнуть стариной...

В ответ на вопросы кировцев о том, почему у нас еще мало хороших произведений о современности и особенно о рабочем классе, Шолохов говорил:

— Правильные мысли высказали вы. Действительно, мы мало пишем о рабочем классе. Но не простое это дело, как кажется непосвященному человеку. Вы прекрасно знаете, как создаются сложные машины. Тот же ваш трактор К-700 не сразу появился на свет. Нужны были поиски, проекты, усилия конструкторской, инженерной мысли, всего большого рабочего коллектива. В литературе происходит то же самое. Только вся эта большая работа падает на плечи одного человека. Он и конструктор, и проектировщик, и фрезеровщик, и шлифовщик. Литература — это процесс трудоемкий, сложный. Работа над произведением начинается с познания жизни. Ведь не всегда бывает, что если писатель пришел на завод, так он сразу напишет книгу. Нуж-

но длительное изучение, нужно терпение и время, а главное — тесное общение с людьми, героями будущих произведений. Поэтому я придаю большое значение нашей встрече. Как при ударе кресалом о кремень появляются искры, так должны появляться искры творчества.

Литератор, — подчеркивал Михаил Александрович, — пишет отдельное произведение, литературу же создают многие писатели. В связи с этим на одном собрании я шутливо назвал ростовскую организацию «Донской литературной ротой», имея в виду, что она — подразделение нашей большой советской литературной дивизии. «Донская рота» шагает добре, у нее много хороших произведений, известных у нас и в других странах. Я радуюсь хорошим книгам, но я против серых произведений и вредных!

Наша дружба с кировцами началась не три-четыре года назад, а тридцать пять, когда со страниц книги в жизнь сошел ваш товарищ по заводу, по труду Семен Давыдов и стал помогать партии в проведении коллективизации на селе.

Я лишний раз говорю об этом не из литературного тщеславия, а для того, чтобы подчеркнуть преимущественное право вёшенцев на высокую дружбу с вами, кировцами.

Я глубочайше убежден, что такие встречи, когда мы ближе познаем друг друга, делимся с рабочими своими соображениями и в области искусства, и о том, как осуществить свой замысел, написать такое произведение, которое было бы долговечно, высокохудожественно и политически зрело, крайне необходимы и важны. Думается, что этот почин будет подхвачен и про-

должен не только нашими писателями-ростовчанами, но и москвичами, и ленинградцами, а может быть, и всеми литераторами. Я не слишком самоуверен, но думаю, что это доброе дело и что в результате нашего обоюдного желания и совместных творческих усилий — представителей рабочего класса и работников литературы — такие книги будут созданы. Порукой этому — наше общее единство, единство людей искусства и людей труда, наше политическое единство, а также единство моральное и духовное. Так что прошу вас заверить рабочих Кировского завода, что такие книги будут действительно созданы!

Кировцы пишут историю своего завода и попросили Михаила Александровича дать предисловие к этой книге. В день отъезда гостей он откликнулся на их просьбу и написал:

«Приезд в станицу Вёшенскую рабочих и инженеров ленинградского Кировского завода оставил глубокий след. Мы вели весьма полезные беседы о литературе. Они были особенно интересны тем, что и сами гости занимаются творчеством — создают историю своего завода.

Кировцы попросили меня написать предисловие к их книге, что я и делаю с удовольствием.

История Путиловского (Кировского) завода — это старейший пушкарь Михаил Гаврилович Алексеев, проработавший в цехах шестьдесят лет; это Николай Васильевич Скворцов, бывший балтийский моряк, путиловский 25-тысячник, председатель колхоза и снова рабочий;

новаторы-фрезеровщики Евгений Савич и Иван Леонов; Герой Советского Союза снайпер Федор Дьяченко и сотни, тысячи таких, как они. История завода — летопись рабочих поколений, свершивших революцию, отстоявших в тяжелую годину честь и свободу Родины и ныне строящих коммунизм.

Через «Правду» и массовую рабочую газету «Труд» обращаюсь к рабкорам: создавайте истории предприятий. Это очень нужные книги о славе и доблести рабочего класса. Писатели и журналисты помогут вам в этом благородном деле.

Станица Вёшенская, 26 июля 1964 года».

И вот наступило расставание.

Вёшенское утро прелестно. Еще не жарко. Воздух свеж, прозрачен. Легкий степной ветер. Легко дышать.

Шолохов дружески прощается с кировцами, желает им счастливого пути, а когда речь заходит о дяде Мише, снова добро шутит:

— А где же покоритель женских сердец?

Кировцы подхватывают под руки ветерана, и вот уже Михаил Гаврилович рядом с Шолоховым.

— А он, оказывается, пользуется успехом не только у девушек,— продолжает Шолохов.— Сегодня утром Марья Петровна срезает розы и говорит: «Это для Михаила Гавриловича...»

Алексеев и все, кто стоят вокруг, улыбаются. Дядя Миша поглаживает усы.

— Марья Петровна, где ты? — оборачивается Шолохов и ищет жену.

Подходит Мария Петровна с букетом красных роз.

— Вот видите, — обращается Шолохов к окружающим. — Ну преподноси, не смущайся.

Мария Петровна протягивает красивому старому человеку букет. Он берет, благодарно пожимает руку.

— Чего же не целуешь дядю Мишу? Ведь говорила, что будешь целовать его...

Шолохов в хорошем настроении. Глаза голубые. Я таких глаз за всю свою жизнь ни у кого не видел. Встретишься с такими глазами и сразу тебе ясно: они, эти глаза, все видят, все знают...

Он продолжает шутить.

— А та, что в Эстонии, Михаил Гаврилович, она ревновать не будет.

Алексеев укоризненно смотрит на секретаря заводского парткома Раева.

— Это Михаил Александрович от тебя все узнал? — басит он.

Тот оправдывается:

— Ни слова не говорил об эстонской. Я только о той, что в Латвии...

— Значит, та, что в Эстонии, — это вторая? — не унимается Шолохов.

...Когда кировцы садились в самолет, Михаил Александрович уже с грустинкой сказал:

— Мы встречали вас, как родных, а теперь вы стали еще роднее. А с родными людьми всегда нелегко расставаться.

Самолет поднялся. Прощальные слова писателя мне напомнили об одном многозначительном разговоре с Михаилом Александровичем.

Как-то в Ростове, в кругу литераторов, Евгений Поповкин обратился к Шолохову с таким вопросом:

— Михаил Александрович, скажите, пожалуйста, что вы испытывали, когда расставались со своими героями? Говорят, Бальзак в таких ситуациях падал в обморок.

— Трудный вопрос ты мне задал, — ответил Шолохов.

Помолчал. Провел рукой по усам. Чуть прищурился. Все ждали ответа.

— Помню, как закончил я «Тихий Дон». Четвертую книгу. Было четыре часа утра. Тишина. Стою у окна один на целом свете. Запели кочеты. Тяжело на сердце. Четырнадцать лет я жил с ними. Больно сжалось сердце. Обернулся к лежащей на столе, только что законченной рукописи: «Что же ты наделал, Миша?!»

47

Если дружба рабочих ленинградского Кировского завода с вёшенскими хлеборобами — это книга, то в январе шестьдесят пятого была написана еще одна страница этой братской дружбы...

Снова появились теперь уже на заснеженных улицах станицы краснопутиловцы. На этот раз они прибыли в Вёшенскую на своем чудо-богатыре, новом тракторе-гиганте К-700.

Станичники встретились с рабочими сердеч-

но, как старые боевые друзья. Дружба, как известно, сильна не столько словами, как делами. Исполинская машина, сделанная руками братьев на берегах Невы, породнится с Доном, облегчит труд вёшенцев, поможет им в жизни.

Один из гостей, инженер Богданов вручил Михаилу Александровичу Шолохову ключ от могучего трактора.

— Спасибо. Я передам его в надежные руки,— сказал писатель.

Ключ получили от Шолохова опытные трактористы колхоза «Тихий Дон» Михаил Яковлевич Заикин и Николай Сергеевич Боков.

Михаил Александрович обнял Богданова, водителей-испытателей Королева, Павлова, Калинина, поблагодарил кировцев:

— Мы рады вторично приветствовать на нашей земле посланцев прославленного Кировского завода. Мы рады и тому, что наши гости прибыли к нам на своем тракторе.

Если можно употребить такой образ, то и рабочий коллектив Кировского завода, и труженики сельского хозяйства нашего района являются как бы притоками одной большой реки, которая имеет ясное направление — движение к коммунизму.

Думается, что не только мне, но и всем нам не безразлично будет, если кировцы упрекнут нас в нерадивости, если мы не соберем хорошего урожая...

Давайте вместе с нашим сердечным приветом, вместе с нашей душевной благодарностью кировцам передадим им через товарищей Богданова, Павлова, Калинина и Королева наше заве-

рение, что трактор «Кировец-700» будет в руках рачительных хозяев.

Спасибо вам, товарищи кировцы!

48

Лейпцигский университет имени Карла Маркса присвоил Михаилу Александровичу звание почетного доктора философских наук.

В январский день 1966 года для вручения писателю диплома из Лейпцига в казачью станицу приехали декан филологического факультета профессор Эберхард Брюнинг, заведующий кафедрой русской и советской литературы доктор Эрхард Хаксельшнайдер и советник посольства ГДР в Москве Хельмут Шлемм.

Михаил Александрович принял немецких гостей у себя дома, показал им станицу, Вёшенскую среднюю школу, районный Дом культуры, кинотеатр.

Энтузиастам школьного музея — преподавателям и учащимся — немецкие друзья подарили альбом «Шолохов в ГДР».

Диплом почетного доктора философских наук Лейпцигского университета Шолохову вручил Эберхард Брюнинг.

— Мы приехали из той части Германии,— говорил он, — где не забыты уроки минувшей войны, где строится социализм. Мы приложим все силы, чтобы никогда больше не возродился немецкий империализм.

В ответном слове Михаил Александрович сказал:

— Дорогой товарищ Брюнинг!

Дорогой товарищ Хексельшнайдер!

Разрешите через ваше посредство передать мое сердечное спасибо ученому совету филологического факультета Лейпцигского университета. Должен сказать, что присуждение ученого звания любой буржуазной страной и присуждение такого же звания со стороны университета братского социалистического государства — это разные для меня вещи. Если в первом случае мне присуждается звание почетного доктора филологии или доктора права в буржуазной стране, то тем самым просто свидетельствуют мое литературное мастерство и те достижения, которые я имею в области литературы. Другое дело, когда мне присуждают это ученое звание люди единого со мной политического мышления, люди, стремящиеся к тем же целям и тем же идеалам, как и наш советский народ. Неизмеримо дороже для меня это признание.

Пользуясь случаем, я хочу передать через ваше посредство, уважаемый товарищ Брюнинг, уважаемый товарищ Хексельшнайдер, мое сердечное спасибо и мой сердечный привет профессорско-преподавательскому составу Лейпцигского университета, а также студентам.

Помимо этого мне хотелось бы сказать, пользуясь вашим пребыванием здесь, что при первой же возможности, при посещении ГДР я сочту своим непременным, счастливым и почетным долгом побывать в вашем университете.

Разрешите мне лично поблагодарить вас, совершивших эту нелегкую поездку из Лейпцига в Вёшенскую.

Дорогой товарищ Шлемм! Разрешите поблагодарить и вас как представителя трудящихся демократической Германии.

Спасибо всем, кто пришел сюда почтить меня в этот торжественный для меня день.

49

Лето, как солнце в самом зените. Середина июля. Под высоким небом, открытая на все стороны, лежит в неоглядных далях жаркая, безмолвная казахстанская степь...

И надо же случиться такому: в этой царственной целинной казахской степи встретились сыны лесной Белоруссии с сыном тихого Дона — Михаилом Александровичем Шолоховым.

Уже давно, который год, студенты факультета журналистики Минского государственного университета имени В. И. Ленина каждое лето приезжают в Казахскую ССР помогать рабочим целинных совхозов строить свои хозяйства. Это уже стало ежегодной традицией.

В лето шестьдесят шестого года ребята из Минского университета работали в целинном совхозе «Восход» — строили животноводческую ферму, возводили кирпичную кладку...

Кто знает, какой добрый ветер принес радостную весть: прослышали белорусские студенты, что где-то недалеко, всего лишь в нескольких десятках километров от них, остановился в охотничьем домике Шолохов. А что такое несколько десятков километров в степях Казахстана?! Сущий пустяк. Близкое соседство!

Как-то веселее стало в студенческом лагере, лукаво заискрились глаза девчат и парней, и вот уже юные белорусы посылают к Михаилу Александровичу своих гонцов, конечно, самых деликатных, самых искусных и, конечно же, самых пробивных...

Гонцы возвращаются с сияющими глазами. И вот наступает день встречи. Все волнуются, ждут. Работают в этот день с особенным усердием.

Когда большое, побагровевшее казахское солнце поостыло, к переполненному совхозному клубу подкатила машина. Сердечно встретили студенты любимого писателя. Он вышел к ним, как обычно, чуть строгий, как всегда, немного смущенный привлекаемым вниманием. Мне даже кажется, что в такие минуты по лицу его пробегает тень суровости. Это от желания поскорее избавиться от аплодисментов и перейти к делу, к разговору, к беседе...

И не потому ли, когда директор совхоза Тельман Насухиевич Молдашев собрался было выступить с приветственной речью, Михаил Александрович запросто опередил его:

— Давайте попроще, — и при этих словах зал увидел знакомую улыбку Шолохова. — Попроще. Проведем, что ли, вечер вопросов и ответов?..

В зале клуба — ни одного свободного места. Забиты проходы. Кроме минских студентов, на встречу пришли рабочие совхоза, учащиеся Уральского кооперативного техникума...

Предложение Шолохова принимают. И сразу завязывается оживленный разговор. Вопросов

множество. Михаил Александрович недавно приехал из Японии, и больше всего расспросов об этой соседней стране.

— В Японии я пробыл восемнадцать дней. Это была интересная поездка. Страна интересная. Имел возможность хотя бы накоротке познакомиться с ее жизнью. У меня остались хорошие впечатления о людях, о городах, которые видел, о трудолюбии японского народа, о его крепкой хватке в работе. Японцы хорошо работают. Здорово! — и шутливо добавил: — Японцы, как клещи. Если за что возьмутся, обязательно доведут до конца.

Внимательно слушали люди рассказ Шолохова о Японии. Он говорил о том, что на небольшой территории Японских островов уместились две Японии. Реакционные круги толкают страну на сговор с американскими империалистами, на участие в агрессивных военно-политических блоках. Народ японский, демократическая общественность страны борются за мир, за то, чтобы не повторились жестокие уроки прошлого.

— А то, что прогрессивные литераторы Японии принимают самое активное участие в борьбе за мир, — сказал Михаил Александрович, — это особенно отрадно. Я думаю, что сейчас для писателей всего мира нет задачи более благородной, чем борьба за предотвращение войны.

— Михаил Александрович, расскажите, пожалуйста, несколько подробнее о японской литературе, — попросили студенты.

— Это серьезный вопрос. В двух словах всего не выскажешь. На мой взгляд, в японской ли-

тературе заметно полевение. Вообще-то совершенно естественно, что каждая литература развивается и идет в жизнь своими путями. Это закономерно. Но мне кажется также, что наша общая задача — задача писателей — способствовать облагораживанию человеческих душ и делать литературу достойной наших современников. Я глубокий сторонник общения, культурного обмена. К японскому народу у нас доброе отношение. Мне думается, что японская литература сейчас на подъеме. Это очень радует не только меня, но и всех советских читателей. Радует также рост молодых японских литераторов, литературной смены.

...Встреча с Шолоховым проходила на казахской земле и, естественно, собравшихся интересовало мнение Михаила Александровича о казахской литературе. Он сказал:

— Казахская литература большая. В ней много славных имен. Литература хорошая, достойная народа.

На вопрос белорусских студентов о том, что он думает о белорусской литературе, Михаил Александрович ответил:

— Замечательная белорусская литература дала человечеству выдающегося поэта Янку Купалу. В нашей стране широко известны произведения Петруся Бровки. Белорусской литературе есть чем гордиться.

Говоря о фильмах, которые сделаны по его ранним рассказам, писатель заметил, что некоторые молодые кинорежиссеры вольно обращаются с этими рассказами.

Кто-то из молодых собеседников спросил:

— А что вам нравится из своих произведений?

— Я больше люблю произведения других авторов.

Зашла речь об иностранных кинофильмах.

— Мы часто покупаем картины, которые нам совершенно не нужны, — сказал Шолохов. — Такие фильмы не несут ничего разумного, ничего доброго. А если что и показывают, так разве только такое, что у нас, к сожалению, еще у самих есть и от чего решительно надо избавляться...

Увлекательная беседа бежала быстрее часовых стрелок. Она надолго запомнилась и белорусам, и казахам, и русским — всем, кто был тогда в совхозном клубе.

На прощание Михаил Александрович сфотографировался со студентами, оставил им памятный автограф: «Студентам, «вкалывающим» на стройках Уральской области. Сердечный привет! М. Шолохов. 12.7.66.»

Кажется, нет в стране события, к которому не был бы причастен Михаил Александрович.

...В январе 1966 года в Саратове вышел первый номер нового журнала «Волга». Писатель отправил телеграмму, в которой сердечно поздравил «новорожденного».

Вчитайтесь в это короткое напутствие. Как много сказано в немногих словах. Шолоховская мудрость, шолоховская сердечность, шолоховская взыскательность.

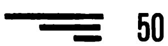
«Желаю новому журналу «Волга» мерить глубину своих страниц глубиною Волги, силу духа каждой строчки — силой духа могучих волгарей. А еще желаю волжского трудолюбия, добродушия, упорства, цепкой памяти на все, что было совершено великого на славной русской земле.

А уж коли докопаетесь, дорогие друзья, до истинно волжской глубины, то и русло вашего журнала не будет пересыхать, а пробьет себе прямую дорогу к безбрежному краю — сердцу народа.

Михаил Шолохов».

...Он сам, его подвижнический труд, его могучий талант давно пробили себе прямую дорогу к безбрежному морю — сердцу народа.

Он всегда с теми, кто сеет хлеб, плавит сталь, строит дома, с теми, кто созидает.

50

Когда из столицы Швеции — Стокгольма пришла весть о том, что Михаилу Александровичу Шолохову присуждена Нобелевская премия, весь мир согласился с этим решением, в котором признавалась выдающаяся художественная сила и честность создателя эпохального произведения об исторических годах в жизни русского народа.

Нобелевская премия впервые была присуждена социалистическому реализму. Собственно, это и имел в виду сам Михаил Александрович,

когда в интервью, данном в казахстанской степи корреспонденту «Правды», одному из первых редакторов и первых друзей «Тихого Дона» Юрию Лукину, сказал:

— Разумеется, я доволен присуждением мне Нобелевской премии, но прошу понять меня правильно: это не самодовольство индивидуума, профессионала писателя, получившего высокую международную оценку своего труда. Тут преобладает чувство радости от того, что я — хоть в какой-то мере способствую прославлению своей Родины и партии, в рядах которой я нахожусь больше половины своей жизни и, конечно, родной советской литературы. Это важнее и дороже личных ощущений и это, по-моему, вполне понятно.

В этих словах — весь Шолохов, его жизнь, его произведения, его труд, его борьба.

В те осенние, волнующие, я бы сказал, шолоховские дни мне пришли на память вещие слова Алексея Максимовича Горького, произнесенные много лет назад.

«Шолохов, — судя по первому тому, — талантлив... Каждый год выдвигает все более талантливых людей. Вот это — радость. Очень, анафемски, талантлива Русь».

Проходят годы, и художники слова — отечественные и зарубежные — все чаще и чаще говорят о творчестве Михаила Александровича.

«Среди советских писателей Шолохов — одна из ярчайших фигур, крупный художник, подлинный гуманист, — писал в 1955 году известный немецкий писатель Вилли Бредель. —

Его произведения «Тихий Дон», «Поднятая целина» уже сегодня принадлежат мировой литературе».

Мне хочется привести и новые высказывания о творчестве Шолохова известных зарубежных и советских писателей. Со статьями цитируемых ниже авторов мне выпала радость работать как составителю большой книги «Шолохов».

В открытом «Письме в Вёшенскую» выдающийся индийский писатель Мулк Радж Ананд пишет:

«Дорогой Шолохов!

Впервые я прочел Вашу книгу «Тихий Дон» около тридцати лет назад, в Лондоне. В то время я только что закончил небольшой роман «Неприкасаемый». Ваша книга, с ее широким эпическим размахом, воодушевила меня и вселила веру в то, что и писатели Востока смогут войти в мировую литературу, рассказав в новых произведениях о далеких, неизвестных народах, о которых Запад еще мало что знает. Я сам с того времени, размышляя о романах, посвященных азиатскому материалу, стал представлять их себе в эпических пропорциях. Это стремление к широким замыслам пришло ко мне и многим писателям нашего поколения от Вас. Но не только это извлекли мы из Ваших страниц. Быть может, важной истиной, вытекавшей для нас из эпопеи о Доне, была следующая: для писателя психологическое чувство уверенности в справедливости общественного строя, в котором он живет, более необходимо, чем ощущение надежности своего физического существования... Незна-

ние жизни, недостаток широкого жизненного опыта низводит брата-писателя в условиях нашего образа жизни — за исключением небольшого круга литераторов — к роли дрессированной комнатной собачки или любимой кошки, способных своими штучками позабавить хозяев дома и домочадцев.

В Ваших романах нет идеальной пропорции между «беспорядком» и «стабильностью». Как течение Дона, так события уносят в своем потоке героев книги. И все-таки в рамках развивающегося повествования эти люди остаются человечными, они не меняются механически в ходе социальной революции, а борются в разгар жестоких перемен за свое личное достоинство и равноправие. Их человечность, их борьба за то, чтобы вырвать любовь из когтей самой смерти, утвердить непоколебимость духа — все это выступает как нечто более значительное, чем какой-либо прямой героизм.

Как бурный паводок, заливающий берега и разрушающий многое на своем пути, часто делает почву более плодородной, так и революционный жар, который пышет от ваших книг, прорывается сквозь застывшие границы привычных чувств, отбрасывает прочь условности и освобождает читателя.

Вы никогда не нуждались в какой бы то ни было лести, которую ищут иногда второстепенные писатели. Вы редко покидаете Вашу родную станицу. Вы остаетесь сами собой и когда выезжаете за границу — глубоко скромным человеком, каким я увидел Вас несколько лет назад в клубе писателей в Стокгольме...»

Из далекой Австралии пришла статья известной и старейшей австралийской писательницы Катарины Сусанны Причард.

«Когда величественное полотно «Тихого Дона», — вспоминает она, — впервые вышло в свет... нас, писателей других стран, захватил его огромный размах, глубокое, интимное знание обычаев и традиций казачьих станиц, живые картины суровых лет, когда революционные казаки и крестьяне гибли и побеждали в ожесточенной борьбе за власть, захлестнувшей холмистые равнины и живописные станицы, которыми я так любовалась.

Атмосферой глубокой трагедии окутано произведение, которому Шолохов с некоторой долей горькой иронии дал название «Тихий Дон». Но его здоровый, ядреный юмор, такой неотрывный от земли и работающих на ней людей, кажется мне, и есть самый большой и неповторимый дар Шолохова литературе. Мы вместе с ним смеемся, особенно встречаясь с дедом Щукарем. А Григорий и Аксинья — неоценимый вклад в мировую галерею бессмертных образов.

Как великий художник, Шолохов раскрывается в своем мудром проникновении в людские души и дела. Эта проницательность, пристальная забота о человеке помогает ему раскрывать самые сложные противоречия в характерах героев, а это и дает ему материал для высокого драматизма повествования. Шолохов, как поэт, встает перед нами в любом описании смены времен года, в каждом пейзаже, таком любимом и знакомом нам. Даже его чертополохи — и те

обладают какой-то магией: вот он торчит, долговязый и сухой, отбрасывая седую тень на обочину дороги, и — врезается в память навсегда».

Свою небольшую статью о Шолохове парагвайский поэт Эльвио Ромеро назвал так: «Тихий Дон омывает и наши берега». Приведу лишь несколько строк:

«...Социализм предлагал нам литературу, которую мы брали с жадностью голодного. Я говорю о книгах Шолохова. В этих книгах клокотала буря революции, и она доходила до сердца. Земля, где родился великий писатель, благодаря его так необходимому людям искусству, полюбилась миллионам, и воды Дона омыли иные берега.

К нам пришел Шолохов — могучий писатель — со своими книгами. Мы в крылатой и страстной мечте пришли на его землю, землю мужественных людей, нив, лесов, широких рек».

Известная немецкая писательница Анна Зегерс рассказывает:

«Один хороший товарищ (ее звали Ольга Хальперн) привезла в Германию первые тома «Тихого Дона». Когда мы читали ее перевод, мы поняли, что происходило со старым народом в новой стране. Мы проглотили огромный кусок жизни, который Шолохов бросил нам, страшно голодным, страшно голодным до правды. И казалось, будто он при этом крикнул: «Вы хотите знать все, здесь это все!»

Так оно стало нам близким до того, что можно его потрогать, можно пережить, это бурлящее в гражданской войне общество; оно было схвачено силой великого художника. И благодаря этой силе оно присутствовало здесь — как для того, чтобы пережить его, так и для того, чтобы думать над ним».

А вот несколько строк из статьи французского писателя Андрэ Вюрмсера «Главный герой — народ»: «Почему «Тихий Дон» шедевр? Как он сделан? Если оставить в стороне особенности манеры, свойственные каждому писателю, и грандиозность самой эпопеи, — «Тихий Дон» написан как «Война и мир». Придерживаясь правды истории, тщательно заботясь о точности таких деталей, как военная форма, дислокация воинских частей, хронология событий, роман Шолохова воспроизводит их во всей жизненной конкретности и индивидуальности. Книга как бы написана совместно с людьми, творящими Историю».

В интересной статье для сборника «Шолохов» Мартти Ларни говорит:

«Переступая порог зрелого мужского возраста, Михаил Александрович Шолохов может с удовлетворением оглянуться на пройденный путь: велик вклад его труда на благо своей Родины, как патриота, как солдата, как выразителя глубочайших чувств своего народа. Я лично считаю, что человеку при жизни не следует сооружать памятников. Но что поделаешь, если Михаил Александрович Шолохов своим повествовательным искусством уже воздвиг себе памятник в мировой литературе. И я уверен, что ни-

какие новые течения не способны поколебать его незыблемое положение ведущего прозаика Европы».

В книге «Шолохов» приняли участие более шестидесяти авторов. Примерно четвертая часть их — иностранные писатели. Их высказывания, несомненно, представляют значительный интерес для читателей.

51

Каждый год осенью, а иногда и летом Михаил Александрович выезжает из Вёшенской в Западный Казахстан. Живет там месяц-полтора, случается и больше.

Эти поездки стали неизменными. Писатель душой потянулся к неоглядной казахской степи, к людям, ее населяющим, к дальним девственным озерам, богатым разной дичью...

Казахстанским страницам шолоховской жизни, пожалуй, пошло третье десятилетие. Начались они еще в послевоенные годы, а в войну, когда писатель находился на фронте, в казахстанском поселке Дарьинске жила семья Михаила Александровича. Отсюда, с войны еще, завязалась эта дружба писателя с казахами, с годами она окрепла, стала истинно братской.

Слов нет, Михаилу Александровичу полюбился отдых в Прикушумье, где несметное число перелетных птиц. Но в этом чудесном крае светлых озер и привольных лиманов Шолохов не

1/2 7 Заказ 646

только охотится и рыбачит... Оказывается, и на казахской земле тоже забили чистые ключи шолоховского слова и от этого только еще щедрее стали нескончаемые донские родники...

Тут уместно послушать самого писателя. В 1960 году в беседе с колхозниками Кисык-Камышской сельхозартели он говорил:

— Мои довольно частые поездки сюда нельзя объяснить только желанием отдохнуть, поохотиться, порыбачить, хотя все это, конечно, и заманчиво и приятно. Основная причина моей привязанности к здешним местам лежит гораздо глубже. Я давно полюбил ваш чудесный край, ваш трудолюбивый народ. Очень интересуюсь культурой казахов, вашим языком, обычаями. Казахстан стал для меня второй родиной. Потому и построен домик на Урале невдалеке от города Чапаева. Я здесь и отдыхаю и работаю...

И это не просто слова вежливого гостя: на казахской земле автором писались некоторые главы, вновь и вновь правились гранки второй книги «Поднятой целины», в охотничьей палатке были написаны новые главы романа «Они сражались за Родину», здесь делались первые наброски будущих полотен...

И тем не менее, задумываясь над ежегодной шолоховской казахстанской осенью, видишь человека самозабвенно любящего природу и, может быть, как никто другой, понимающего ее. Он много ездит. В каких только странах не побывал писатель! Знает природу братских советских республик. И если его так тянет к себе степь ка-

захская, если он каждую осень едет на машине за тысячи километров к полюбившимся озерам — к Челкару, которое местные жители не без гордости называют морем Челкарским, к Камыш-Самарским озерам; если невзирая на трудности подчас неизвестной дороги, превратности погоды он упорно ищет в бескрайних просторах Прикушумья, порой сбиваясь с пути и снова разыскивая нужное направление, какое-то неведомое озерцо и все-таки находит его — значит сердце Шолохова действительно привязалось к этому краю. Ведь некоторым безвестным озерам он уже и название дал. Одно из них за обилие в нем окуней так и окрестил Окуневым.

Любит Михаил Александрович охотиться? Очень. Но, по-моему, ему больше нравятся все тяготы, все испытания, неожиданные приключения, неизбежно связанные с тернистой дорогой истинного охотника.

Готовясь к стрельбе и тщательно маскируя свою засаду, Михаил Александрович уверенно действует лопатой, выкапывая личный окоп. Все приготовления он делает с азартом, тщательно предусматривая каждую мелочь. Терпеливо сидит, иногда безрезультатно две-три зори. А когда прогремят выстрелы, появятся трофеи, только что минувшую охоту Шолохов уже оценивает нередко по-другому. Журналист Петр Гавриленко, который много раз охотился с Михаилом Александровичем в Казахстане, пишет:

«...Лишь часам к одиннадцати ночи лет прекратился. Мы и постреляли вволю, а еще боль-

ше налюбовались. В этот день мы взяли на шесть ружей шестнадцать казарок.

Я подошел к курящему в стороне Михаилу Александровичу.

— Поздравляю с богатой охотой!

— Спасибо, — устало улыбнулся Шолохов. — Я вот стою и думаю, зачем столько птиц убивать? Там, на озере, в азарте стрелял, а теперь жалко стало...»

52

Нужно ли говорить о том удивительном юморе, который неотделим от книг Шолохова, многие страницы из которых в то же время полны драматических коллизий, столь трагичны. Искрящийся юмор не покидает Михаила Александровича и в обыденной жизни, а в особенности на охоте.

Как-то Шолохов с напарниками возвращался с охоты. Внезапно показался заяц. Один из охотников мгновенно вскинул ружье.

— Не стреляйте! — поднял руку Михаил Александрович. — Это какой-то больной, захудалый зайчишка!..

Но было поздно. Неожиданный трофей охотника никак не подтверждал слов Шолохова. Заяц был отменным. И тем не менее Михаил Александрович не унимался:

— До чего неразборчивы стали некоторые пожилые и почтенные охотники — стреляют полуживых зайцев... Прямо беда.

Шли часы, а Шолохов то и дело возвращался к дорожному происшествию. Самое же любопытное произошло утром... Глазам проснувшихся охотников предстало необычное объявление, написанное крупными буквами: «Не убивайте меня! Я старый больной заяц. Через два дня я все равно подохну...»

Объявление было прикреплено к хвосту сраженного зайца.

Шолохов много читает. Иной раз с удовольствием читает вслух. Те, кому приходилось его слушать, знают, что делает он это с несравненным мастерством. Чтец он превосходный. Проникновенно исполняет свои произведения. Слушать его — одно наслаждение. В это время облик писателя предстает как бы в новом свете. Умно и тонко он оттеняет каждое слово, малейший нюанс...

Михаилу Александровичу понравилась книга известного русского мореплавателя О. Е. Коцебу «Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг.», изданная несколько лет назад в Москве.

Как-то в кругу родных и близких Михаил Александрович читал отрывки из этой книги о королеве Сандвичевых островов Номаханне. Речь шла о необычайной прожорливости королевы, и слова чтеца сопровождались дружным хохотом. Коцебу стал свидетелем самой удивительной трапезы, какую ему приходилось когда-либо видеть.

«Не знаю, сколько пищи успел поглотить королевский рот, — рассказывал Коцебу, — до моего прихода, но то, что было уничтожено на

моих глазах, вполне могло бы насытить шесть человек... Затем она с помощью слуг перевернулась на спину и знаком подозвала высокого и сильного слугу. Последний, хорошо зная свои обязанности, мгновенно вскочил королеве на живот и начал без церемоний разминать его коленями и кулаками, словно имел дело с квашней. Во время этой «обработки», которая имела целью ускорить пищеварение, ее величество немного стонало. Затем, слегка отдохнув, она приказала снова повернуть себя на живот и начала обед с самого начала».

Михаил Александрович читал и от души смеялся. «Эта любопытная история, — пишет уже знакомый нам П. Гавриленко, — всем понравилась и к ней после не раз возвращались в разговоре.

Как-то за завтраком я отказался от добавочной порции жареной домашней свиной колбасы с тушеной капустой — одного из любимых блюд писателя. Михаил Александрович, качая головой, укоризненно сказал:

— И это — мужчина... Что бы о вас подумала королева Номаханна!»

53

Вечерело... Зимние сумерки все плотнее окутывали станицу. Рано утром мне предстоял путь на Миллерово.

Не так-то просто было оторвать себя от этой станицы, от этого дорогого дома, от окна, где

уже сквозь морозную пелену мне виднелся огонек...

Долго стоял я на заснеженной улице, смотрел и смотрел на дом, на освещенные окна, и радостное, волнующее чувство охватывало меня: «Там теперь он пишет последние главы, — думал я, — завершает работу над книгой, которую все так ждут, первой книгой задуманной им трилогии о Великой Отечественной войне — «Они сражались за Родину». И еще мне подумалось: «Здоровья, крепкого здоровья ему на радость людей, на счастье нашей литературы».

Утром легковая машина унесла меня по асфальтированному шоссе. Вокруг без края расстилалась родная донская земля. Мысли возвращались к встрече с ним, к его рассказам, таким необычным, всегда настолько интересным, что слушал бы их и слушал... Снова и снова припоминалось его лицо: большой мудрый лоб, орлиный нос, еще недавно цвета спелой ржи теперь побелевшие усы и совершенно необыкновенные, какие-то дивные глаза. Как их описать? Спокойные, глубокие, излучающие столько тепла и света, глаза, согревающие людей... Впрочем, о глазах Шолохова, по-моему, хорошо сказал поэт Виктор Боков:

...Очи его, как спóлохи,
Как правдолюбцы великие.

...Летит машина. В стороне проплывают казачьи хутора: Токинский, Чукаринский, Кружилинский... Пристально вглядываюсь в хутор

Кружилинский, он далеко от дороги, но как хочется еще и еще разглядеть его, запомнить эту благословенную землю, давшую миру гениального художника слова. Где-то, километрах в пяти от нас, осталась Каргинская, станица его детства, его первая школа...

Все, что проносилось мимо машины, что осталось позади нас, что было впереди, — все было связано с ним, певцом Дона, певцом земли русской...

Имя его, творения его дороги всем советским людям, в какой бы союзной республике они ни проживали. И в который раз я снова вспомнил слова многих писателей, слова, услышанные мной из уст самих авторов.

Примечательно высказался Сергей Михалков: «Много славных рек проложили свой путь по нашей земле. Но не всем им выпала счастливая доля навечно породниться с именами лучших выразителей дум и чаяний народных: Нева — Пушкин, Днипро — Шевченко, Волга — Горький, Дон — Шолохов...»

Выдающийся украинский писатель Олесь Гончар поделился своими мыслями: «Для многих, для миллионов людей на Украине дорого имя Шолохова, его огромный творческий труд. Чувствуешь глубокую признательность к человеку, открывшему для тебя целый мир, создавшему бессмертный эпос революции, к человеку, который, словно мастер могучим резцом извлекающий жизнь из мрамора, извлек образы классической красоты, людей неукротимой революционной страсти, создал грандиозные картины народной жизни, героический образ времени,

которое для многих уже кажется легендарным. Это создавалось и создано на века...

— Наш Шолохов! — так у нас говорят о нем».

В Грузии, на берегу Тбилисского моря, народный поэт Грузии, живое олицетворение богатой талантами земли грузинской, недавно скончавшийся рыцарь литературы Георгий Леонидзе с душевным волнением сказал мне:

— Михаил Шолохов — лев советской литературы, самый большой писатель нашего времени и вместе с тем человек несравненной простоты и задушевности. Он — автор донской «Илиады». Обожженный солнцем, с обветренным лицом, как скромный хлебопашец, он похож на древнего дубравного бога. Как глубоко он владеет тайнами родной земли. Его душа соткана из цветов и колосьев. В его жилах течет кровь целины.

Словно перекликаясь со своими собратьями, говорит белорусский поэт Петрусь Бровка:

— Произведения великих художников перечитываешь по нескольку раз. К Шолохову я возвращался не однажды и всегда открывал для себя что-то новое, ранее не познанное. Какова же поистине неисчерпаемая глубина его книг!

Именно потрясенный глубиной «Тихого Дона», Николай Рыленков написал стихи «Надпись на романе «Тихий Дон»:

Есть вечные глубины в «Тихом Доне»,
То, что народ наш совестью зовет.

Гремит гроза иль ясен небосвод,
Мы вновь и вновь, забыв дорогам счет,
Как в первый раз, придем к нему, и вот —
Все мелкое ушло. Душа бездонней.
Святая жажда дела — жжет ладони,
Святая жажда правды — сердце жжет.

...Машина мчится по асфальту через заснеженную степь, и мне еще и еще припоминаются слова писателей о большом учителе. Мой давний фронтовой товарищ, армянский поэт и драматург Гурген Борян взволнованно высказался в письме:

«У нас в Армении издавна, еще с седых времен, имя писателя отождествлялось с именем Сеятеля... В Армении Михаила Шолохова мы назвали бы великим Сеятелем. Шолоховские борозды начинаются с уже ставшей священной станицы Вёшенской и уходят в необозримые дали — во все концы земного шара... Но Шолохов не только Сеятель. Он и сказочный мастер-гончар, вылепивший ту чудотворную чашу, от одного прикосновения к которой человек становится сильным физически и духовно, не боящимся даже спора с богами».

О могучей силе шолоховских творений проникновенно написал поэт Сергей Смирнов в открытом письме к писателю:

...Белит жизнь
                    волосы Ваши русые.
Да не трогает зоркости глаз.
Вы
   по духу —
                    сама Революция
И ее совершающий класс.

Вы — разведка, с ее круговертями,
Беспримерных свершений пора...
Я считаю,—
что меркнет бессмертие
Перед Вашим размахом пера!

И словно подытоживая мысли многих и многих, выдающийся русский поэт Николай Семенович Тихонов заключает:

«Пусть еще много лет огонь большой творческой правды светит из маленькой Вёшенской станицы всему большому миру, всему передовому человечеству!»

Пусть светит!

...Когда уже до Миллерова было недалеко и я поближе познакомился с милым парнем, шофером райкомовской автомашины Володей Зимовновым, он мне поведал немало любопытного. Оказалось, что Володя — потомственный вёшенский казак. Здесь жили и деды его и прадеды. Кстати, один из прадедов — Мартын Меркурьевич умер лишь несколько лет назад, когда ему основательно перевалило за девяносто...

Обо всем, что касается Вёшенской, ее окрестных хуторов, шолоховских книг и их героев, на Дону обычно говорят с чувством законной гордости.

Так говорил мне и Володя Зимовнов, не отрывая рук от баранки, не поворачивая головы:

— Жена моя, Валентина, работает товароведом в Вёшенском райпотребсоюзе. Она — внучка Харлампия Ермакова. Вы, конечно, слышали о Ермакове?! Михаил Александрович с него на-

писал Григория Мелехова. Так вот, мать моей Валентины — Пелагея Харлампиевна — родная дочь Ермакова. Понятно? Выходит, я в родстве с «Тихим Доном», — уже игриво подчеркнул Зимовнов.

Это хорошее чувство молодого вёшенца так понятно. Разве не такой же признательностью согреты слова писателей-земляков. Анатолий Калинин, живущий на хуторе Пухляковском, на мой взгляд, нашел предельно лаконичное определение:

— Шолохов — это гордость и солнце нашей литературы. Пример его всегда осеняет нас в нашем творчестве. Есть такое выражение: пишет кровью сердца. К кому же в большей степени относится это выражение в нашей литературе, как не к Шолохову! Есть такое выражение: народный художник. Мы знаем, что образцом этого народного художника в литературе является Шолохов! Есть, наконец, выражение: правда жизни. Мы знаем, что неподкупная правда жизни, суровая и прекрасная, всегда присутствует на страницах немеркнущих шолоховских произведений.

...Много лет назад в очерке «Свет и мрак» Михаил Александрович писал:

«В ответ поджигателям войны со всех концов земного шара гремит могучий голос разгневанных народов: «Мы хотим мира, а не войны»... Мраком обреченности окутан доживающий свой век капиталистический Запад. Но для трудового человечества всех стран ярким светом надежды полыхает занявшаяся на Востоке заря свободы и счастья. Свет победит мрак. И, спаянное

узами дружбы и братства, человечество скажет: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Сын тихого Дона, Михаил Шолохов всю жизнь боролся и борется против тьмы, за свет, за солнце, за Правду, за Человека.

Пусть еще долго светит людям вёшенский огонь!

54

Мой скромный рассказ о Шолохове подходит к концу. Очень трудная выпала задача автору этих строк. Но я и не обольщал себя наивной надеждой, что мне удастся нарисовать широкую картину. Я хотел лишь рассказать о том, что видел сам и что слышал, поведать хотя бы о малой частице того, что так неразрывно связывает народного писателя с народом, с той землей, что породила его и дала его книгам вечные, как сам народ, неумирающие корни.

А что касается отношения читателей к своему певцу, то тут лучше привести короткий рассказ известного донского писателя, одного из тех, кто вырос, окреп и возмужал в шолоховской школе литературы, Виталия Закруткина:

«Однажды мне пришлось быть свидетелем того, как старая казачка-колхозница встретила незнакомого ей Шолохова. Я знал эту женщину: она была неграмотна и ей много лет назад долгими зимними вечерами вслух читали «Тихий Дон». Когда мы вошли в залитый лунным светом двор, старуха дремала в сенцах. Увидев

нас, она сошла с крыльца и зашагала нам навстречу.

— Это такой-то, это такой-то, — сказали мы ей, — а это Михаил Шолохов.

— Какой Шолохов? — недоверчиво спросила женщина,— тот, что написал «Тихий Дон?»

— Да, тот...

Женщина отступила на шаг, несколько секунд молча вглядывалась в лицо Шолохова.

— Дай-ка, дорогой, я тебя поцелую за то, что ты написал про людей правду.

Истово, с материнской нежностью, она поцеловала склоненную голову Шолохова...»

То было признание Родины.

...Мне довелось быть участником Второго съезда писателей России. Представительный форум художников слова открылся в переполненном зале Большого Кремлевского дворца.

Тот день запомнился надолго, в особенности те волнующие минуты, когда к председательскому столу подошел Михаил Александрович Шолохов.

То, что съезд писателей земли Российской открывал он, Михаил Шолохов, было глубоко символично. Именно в нем все мы видели в тот торжественный день, видим теперь, и дай бог, чтобы еще долго и долго видели, живое олицетворение неразрывной связи литературы с народом.

Великий советский писатель открывал съезд русских литераторов в присутствии делегаций

писательских организаций всех союзных республик. И это как бы снова и снова было всеобщим признанием выдающихся литературных заслуг сына тихого Дона перед родным народом.

С глубоким вниманием слушали его участники съезда. Он говорил о том, что у литераторов непочатый край дел, что писатели должны дорожить мнением народа больше всего на свете.

«Чем же еще может быть оправдана жизнь и работа каждого из нас, — говорил Михаил Александрович, — если не доверием народа, не признанием того, что ты отдаешь народу, партии, Родине все свои силы и способности».

Запомнились горячие, идущие из глубины сердца призывы Шолохова:

— Пусть на первом плане будет то, что нас всех объединяет, — забота о новых успехах великой советской литературы. Этого очень ждет от нас партия, очень ждет и весь народ.

Все равно, коммунист ты или беспартийный, отдавай всего себя, все свои силы, всю душу народу, живи с ним одной жизнью, делись с ним и радостью и трудностями.

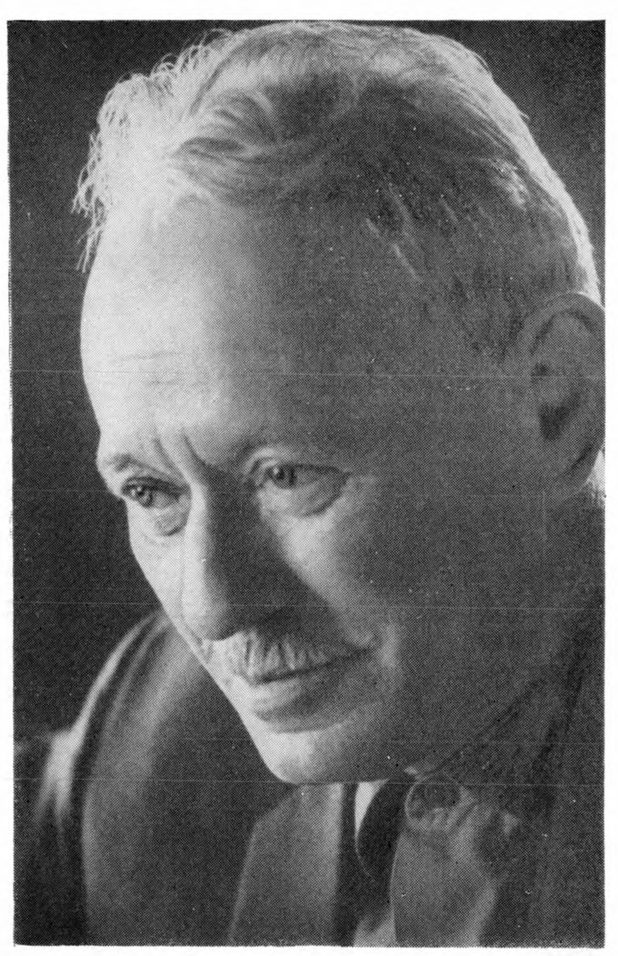
...Попробуй, опиши шаг за шагом берега тихого Дона, пролегшие на сотни и сотни километров... Опиши все встречи зеленой донской волны, столько повидавшей на своем веку, с вербами, с дубками, с кленами да с вёшенскими нежными березами, с омытыми до ослепительной белизны

песчаными косами, с высокими берегами, ериками — мелкими да шумливыми, глубокими да молчаливыми, с древними курганами, что, словно братья, вышли из степных просторов на самый берег поклониться своей величавой сестре-реке...

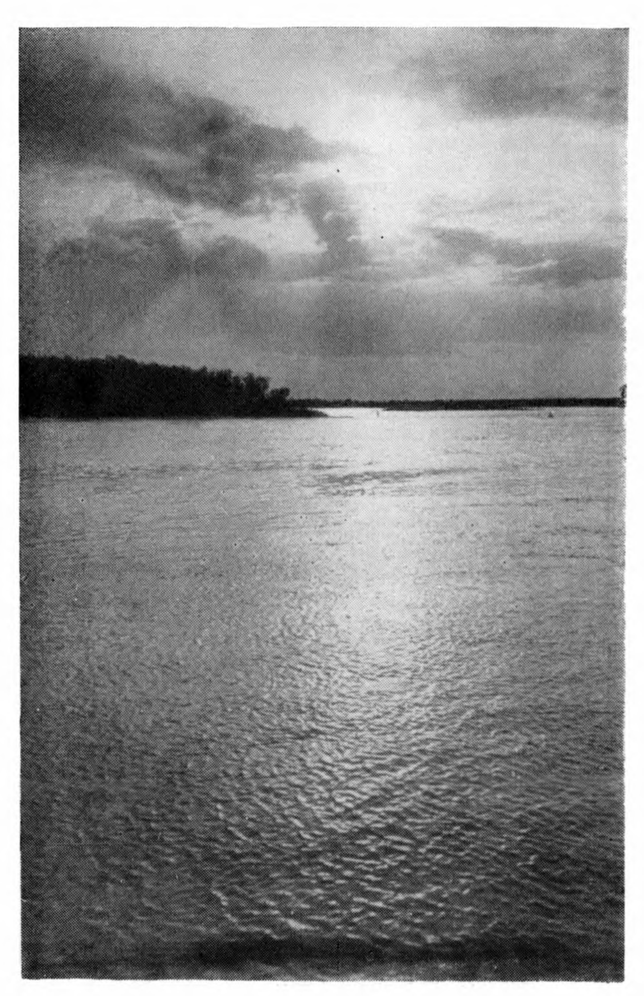
Попробуй, опиши...

Так и жизнь Шолохова — она подобна тихому Дону, который никогда не был тихим, течет широкими волнами по родным степным просторам, по необъятной земле России, и разве можно описать все шолоховские встречи!

Вёшенская — Уральск — Ростов-на-Дону.
1965—1967 гг.

Михаил Александрович Шолохов. 1965 г.

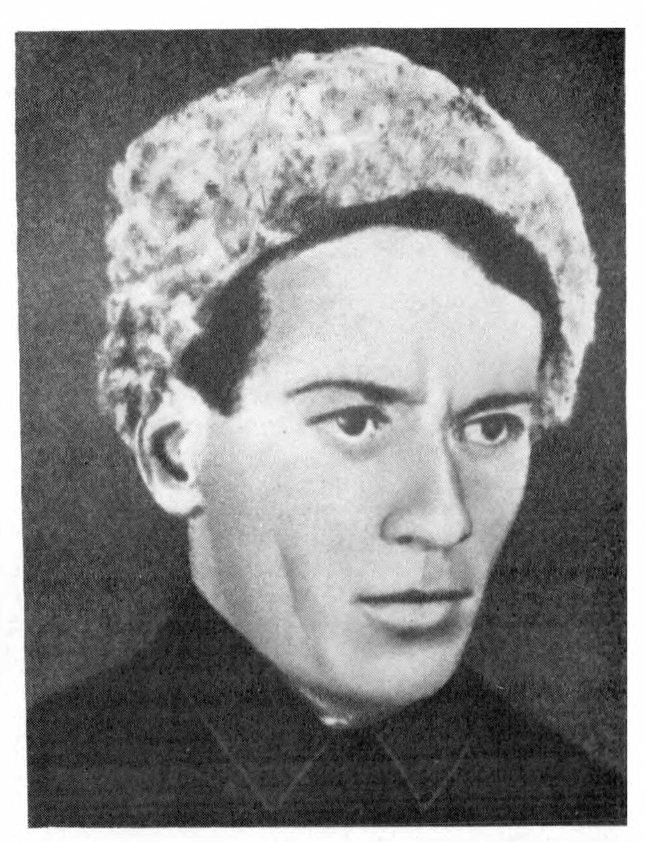

Тихий Дон.

Курень в хуторе Кружилинском, где 24 мая 1905 г. родился М. А. Шолохов.

Гимназист Миша Шолохов (справа).

М. А. Шолохову 20 лет. Вот таким он принялся за «Тихий Дон».

20-е годы

1928 год. Ростов-на-Дону. В. Ставский, М. Светлов, М. Шолохов, Г. Кац, А. Бусыгин.

М. А. Шолохов читает главы романа «Тихий Дон» рабочим московского завода «Красный богатырь». 1929 г.

30-е годы

▲
Слева направо: И. Москвин, А. Толстой, В. Чкалов, М. Шолохов, А. Корнейчук и Дадиани. 1938 г.

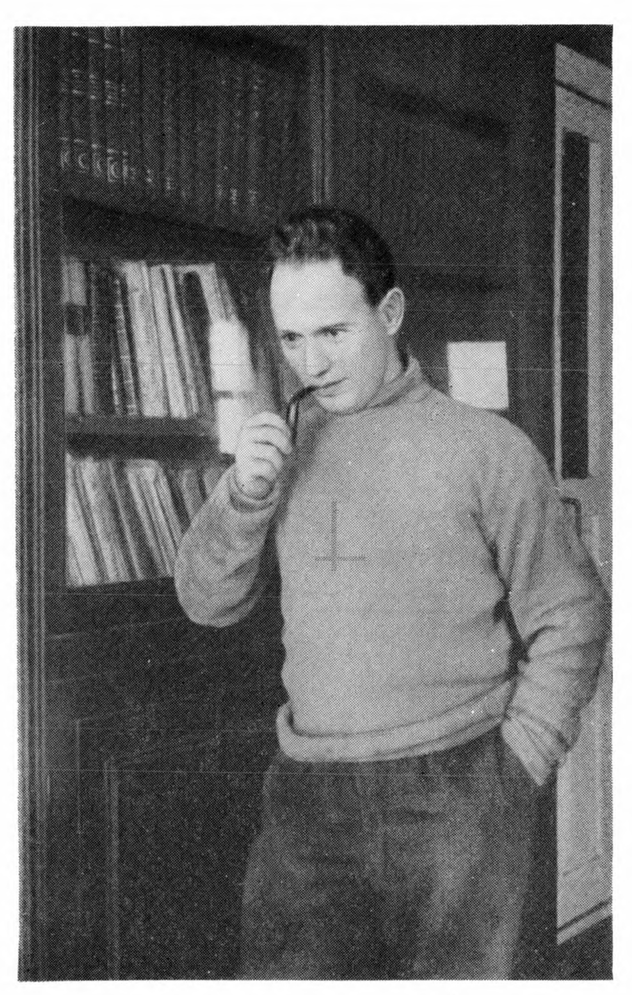
◄ 1940 г. Михаил Александрович диктует жене Марии Петровне последние страницы «Тихого Дона».

Написаны две первые книги «Тихого Дона», и автора уже называют знаменитым писателем нашего времени.

Тридцатые годы. Широко разлился вешний Дон.

Михаил Александрович на охоте. 1938 г.

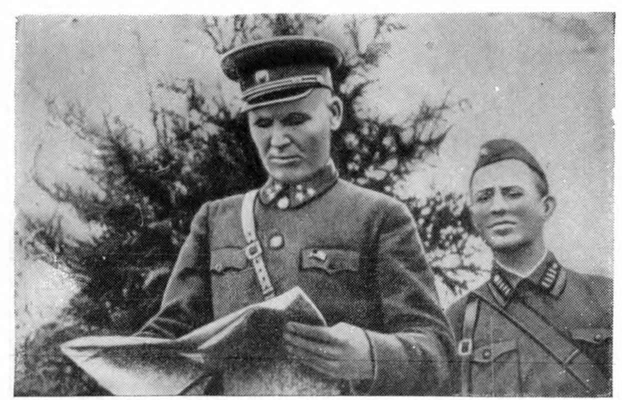
Михаил Александрович Шолохов. 1936 г.

Война. Полковник Шолохов у артиллеристов.

Война. Михаил Александрович на командном пункте.

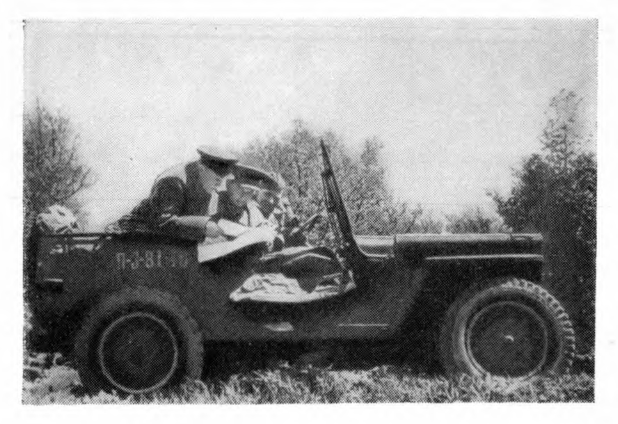

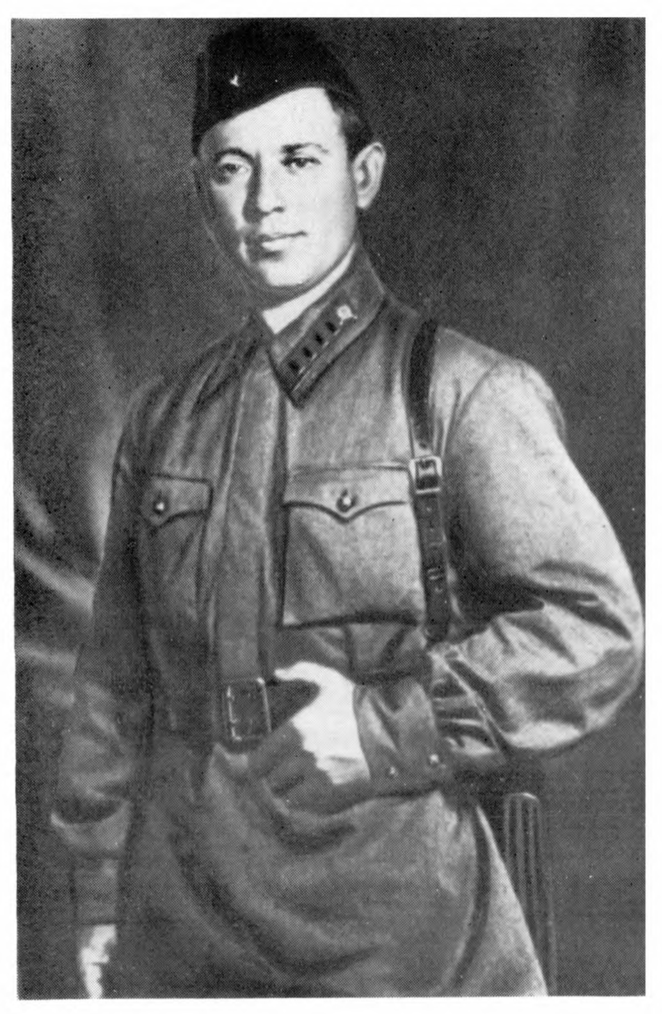
1941г.

Война. Западный фронт. У маршала Конева.

Михаил Александрович на фронте.

Михаил Александрович Шолохов — военный корреспондент «Правды».

1945 г. М. И. Калинин вручил М. А. Шолохову орден Отечественной войны 1-й степени.

Война окончена. Полковник вернулся домой.

Эти места описаны Шолоховым в романе «Тихий Дон».

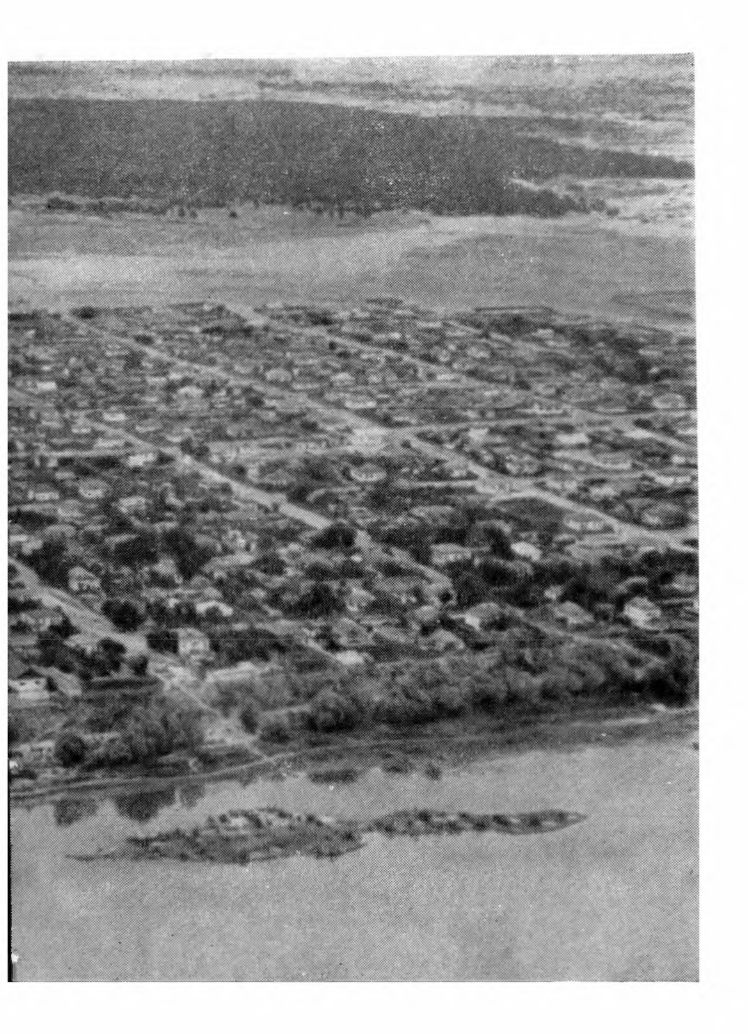

У родного тихого Дона.

Станица Вёшенская.

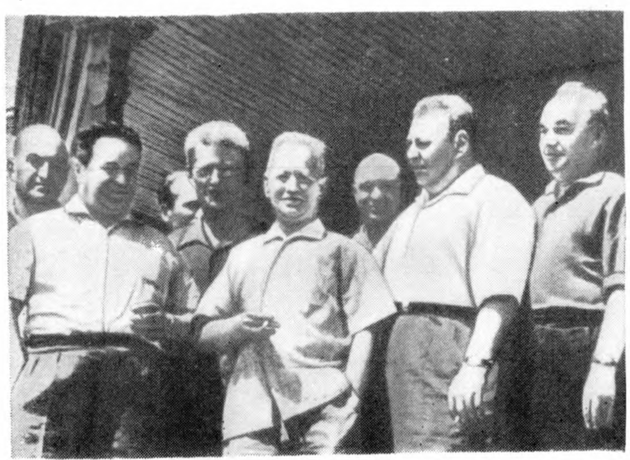

Ростов-Дон. Встреча с Д. Д. Шостаковичем.

XXII съезд КПСС. Михаил Шолохов и Морис Торез.

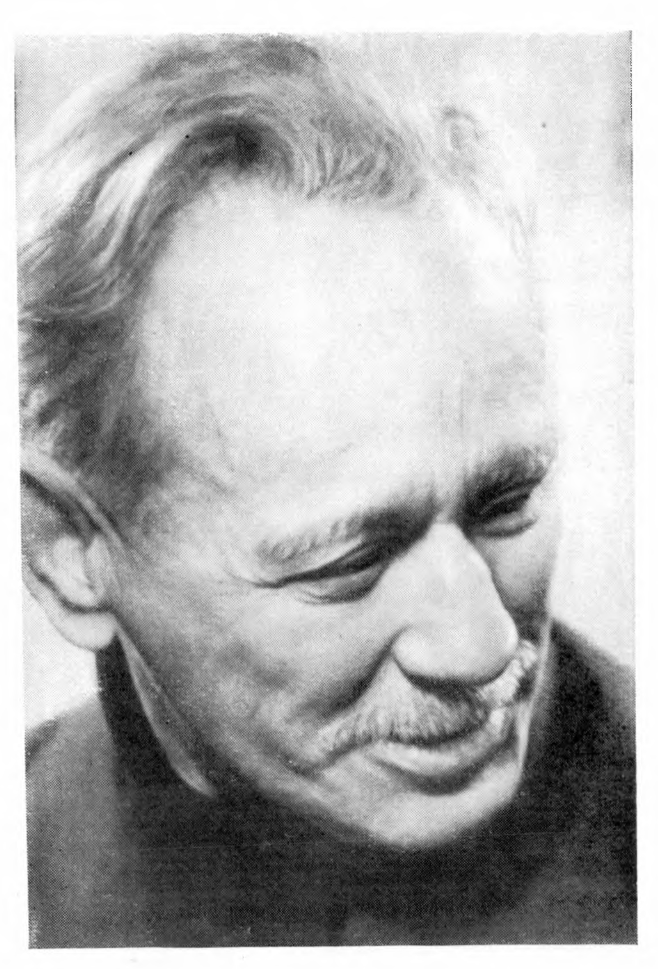
Приехали писатели-земляки.

Почта пришла.

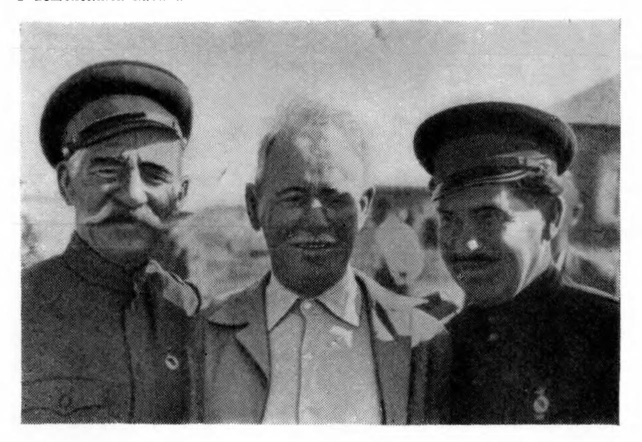

М. А. Шолохов

Писатель М. А. Шолохов на полях совхоза «Терновский». 1960 г.

С вёшенскими казаками.

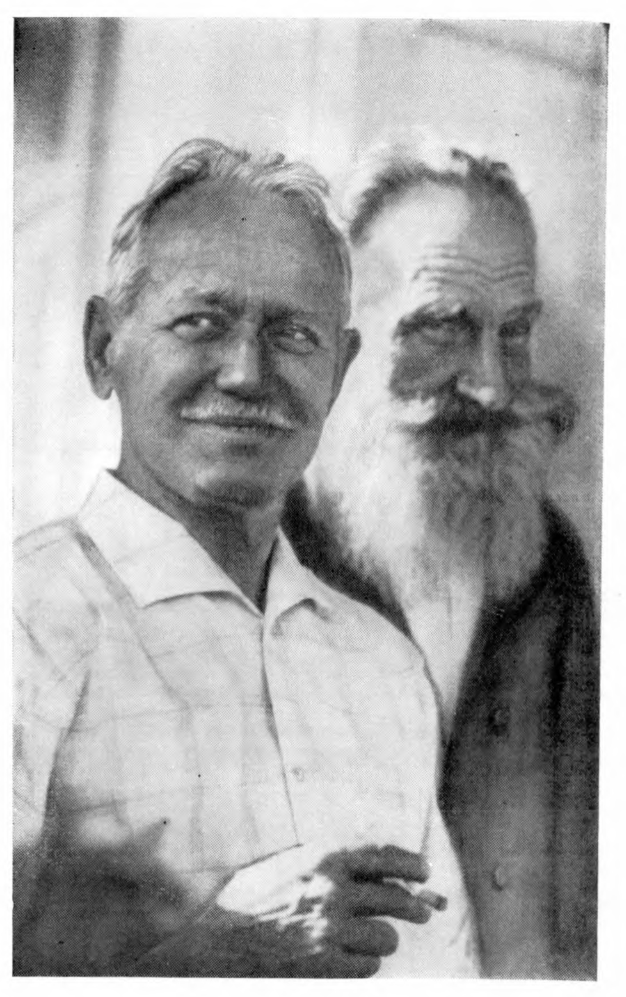

М. Шолохов и Л. Леонов обмениваются рукопожатием после вручения им в Кремле орденов Ленина, Золотых звезд и грамот о присвоении звания Героя Социалистического Труда за выдающиеся заслуги в развитии советской литературы.

Лос-Анжелос. На завтраке в Голливуде. Американцы приветствуют М. А. Шолохова. ▶

Киргизские литераторы подарили Михаилу Александровичу Шолохову в день его шестидесятилетия национальный костюм и комуз.

Рядом с М. А. Шолоховым ветеран ленинградского Кировского завода М. Г. Алексеев.

У дома писателя.

Рабочие ленинградского Кировского завода в гостях у М. А. Шолохова.

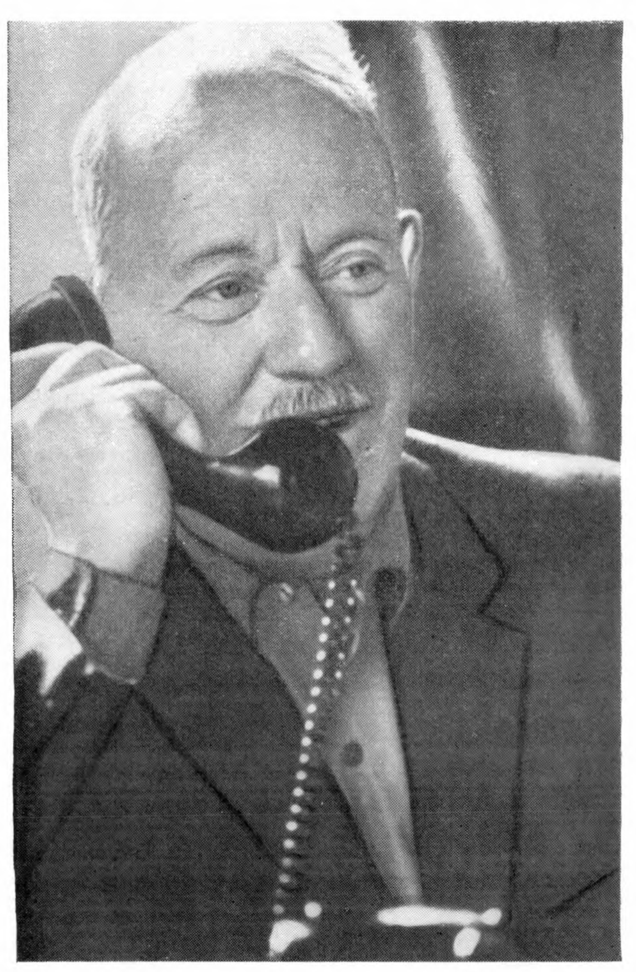
Шведский король Густав VI Адольф вручает М. А. Шолохову Нобелевскую премию.

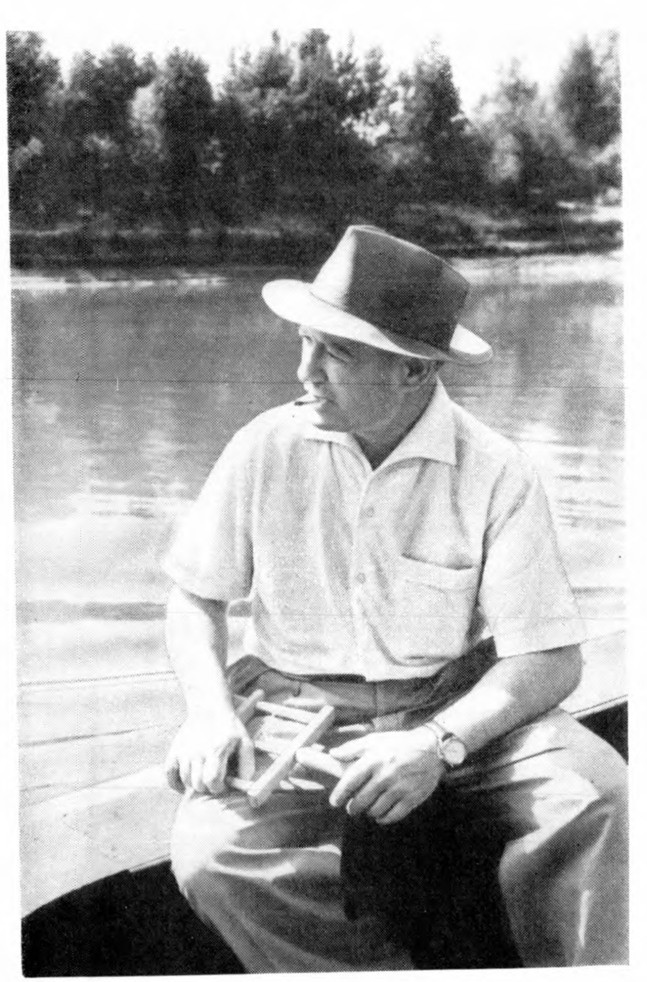

Почетный приз четырехсот тысяч польских читателей — «Золотой колос».

В рабочем кабинете.

На рыбалке.

Михаил Андреевич Андриасов

СЫН ТИХОГО ДОНА

Редактор **А. И. Самошенко**
Художник **Н. Л. Юсфина**
Художественный редактор **Э. А. Розен**
Технический редактор **Е. А. Ельская**
Корректор **В. Л. Данилова**

Сд. в наб. 15/VII-68 г. Подп. к печ. 18/III-69 г. Форм. бум. 70×90$^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. 6,5+16 вкл. Усл. печ. л. 8,77. Уч.-изд. л. 8,41. Изд. инд. ЛХ-200. А06803. Тираж 100 000 экз. Цена 55 коп. в переплете. Бум. № 1.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Заказ № 646.